

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ

№ 11-12 2017 (НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ)

Учредитель журнала

Общество с ограниченной ответственностью

«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

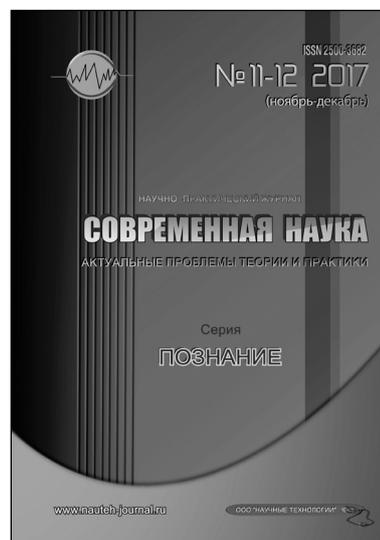
Подписано в печать 01.12.2017 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 11-12 ноябрь-декабрь 2017 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(БАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,

Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 755-1913

e-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

<http://www.vipstd.ru/nauteh>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, доктор псих. наук, профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к. экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Воронина Наталья Ивановна — доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — доктор искусствоведения, профессор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры

Кибальченко Ирина Александровна — доктор псих. наук, профессор Южного федерального университета

Кириллова Наталья Борисовна — доктор культурологии, профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — доктор культурологии, доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — доктор псих. наук, доцент Самарского государственного института культуры

Коротких Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — доктор культурологии, к.и.н., профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Куруленко Эллеонора Александровна — доктор культурологии, ректор Самарского государственного института культуры

Листвина Евгения Викторовна — доктор философских наук, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ

Никольский Сергей Анатольевич — доктор философских наук, зав. сектором Института философии РАН

Овсяник Ольга Александровна — доктор псих. наук, доцент Российского экономического университета им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — доктор культурологии, к. пед. н., доцент Новосибирского государственного технического университета

Пономарева Галина Михайловна — доктор философских наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — доктор искусствоведения, профессор ВГИКа

Садохин Александр Петрович — доктор культурологии, доцент РАНХиГС

Сгибнева Ольга Ивановна — доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного университета

Серов Николай Викторович — доктор культурологии, действительный член Оптического общества им. С. Рождественского

Синягин Юрий Викторович — доктор псих. наук, профессор, заместитель директора «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС при Президенте РФ

Сиюхова Аминет Магаметовна — доктор культурологии, доцент Майкопского государственного технологического университета

Соловьева Светлана Владимировна — доктор философских наук, доцент Самарского государственного института культуры

Тихонова Анна Юрьевна — доктор культурологии, доцент Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — доктор культурологии, профессор Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, профессор Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — доктор псих. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семен Аркадьевич — доктор философских наук, профессор, руководитель Центра истории искусств и культуры Института всеобщей истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Пятникова Т.Р.** — Обряд в честь добычи росомахи
Pyatnikova T. — A ceremony in honor of the production of wolverine 4
- Рубаева Т.Ю.** — Проблема памяти в англоязычной эссеистике
И. Бродского (на примере эссе «Набережная неисцелимых») 7
Rubaeva T. — The problem of memory in the English essayism
of I. Brodsky (on the example of the essay «Watermark») 7
- Сабанчиева Л.Х.** — Потенциал сохранности этнических маркеров
материальной культуры в Кабардино-Балкарии 11
Sabanchieva L. — The potential preservation
of ethnic markers in material culture in Kabardino-Balkaria 11
- Сошников А.Е.** — Субкультура граффити
в пространстве современного города 15
Soshnikov A. — The subculture of graffiti in the contemporary city 15
- Шишкин Н.Э.** — Реабилитация буржуазного кинематографа
на страницах журнала «Искусство кино» (1986-1991 гг.) 18
Shishkin N. — Rehabilitation of bourgeois cinema in
"The Art of Cinema" magazine (1986-1991) 18
- Шулин В.В.** — Влияние звукового ландшафта
мегаполиса на стилевые и жанровые особенности
музыкально-эстрадного исполнительства 24
Shulin V. — The influence of the soundscape
of the metropolis in style and genre of jazz and the pop music 24
- ПСИХОЛОГИЯ**
- Белых Т.В., Толкачева О.Н.** — Социализация
и ресоциализация личности после психологической травмы 27
Belykh T., Tolkacheva O. — Socialization and
Resocialization After Psychological Trauma 27
- Коновалова А.В., Карташев А.А.** — Особенности переживания
одиночества у больных шизофренией 33
Konovalova A., Kartashev A. — Features of experiencing
loneliness of patients with schizophrenia 33
- Орлова А.В., Рушина М.А.** — Социальный прогноз будущего
ребенка в зависимости от стиля семейного воспитания 39
Orlova A., Rushina M. — Social prediction of the future child,
depending on the style of family upbringing 39
- Тютюева И.А.** — Организация методического кабинета
для обеспечения психологических дисциплин 41
Tutyuyeva I. — Organization of the methodical
cabinet for providing psychological disciplines 41

ФИЛОСОФИЯ

- Архиереев Н.Л.** — Стандартная и теоретико-множественная
стратегии формализации научной теории 46
Arkhiereev N. — Standard and set-theoretic
strategy of formalization of scientific theory 46
- Архиереев Н.Л.** — Критерии эмпирической осмысленности
и проблема определения теоретических терминов 51
Arkhiereev N. — Criteria of empirical meaningfulness
and problem of definition of theoretical terms 51
- Бондаренко В.В.** — Проблема самосознания
как условия экзистенциального тождества личности
в философии Вениамина Алексеевича Снегирева 56
Bondarenko V. — The problem of self-consciousness
as the conditions of existential identity of the person
in philosophy of V.A. Snegirev 56
- Дарибазарон Э.Ч., Гомбоева А.В.** — Роль интеллигенции
в духовно-нравственной трансформации общества
в условиях новых глобальных вызовов 63
Daribazon J., Gomboeva A. — The role of intellectuals
in the spiritual and moral transformation of society
in the face of new global challenges 63
- Касаткин П.И.** — Аксиология современного
российского образовательного пространства 67
Kasatkin P. — Axiology of the modern Russian educational space 67
- Лугинина А.Г., Никитин Г.М.** — Виртуальная реальность
как социокультурный феномен 72
Luginina A., Nikitin G. — Virtual reality
as a sociocultural phenomenon 72
- Савинов Т.Х.** — Управление как атрибут человеческого бытия 78
Savinov T. — Management as attribute of human being 78
- Серегина Т.Н.** — Аксиологическо-антропологические
аспекты формирования культурной политики России 83
Seregina T. — Axiological and anthropological
aspects of cultural policy of Russia 83
- Трашкова С.М.** — К вопросу о неприкосновенности
личности: социально-философский анализ
ряда концептуальных подходов 88
Trashkova S. — To the question
of integrity of inviolability: social and philosophical analysis
of a number of conceptual approaches 88
- Информация**
- Наши авторы. Our Authors 93
- Требования к оформлению
рукописей и статей для публикации в журнале 94

ОБРЯД В ЧЕСТЬ ДОБЫЧИ РОСОМАХИ

A CEREMONY IN HONOR OF THE PRODUCTION OF WOLVERINE

T. Pyatnikova

Summary. The Article is written based on the author's field materials, collected during 1997–2008 in the villages polnovatogo Ob of the Beloyarskiy district, Khanty-Mansiysk Autonomous district-Yugra the Tyumen region, among the indigenous population of the Khanty. The purpose of this article is to acquaint the reader with the traditional rite Khanty «roomsized IHRSА» been recorded in the literature, which was conducted early 1930s

Keywords: bear festive, ritual, rasamalai merrymaking, periodic and sporadic event, presentation, sacred animal, a totem cult.

Пятникова Тамара Романовна

Н.с., Белоярский филиал Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Белоярский
toma.pyatnikova@mail.ru

Аннотация. Статья написана на основе полевых материалов автора, собранных в течение 1997–2008 гг. в селениях полноватского Приобья Белоярского района ХМАО-Югры Тюменской области, среди коренного населения ханты. Целью статьи является познакомить читателя с традиционным обрядом ханты «росомашичьи игрища», не зафиксированный в литературных источниках, который проводился ещё начале 1930-х гг.

Ключевые слова: медвежий игрища, обряд, росомашичьи игрища, периодический и спорадический праздник, представления, священное животное, тотемический культ.

Согласно представлениям ханты и манси животный мир уподоблен человеку. Наибольшим почитанием из животных пользовался медведь, который занял значительное место в представлениях, верованиях, обрядах. С ним связан целый ряд обрядовых действий, целью которых было возрождение зверя и его задабривание. Медведь считался мифологическим предком фратрии Пор, имеет небесное происхождение. Его отец Тэрум ащи «Небесный отец», по его просьбе он был спущен Небесным отцом на землю. Культ, называемый «медвежий игрища», описан и исследован многими известными зарубежными и российскими учёными исследователями. В виду своей сложности и не до конца выявленный культ в литературе получил разные объяснения. Одни видят в медвежьих церемониях желание помирить медведя (душу) с убитыми его охотниками (что обусловлено представлениями о медведе как о предке), другие — стремление к его возрождению; в медвежьем празднике проступают и элементы погребального обряда [1, с. 23]. Существовали периодические и спорадические медвежий игрища¹. Периодические проводили в течение семи лет в селении *Йем-вош* «Вежакары», затем в течение семи лет в селении *Тэк карт* «Теги» (Берёзовского района). Йем-вош считался культовым центром фратрии Пор. Духи-хранители названных селений приходились друг другу родными братьями, поэтому, по словам информантов, семь лет игрища проводились в одном селении, затем на семь лет перевозили в другое селение. По данным известного учёного В.Н. Чернецова, спорадический медвежий праздник более позднего происхождения и является сокращённым вариантом календарных фратриальных действий [2].

Для сравнения и лучшего понимания обряда, приведю в пример краткое описание медвежьих игрищ. Добыв медведя, с него снимали шкуру с головой и лапами и до-

ставляли домой. Вечером начинался праздник, который длился пять ночей, если это медведь, четыре ночи — если добыта медведица, три ночи — если это медвежонок. Каждая ночь начинается с того, что трое мужчин взявшись за мизинцы, исполняли песню о происхождении медведя и его жизни. Затем следуют «танцы предков» отдельных социальных групп. Мужские, женские танцы, драматические представления сатирического характера... По словам информантов, на нём необходимо исполнить примерно 360 песен и представлений (некоторые учёные сравнивают в театральными представлениями). После чего приступали к поеданию мяса медведя. Затем выполнялись очистительные обряды.

Со временем данный обряд, особенно после установления Советской власти стал терять своё религиозное значение, все обряды были под запретом, его проводили тайком, исполняя только главные сцены. В настоящее время отдельные сцены медвежьих игрищ исполняются на концертах и других мероприятиях, разучиваются и исполняются песни.

В прошлом помимо медвежьих игрищ *пўпи як хот* (досл.: медведя танцевать дом) существовал обряд *лошек як* «игрища, устраиваемые в честь добычи росомахи» (досл.: росомаху танцевать). В научной литературе сведений о его бытовании нет, хотя жители старшего поколения Среднего Приобья, Северного Приобья, Северной Сосьвы² до сих пор его помнят, которые проводились ещё в 1930-х гг. По словам информантов с Казыма такие «игрища» у них не проводили, но про *лошек як* «росомашичьи игрища» слышали от взрослых.

По сведениям информантов, игрища в честь росомахи устраивали три года подряд в Нижних Вежакарах,

затем три года — в Верхних Вежакарах. Вероятно, в прошлом, как и медвежьим игрища, сначала они были периодическими, впоследствии стали и спорадическими. Как отмечает В.Н. Чернецов: «медвежий праздник возник, вероятно, на основе периодических магических охотничьих обрядов. Вначале он был праздником тотемического культа, впоследствии стал периодическим. Он считал, что спорадические медвежьих праздники возникли в результате ослабления табуации медведя и общественной роли фратрии [3, с. 45]. З.П. Соколова отмечает, что росомаха почитается как предок или священное животное родов, проживающих на реках Пим, Васьюган, Юган [4, с. 140]. В приобских деревнях и на Северной Сосьве «игрища» проводились по случаю добычи росомачи, продолжительность которых три ночи. Видимо, как и медвежьих игрища, являлись как бы сокращённым вариантом периодического праздника.

По народным представлениям росомаха приходится старшим братом или старшей сестрой медведя. Они имеют внешнее сходство, росомаху в лесу можно принять за медвежонка, следы схожи со следами маленького медвежонка, у обоих колени, как и у человека, сгибаются вперёд. Росомаху считает воровкой, так как ворует запасы в лесу у людей и других животных. Это сильное и хитрое животное. Добычу свою несёт на спине, которая может превышать её вес в два-три раза. Делает запасы в нескольких местах, если в одном месте найдут другие животные, то в других останется. Она может напасть на оленя, молодого лося и перегрызть им шею, для этого устраивается в удобном месте на дереве и ждёт, когда жертва будет проходить. Запрыгивает на спину, вцепляется в загривок, не отпускает до тех пор, пока жертва не упадёт от потери крови. На оленя нападает в момент, когда тот копает снег в поисках ягеля и голова опущена вниз. Бывали случаи нападения на человека во время охоты.

В «разговоре» с медведем росомаха хвастает, что он ловкий и быстрый, на что медведь ему говорит: «Брат, ты что короткими шашками бегаешь, длинными шашками бегаешь, оленю, лосю горло перегрызаешь, животных не трогай! Мне оленя поймать разве трудно? Хантыйская женщина, хантыйский мужчина дымящуюся (горячую) еду мне ставят, рюмку ставят, я их жалею»³. Росомаха отвечает: «Я понапрасну не нападаю, когда кушать хочу, только тогда нападаю». После просьбы медведя росомаха не стала часто нападать на оленей и лосей, чтобы людям оставить (Логаны Д. К.).

На медвежьих игрищах медведь росомаху называет *Вэн жошек ути-най аукем* «Старшая сестра росомаха богиня мать» (Юхлымова П. Н.). В песне пробуждения медведя росомаха говорит: «Кедровка-сестра на рассвете уже давно улетела, ты всё ещё спишь, вставай, вставай. Кедровка-сестра длинную шишку с кожурой уже давно сорвала и унесла, ты всё ещё спишь». (Молданова Е. В. и др).

Кедровка (ронжа) медведю и росомахе приходится старшей сестрой. Медведь наказал сестру кедровку, велел всегда быть худой, за то, что она не сбросила ему шишку, когда он попросил *Пещ нюхеңәлан ши ват сорлаун*. «Твои окорока пусть усохнут». С тех пор кедровка хоть и ест жирные орехи, но не поправляется, всегда худая — так заклинал медведь. Медведь и росомаха осенью ищут на земле кладку орех кедровки. В селениях на Оби кладку орех кедровки называют *лэм*, на Казыме *тацтам*. Спрятав орехи, кедровка на стволе дерева делает пометку, сдирает кору дерева, с какой стороны находится и по ней находит их ранней весной. По этим же меткам ищут кладку медведь и росомаха. Про росомаху говорят *Вэн жошек яйү ики ёш пелк щәртәу хә* «Стариший брат росомаха на одну руку шаман, наполовину шаман». По наблюдениям охотников, она иногда сидит, подняв одну лапу, и внимательно разглядывает, будто, шаманит (Тарлин В. Н.).

Спорадические игрища по случаю добычи росомачи проводили три ночи.

На месте добычи росомачи на стволе дерева, растущего с северной стороны, охотник делал зарубки так же, как и во время добычи медведя. Когда подходили к деревне, кричали и стреляли из ружья три раза. Люди уже знали, что добыта росомаха. Присутствующие бросали друг в друга снегом. Росомаху заносили в дом, так же, как и при внесении медведя, окуривали помещение, на порог клали топор. Шкуру с головой укладывали на стол в моленном углу. Глаза и нос животного, по воспоминаниям одних информантов, ничем не закрывали (вероятно, позднейший вариант), другие помнят, что закрывали (как у медведя). Если самец — надевали шапку, самка — платок, кольца. Над головой вешали одежду духов. Перед ним ставили угощение и чашку для окуривания. Все, кто приходил, приносили угощение, гладили лапу, кланялись.

Игрища проходили в течение трёх ночей, они начинались с того, что трое мужчин взявшись мизинцами, раскачиваясь вперёд-назад, пели песню (но какую — никто не мог вспомнить). Информанты говорят: «песни «пробуждения» и «укладывания» не пели». Для исполнения *луңәтуп* «представлений, сценок» мужчины переодевались, надевали берестяные маски и заходили с улицы. Пока мужчины надевали костюмы, женщины и дети заполняли паузу, они танцевали. Танцы и представления сопровождалась игрой на музыкальных инструментах (*нарс юх, тор санл*). «Больших духов», то есть всеобщих божеств, на игрища не призывали, и их песни и танцы не исполнялись. По воспоминаниям информантов, в последние годы основное внимание уделялось развлекательной части: бытовым и сатирическим сценкам. На ночь голову росомачи ничем не накрывали. Также на «игрища» приезжали с соседних деревень желающие, но так, как на медвежий праздник, много на-

роду не собиралось. Основными участниками была молодежь, и праздник носил развлекательный характер. Мясо животного ели просто, лицо росомaxe при этом не закрывали платком как медведю, не имитировали прилёт ворон. Кости не выбрасывали, собирали в кучу, после завершения игрищ, уносили на священное место и вешали на дерево. Не проводили обряд гадания о том, когда будут следующие игрища. После всего на улице кидали снег друг в друга (обряд очищения). На третью ночь шкуру росомaxe выносили и хранили в лабазе или на крыше дома, как дар для Ем-вошки «Вежакарского божества мужчины». «*Jjv Eм-вош ики щира вэжты хэ, тын пүн-пухен саун и-щира вэжлаян, яха жуутэйслайн*» «Он как Вежакарский дух-покровитель, они с медведем одинаково живущие, вместе считаются». (Лельхова А. В.). В последние годы шкуру сдавали в приёмный пункт, использовали для отделки одежды. Меха росомaxe прочный, поэтому пришивали к низу зимней одежды.

Рискну предположить, что т.к. медвежонок и росомaxe (в лесу можно принять за маленького медвежонка) имеют внешнее сходство, по случаю добычи медвежонка устраивали игрища в течение трёх дней, то и по случаю добычи росомaxe устраивали игрища в течение трёх ночей. В настоящее время Медвежьих игрищ, устраиваются крайне редко, а Росомашичьи игрища, проводимые ещё в тридцатые годы XX столетия, забыты, и мало кто о них помнит и вообще слышал.

Также можно заметить, что обряды несли не только сакральную нагрузку, одновременно это был праздник, где собирались жители окрестных и дальних поселений, служили поводом для знакомства молодых людей, выбора невесты, вносили разнообразие в трудную повседневную жизнь.

Примечания

¹ Значение терминов см. Молданов Т. А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов / Томск: изд-во Том. унт-та, 1999, — 141 с.

² Устные сведения получены в 2006 г. во время поездки на семинар «Шешкинские чтения» в д. Ломбовож Берёзовского района)

³ Во время игрищ перед медведем ставят угощение (горячую еду).

Информанты

1. Пятникова (Ользина) Евдокия Григорьевна, 1924 г.р.д. Суреи Берёзовского района Тюменской области. Запись: 1998 г.д. Тугияны
2. Ользина Матрёна Григорьевны, 1930 г.р., д. Суреи Берёзовского района. Запись: 2000 г.с. Полноват.
3. Юхлымова (Миляхова) Прасковья Николаевна, 1930 г.р.д. Чуэли Берёзовского района. Запись: 2002 г.с. Полноват.
4. Юрьева (Юмина) Ксения Дмитриевна, 1932 г.р., д. Суматнёлы Берёзовского района. Запись: 2001 г.д. Ванзеват.
5. Лельхова (Федотова) Акулина Васильевна, 1923 г.р., д. Пашторы Берёзовского района. Запись: 2001 г.г. Белоярский
6. Лельхова Ульяна Павловна, 1922 г.р., д. Пашторы Берёзовского района. Запись: 2001 г.г. Белоярский
7. Инырева (Тоголмазова) Екатерина Григорьевна, 1926 г.р.ю. Выгрим Берёзовского района. Запись: 2003 г.с. Полноват.
8. Гришкин Владимир Ефремович, 1958 г.р.д. Тугияны Берёзовского района. Запись: 2002 г.д. Тугияны.
9. Тарлин Владимир Николаевич, 1942 г.р., д. Помут Берёзовского района. Запись 2003 г.с. Казым.
10. Каксина Павел Максимович, 1928 г.р., стойбище окр. д. Юильск Берёзовского района. Запись 2002 г.с. Казым.
11. Логаны (Молданова) Дарья Ксенофоновна, 1928 г.р., ст. Пан-тяп-похар, (окр. д. Нумто) Берёзовского района. Запись: 2004 г.с. Казым.
12. Молданова Екатерина Васильевна, 1930 г.р., ст. Айвош-юхан (окр. д. Юильск). Берёзовского района. Запись: 2005 г.г. Белоярский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общей редакцией Е. С. Новик. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. — 568с.
2. Чернецов В. Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем. /Congressus Secundus internationalis Finno-Ugristarium Tomus 2. P. 102–111. Budapest. 1963.
3. Чернецов В. Н. Медвежий праздник у обских угров /Пер. с нем. И публикация д-ра ист. Наук Н. В. Лукиной. — Томск: изд-во Том. ун-та, 2001. — 50 с.
4. Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XV111-X1X вв. Проблемы фратрии и рода. / М.: изд-во «Наука», 1983. — 325 с.

© Пятникова Тамара Романовна (toma.pyatnikova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЭССЕИСТИКЕ И. БРОДСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ЭССЕ «НАБЕРЕЖНАЯ НЕИСЦЕЛИМЫХ»)

THE PROBLEM OF MEMORY IN THE ENGLISH ESSAYISM OF I. BRODSKY (ON THE EXAMPLE OF THE ESSAY «WATERMARK»)

T. Rubaeva

Summary. The article actualizes the problem of philosophical views of I. Brodsky, which are reflected in the essayism of the poet. The author concentrates his arguments around the phenomenon of memory perceived by the poet from the point of view of temporal projection, having the manifestation of all levels of human existence. The phenomenon of memory in the essay of I. Brodsky is reflected in the structure of the worldview, comparable to the foundations of the theory of the cycle, according to which the poet manages to synthesize the levels of cognition of the multifacetedness of human existence in various aspects of being given by I. Brodsky in the associative identity «God=time=water=memory». Through the concept of creativity of I. Brodsky, the author reveals the most important function of art as one of the determinants of the eternity of the present.

Keywords: the essay of I. Brodsky, memory as a phenomenon of the cycle of the universe and attitude, reflecting the function of art, the multifaceted existence and loneliness of man, «Watermark».

Рубаева Татьяна Юрьевна

К.ф.н., Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)
t.ketoeva@yandex.ru

Аннотация. В статье актуализирована проблема философских воззрений И. Бродского, которые нашли свое отражение в эссеистическом творчестве поэта. Автор сосредотачивает свои рассуждения вокруг феномена памяти, воспринимаемой поэтом с позиции временной проекции, имеющей проявление всех уровнях человеческого бытия. Феномен памяти в эссеистике И. Бродского находит свое отражение в структуре мироощущения, сравнимой с основаниями теории цикла, согласно которой поэту удается синтезировать уровни познания многоплановости человеческого существования в различных аспектах бытия, данных И. Бродским в ассоциативном тождестве «Бог=время=вода=память». Через концепцию творчества И. Бродского автор выявляет важнейшую функцию искусства как одну из детерминант вечности настоящего.

Ключевые слова: эссеистика И. Бродского, память как феномен цикличности мироздания и мироощущения, отражающая функция искусства, многоплановость существования и одиночество человека, «Набережная неисцелимых».

Искусство поэта, эссеиста, переводчика второй половины XX столетия Иосифа Бродского (1940–1960) принадлежит одновременно русской и англоязычной культуре: родившись в России и заявив о себе как о крупном оригинальном поэте, он был вынужден эмигрировать в США, где жил до конца своей недолгой и драматичной судьбы, при этом много времени проводя в европейских странах — Италии, Франции, Швеции [1].

Феномен взрыва интереса читателей и исследователей к творчеству Бродского объясняется тем, что в его поэзии и прозе трактуются наиболее важные проблемы существования личности в XX веке: свобода и принуждение, воздействие идеологических стандартов на сознание, судьба искусства в современном мире.

Значительную часть художественного наследия Бродского составляет его эссеистика. Он начал создавать эссе в России: это работы, посвященные античной культуре и литературе. Но наиболее значительные были написаны уже в эмиграции. Среди этих сочинений по своей идейно-художественной глубине и стилистиче-

скому мастерству выделяется эссе «Набережная неисцелимых» (1992).

Одной из центральных тем эссеистики Бродского является тема памяти. Память, трактуемая в качестве способности сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления от действительности, приобретает у автора глобальное значение: повторение былого в сознании оказывается самой главной характеристикой творческой личности [2]. Более того, с идеей повторения связывается у Бродского мысль об отражающей функции искусства; как следствие — его напряженные размышления о текучести и изменчивости времени, его соотносительности с неподвижным стабильным пространством, отсюда же — представления автора о фундаментальных составляющих человеческого бытия: счастье и смерти, красоте, любви, Боге. Исследование художественного мира Бродского позволяет открыть его феноменальную черту — «стянутость» важнейших понятийных категорий к теме памяти.

Чрезвычайно широкий и разноплановый способ рассуждения, охватывающий самые разные проблемы, об-

условлен и жанровой природой прозаических произведений Бродского. Эссе (от франц. *essai* — попытка, проба, очерк) представляет собой, как правило, произведение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по какому-либо вопросу и не претендующие на его исчерпывающую трактовку. «Эссе не может быть приведено к определенной дефиниции. Эта неопределенность, неуловимость входит в саму природу эссе и обусловлена той мирозерцательной установкой, которая заставляет этот жанр постоянно перерастать свои жанровые границы» [3].

Само название «*Fondamenta delgi incurabili*» («Набережная неисцелимых») указывает на то, что действие будет происходить на воде, точнее, на берегу какого-то водного пространства. Прочитав все эссе, можно убедиться, что мотив воды — один из самых важных смысловых элементов произведения, он настойчиво и неотступно преследует внимание автора. Философски рассуждая о реальном и даже бытовом понятии «вода», Бродский выходит к вечным проблемам смысла жизни и творчества, любви, смерти, бытия, времени и памяти. Сложное своеобразие рассуждений автора проявляется в том, что он связывает названные проблемы с мотивом воды и указывает на их возможное единство или, наоборот, полное несовпадение.

Все анализируемое эссе представляет собой воспоминание Бродского о жизни в Венеции, причем он вспоминает и свою реальную жизнь, и воображаемую, которая ей предшествовала и которую автор проживал в своих мыслях, сердце, воображении.

Немаловажным в понимании настойчивости образа Венеции в судьбе и творчестве Бродского является то, что, будучи человеком одиноким и лишенным всякого оптимизма, он чувствует себя там абсолютно счастливым. Об этом свидетельствует «запах мерзнувших водорослей», о котором автор периодически напоминает читателю. В Венеции у автора появляется надежда на будущее, что для Бродского совсем несвойственно: «Неважно... сколько раз тебя предавали, насколько... удручающе твое представление о себе, — тут допускаешь, что еще есть надежда» [4].

Причиной возникновения и настойчивости образа Венеции для авторского сознания является вода этого города, таящая в себе множество смыслов и приблизившая автора к проблеме памяти.

Венеция есть вода и камень. Бродский ассоциирует эти понятия соответственно со временем и пространством.

Вода в Венеции меняет все: мировоззрение, ощущения, весь внутренний мир человека. С водой у автора ас-

социируется человеческий глаз, он называет глаз нашим «единственным рыбоподобным органом» [5]. Наверное, поэтому Венеция — это город для глаз, где они опознают «самих себя в стихии, вынесшей отражения на поверхность бытия» [6]. Так впервые возникает в эссе мотив памяти: говоря о том, что вода отражает, автор вызывает ассоциацию с памятью, которая является ничем иным, как отражением прошлого в настоящем, повторением минувшего в сознании.

Память, представляя собой отражение и будучи равной воде, властвует над человеком, обуславливает его настоящее, которое потом с точностью спроецируется в будущем. Это означает, что никакого будущего у человека вообще нет и быть не может, все заранее обречено на повторение пройденного.

Трагизм мировосприятия Бродского проявляется и в его трактовке проблемы времени, в выявлении связи этой проблемы с существованием Бога. «Бог, или по крайней мере Его Дух есть время... раз Дух Божий носился над водой, вода должна была его отражать» [7]. Из этого следует, что вода и есть время. Бог = время = вода = память. Уравнивая время с бесстрастной, спокойной, статичной водой в Венеции, автор дает понять, что не существует прогресса, цивилизации, всего лишь меняется внешний облик происходящего, люди же только повторяют уже прожитые кем-то жизни.

Отождествление Бога с временем объясняет трагическое мироощущение Бродского: как всякий творческий человек, он одинок в этом несовершенном мире. Но одиночество это не от безверия. Наоборот, он уверен, что Бог есть, но — равнодушный, который только наблюдает за происходящим и отражает его. Бог Бродского — вода. И он же — время. Живя под таким Богом, люди не могут надеяться на лучшее. У них нет будущего. По мнению Бродского, будущее имеют только деньги.

Обращаясь к проблеме пространства (камня), автор утверждает, что оно неполноценно по сравнению со временем и уступает ему. И, исходя из того, что «вода... плюет на понятие формы», а камень такового обладает, читатель приходит к выводу, что понятие пространства гораздо уже понятия воды.

Анализируя размышления Бродского об искусстве, читатель приходит к выводу, что умозаключения автора подтверждают и подытоживают представления человека об искусстве. Искусство — тоже один из видов памяти, т.к. является отражением человека, точнее — его лучших мыслей и деяний.

«В конце концов, как и Сам Всемогущий, мы делаем все по своему образу за неимением более подходящего обра-

за» [8]. Данным высказыванием Бродский приравнивает человека-творца к Богу-творцу. Слышимый здесь сарказм, заключенный в идее о том, что у человека нет более достойного образца, чем он сам, можно понять и объяснить, если вспомнить трагическое мироощущение автора, его теорию о равнодушном Боге, который не может служить примером для подражания. Однако, это же высказывание позволяет думать, что человек (не всякий, конечно) велик, коль скоро оставляет в истории шедевры искусства, которые являются и вечной о нем памятью.

Внимательно прочитав заключительный фрагмент эссе, читатель откроет для себя еще один из смыслов искусства как памяти. Считая Венецию великим достоянием искусства, Бродский через нее называет важнейшую функцию искусства: оно «улучшает внешность времени, делает будущее прекраснее». Человек движется к будущему, т.е. к неизбежному концу, а искусство (оно же — красота) «есть вечное настоящее» [9]. И этой вечной силе нет никакого дела до человека, потому что, будучи созданием человеческих рук, искусство все-таки выше и масштабнее своего творца, оно не может быть истреблено, стерто со страниц истории.

С проблемой памяти в эссе тесно связана и тема любви. Бродский рассматривает любовь в двух направлениях: как отвлеченную философскую категорию и как реальность человеческих отношений.

Рассуждая о любви как о философской категории, автор отмечает, что она неотделима от воды, а значит, и от Венеции. Венеция не дает «поддаться» гипнозу или ослеплению любовной трагедии: на ее фоне все кажется ничтожным, неважным, второстепенным. И когда долго сомневавшийся читатель уже начинает в это верить, автор вдруг совершенно безнадежно говорит, что люди все-таки любят свои мелодрамы больше, чем искусство. Это дает повод думать, что Бродский лишь внушает себе, что личная трагедия может полностью померкнуть на фоне красоты, искусства.

Размышляя о верности, как о вечной спутнице любви, Бродский не открывает ничего нового: верность не является делом разума, она исходит из сердца.

Свои философские рассуждения на тему любви автор заканчивает фразой, легко перечеркивающей все вышеперечисленные идеи: «любовь есть бескорыстное чувство» и, в то же время, любовь есть «роман между предметом и его отражением». Здесь вновь очевидно противоречие: люди думают, что любят кого-то, а на самом деле любят лишь самих себя, отражающихся в объекте нашей любви, и собственное чувство.

Мысли Бродского об отражении в любви (в ее философском значении) есть параллель от любви к памяти,

которая сама является отражением. Именно на любовь в ее отвлеченном понимании автор смотрит с оптимизмом, т.е. он считает, что у такого чувства, отражающего людей друг в друге, у любви — памяти, продлевающей жизнь влюбленных друг в друге, у любви верной, есть будущее, более того, есть вечная жизнь.

На страницах эссе «Набережная неисцелимых» читатель встречает двух любимых женщин Бродского, двух венецианок (что тоже неслучайно): реальную, встреченную им в России, и воображаемую, встреченную им в его мыслях и мечтах о Венеции. Обе они прекрасны. И, отражаясь друг в друге, эти женщины отражаются в авторе и отражают его самого. Таким образом, любовь в реальной жизни тоже равна памяти как отражение. Однако, то, что она вечна, как и память, сразу вызывает сомнение, т.к., по мнению Бродского, будущего у человека вообще нет, в реальной жизни все преходяще.

Любовь автора с реальной возлюбленной была обречена на безответность, одиночество еще при встрече в России: «Она была действительно сногшибательной, и когда в результате спуталась с высокооплачиваемым недоумком армянских кровей ... нашей реакцией ... было изумление и гнев ...» [10]. Позже Бродский встречает эту женщину в Венеции и сразу чувствует, что любовь его обречена, что «в его знакомстве с единственным человеческим существом», которое он знал в этом городе, его приезд «скорее означал конец, чем начало» [11].

Если любовь реальная — это тоже отражение, то женщина эта воплощает в себе прошлое автора в России и его настоящее в Венеции — все временные пласты, кроме будущего. Будущего же у них нет, оно заморожено, именно поэтому влюбленным все время холодно вместе. Безнадежность же их любви вызывает аналогию по контрасту с адом Данте. Венецианка считает, что в аду холодно, а не жарко, и этот холод — самое страшное.

Таким образом, читатель убеждается, что для автора невозможно счастье с реальной женщиной в реальной жизни.

Со своей воображаемой возлюбленной, абсолютно вымышленной, автор связывает мечту о простом обывательском счастье. Признаки этого счастья тоже полностью воображаемые. Автор рисует идиллическую картину с «комодом, набитым кружевами, простынями, полотенцами, наволочками, бельем, которое выстирала и выгладила на кухонном столе молодая, сильная ... рука» [12]. Однако, будущее с этой женщиной также зачеркивается метафорически: осмысливая картину военной казни, читатель понимает, что это ни что иное, как расстрел счастья.

Исследования в области любви позволяют утверждать, что, по мнению Бродского, любовь как философская категория и любовь как реальность отношений между мужчиной и женщиной существенно различаются. Любовь земная не так идеальна, как представление о ней; она не имеет будущего, а потому трагична и часто безответна. Философское же представление о любви более оптимистично, оно допускает надежду на вечное существование. Но, несмотря на различия, любовь вообще есть отражение, а значит, она тесно связана с памятью, она даже сама в некотором смысле память.

Любовь и время в понимании Бродского также имеют друг к другу непосредственное отношение и даже обуславливают друг друга. Подтверждением данной мысли служит эпизод, когда автор посещает венецианское палаццо, каждая комната которого «знаменовала твое дальнейшее убывание, следующую степень твоего небытия» [13]. Дело же было в трех вещах: «драпировках, зеркалах, пыли». Зеркала в красивых дорогих рамах никого не отражали: «В течение веков отвыкнув отражать

что либо, кроме стены напротив, зеркала отказывались вернуть тебе твое лицо то ли из жадности, то ли из бессилия...» [14]. Зеркала эти являются олицетворением времени, с которым что-то не ладно в доме: оно не отражает, оно забыло, его, можно сказать, уже и не существует. Не случайно у автора появляется мысль об однополой любви: время умирает — значит, оно больное. Поэтому и любовь в это больное время может быть только ненормальная, противоестественная, больная.

Память включает в себя, помимо времени и пространства, еще и любовь. И хотя все эти понятия близки к памяти, она является наиболее объемным и совершенным из них.

Бродский заканчивает свое эссе мыслью о том, что «любовь больше того, кто любит». Она одновременно и объясняет трагизм личности автора, и является его истоком: будущего нет еще и потому, что самой любви, впрочем, нет никакого дела до человека, притом, как для любящего, так и для любимого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курицын В. Бродский // Октябрь. — 1997. — № 6. — С. 181–184
2. Степанян С. Миротворец Бродский // Континент. — 1993. — № 76. — С. 337–351
3. Эпштейн М. Н. На перекрестке образа и понятия (Эссеизм в культуре Нового времени) // Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. — С. 334
4. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 184
5. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 180
6. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 181
7. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 186
8. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 190
9. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 204
10. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 188
11. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 188
12. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 184
13. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 191
14. Бродский И. А. Набережная неисцелимых // Октябрь. — 1992. — № 4. — С. 192

© Рубаева Татьяна Юрьевна (t.ketoeva@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛ СОХРАННОСТИ ЭТНИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

THE POTENTIAL PRESERVATION OF ETHNIC MARKERS IN MATERIAL CULTURE IN KABARDINO-BALKARIA

L. Sabanchieva

Summary. The article presents the problem of incorporating ethnic elements of material culture in the recreation industry of the Kabardino-Balkar Republic. From this point of view considers the state and prospects of branding tourism destinations and recreation and noted the social importance of this process.

Keywords: ethnic markers, branding, ethnic architecture, national cuisine.

Сабанчиева Любовь Хабиевна

*К.и.н., с.н.с., Институт гуманитарных исследований
КБНЦ РАН
sablyu@mail.ru*

Аннотация. В статье представлена проблема инкорпорации этнических элементов материальной культуры в рекреационную отрасль Кабардино-Балкарии. С этой точки зрения рассмотрены состояние и перспективы брендинга объектов туризма и отдыха. Отмечена социальная значимость данного процесса.

Ключевые слова: этнические маркеры, брендинг, этническое зодчество, национальная кухня.

Важным или даже определяющим компонентом экономического процветания республик СКФО может стать развитие рекреационной отрасли. Кабардино-Балкарская Республика располагает множеством уникальных природных объектов, редких и эндемных видов животных и растений, целебными источниками, удачно вписывающимися в разнообразную структуру ландшафтов. Природное богатство края дополняют культурные традиции и исторические достопримечательности. Совокупность природно-культурных феноменов делает республику привлекательной для любителей отдыха, туризма и альпинизма. Сделать эту совокупность органичной и востребованной нашими современниками — задача не легкая, но актуальная. Между тем научное сообщество пока слабо реагирует на этот аспект проблемы. Большинство авторов акцентируют внимание в основном на ее экономическом составляющем [5, 6, 8]. Часть общих вопросов темы исследованы в статье Н. И. Солодовой «Природный и социально-экономический потенциал ООПТ как доминанты формирующихся туркластеров» [8, С. 223–228].

В Кабардино-Балкарии существует несколько географических районов сосредоточения зон отдыха: Эльбрусский муниципальный район (Приэльбрусье); Черекский муниципальный район (Горячие источники «Аушигер», Голубые озера, Безенги); Чегемский муниципальный район (Чегемские водопады, Безенги); Зольский район (Джилы-Су); городской округ Нальчик (бальнеологический и климатический курорт «Нальчик»). Туристско-рекреационные объекты КБР локализуются как в селитебной зоне, так и на особо охраняемых природных

территориях (ООПТ), что требует к себе особенного отношения [8, С. 224–227].

Общественное признание экосистемы экзистенциальной доминантой и частью рекреации, способной приносить эстетическую и финансовую пользу привело к созданию Государственного казенного учреждения «Дирекция особо охраняемых природных территорий Кабардино-Балкарской Республики». За Дирекцией закреплено 8 государственных природных заказников и 21 памятник природы. Основной целью Дирекции является обеспечение функционирования и соблюдения режима особой охраны государственных природных заказников и памятников природы, сохранение их экологического, исторического, эстетического и культурного значения, поддержание экологического баланса, сохранение и воспроизводство на их территории объектов животного мира, и обеспечение биологического разнообразия [2].

Рекреационная география КБР и соответствующая инфраструктура складывались постепенно по мере повышения популярности курорта «Нальчик» и горных восхождений.

Наиболее яркие моменты истории связаны с покорением высочайшей вершины Европы Эльбруса. Первое восхождение на Эльбрус совершено 22 июля 1829 года. Связано оно с научной экспедицией, организованной Российской Академией наук по предложению и под общим руководством начальника Кавказской укрепленной линии генерала Г. А. Эммануэля. Тогда впервые на Восточную вершину горы поднялся черкес Киллар (у Эммануэля).

нюэля –Киляр) Хаширов — один из проводников научной экспедиции[7].

Вполне естественно, что с тех пор у подножия Эльбруса вдоль реки Баксан сложилась инфраструктура, наиболее зримо отражающая уровень развития данной отрасли экономики. Если в советский период здесь функционировало несколько объектов туризма и альпинизма, то в настоящее время здесь зарегистрировано несколько десятков юридических лиц. Этому способствовали предпринимательские способности и государственная политика последних лет в туристической отрасли.

Эльбрусский район входит в Северо-Кавказский туристический кластер, что по идее должно способствовать его интенсивной модернизации. В настоящее время ведется работа по созданию горнолыжного курорта мирового уровня Эльбрус-Безенги. В КБР в рамках данного проекта создается особая экономическая зона (ОЭЗ). На трех площадках предусматривается размещение горно-рекреационных комплексов «Безенги» (Черекский и Чегемский муниципальные районы), «Приэльбрусье» (Эльбрусский муниципальный район) и туристско-рекреационного комплекса «Джилы-Су» (Зольский муниципальный район).

В свете нашего исследования, прежде всего, нас интересует насколько удачно организаторы туризма «эксплуатируют» не только удивительную и неповторимую окружающую среду, но и этнические культурные традиции при строительстве рекреационных объектов и разработке дизайна их внутренних помещений, а также инкорпорируют в услуги традиционную кухню и другие атрибуты материальной культуры балкарцев и кабардинцев.

Источники и собранный нами эмпирический материал свидетельствуют, что по степени включения этнических элементов в строительстве и отделке рекреационных объектов их можно условно разделить на несколько групп: 1) использующие отдельные этнические элементы декора в интерьере холлов, гостиных номеров, на территории заведения; 2) те, которые полностью скопировали национальные архитектурные традиции в строительстве объектов, и, что называется, идет их эксплуатация вживую; 3) использующие инородные стили, как в строительстве, так и в оформлении интерьеров (альпийский, срубный; восточный, итальянский); 4) новостройки, игнорирующие национальные элементы зодчества; а также объекты, построенные в советском стиле и реконструированные в том же стиле.

Для нас более актуальны первая и вторая группы. К первой группе можно отнести большинство отелей

и гостиниц в Приэльбрусье. Их типичным представителем является отель «Азау Стар», здание которого в технике, присущей балкарскому зодчеству, обложено природным камнем. Внутри здания в холле стоит стилизованное под балкарский очаг сооружение, украшенное характерными металлическими коваными изделиями, в спа-кабинах находят применение изделия местных мастериц из войлока (коврики, шапочки).

Вторая группа объектов представлена альплагерем «Безенги» в Черекском ущелье. Здесь воссоздали максимально приближенные к оригиналу две национальные балкарские башни по проекту архитектора В. Х. Асанова. Авторы проекта достоверно и полно представили предметы традиционной материальной культуры балкарцев от сторожевой башни таубия и крестьянских саклей до мельчайших бытовых приборов. Продуман и дизайн интерьера традиционного балкарского жилища. Широко представлена фактура бытовой утвари балкарцев, где любимыми материалами являются дерево, шерсть, металл и камни.

В этом же стиле выдержаны гостевые номера на втором и третьем этажах. Полы здесь устланы старинными шерстяными домашними коврами –киизами, на полках выставлены кувшины и другая традиционная балкарская утварь. Мебель тоже соответствует заявленному стилю. В отличие от старинных башен вместо открытой смотровой площадки крыша четвертого этажа в модерн-стиле покрыта прозрачным стеклом, что дает возможность туристам в любую погоду и время созерцать окружающую великолепную среду.

Сакли построены по зарисовкам художника-архитектора Э. Б. Бернштейна [4] из натуральных, экологически чистых строительных материалов. По старинной технологии балкарцев крыши присыпаны землей и уложены дерном. Все перечисленное дает полное право отнести этот комплекс к экомузеям (этноэкологическим музеям) с оговоркой, что башни не были восстановлены на прежнем месте. Но они удачно вписываются в окружающую среду, и все экспонаты экомuzeя находятся в пользовании туристов.

Перечень услуг свидетельствует: все это великолепие органично сочетается с благами современной цивилизации[3].

К этой же группе отчасти можно отнести гостиничный комплекс «Юсенги» состоящий из двух объектов различных стилей. Расположен он в Приэльбрусье в поселке Тегенекли на территории заповедника. Первый объект представляет собой белоснежное двухэтажное здание с мансардой в стиле альпийского шале. Презентуя этот объект, хозяева акцентируют внима-

ние на этнической составляющей: «Теплая домашняя обстановка и национальный колорит являются отличительной чертой «Юсенги». Владельцы отеля с большим уважением относятся к национальной культуре, поэтому в облике комплекса присутствуют этнические мотивы, особенно колоритно представленные в ресторане. Это настоящий этнографический музей, интерьер которого декорирован предметами горного быта, воссоздает обстановку, в которой раньше жили балкарцы и кабардинцы» [1]. Второй объект комплекса «Юсенги» представляет собой балкарское подворье XVIII–XIX вв. со всеми присущими ему атрибутами. Эти сооружения, видимо, редко эксплуатируются, но и с познавательной точки зрения они представляют этнографическую ценность.

К *третьей группе* относятся отели «Скай Азау», «Альпина», «Эль-тур», «Чегет», где из этнических компонентов используется только кавказская кухня.

Отдельной ценнейшей группой выступают исторические памятники архитектуры в Чегемском ущелье, а также поселение Эль-Тюбю, с сохранившейся почти в первоначальном виде усадьбой 250-летней давности (со слов владельца), элементами террасного строительства, которые требуют к себе бережного обращения. Само поселение в целом является этнографическим музеем, и с ним трудно соперничать. Но попытки есть. При строительстве современных туристических объектов в ущелье, в частности кафе в районе Чегемских водопадов использованы элементы национального зодчества балкарцев (башня, очаг, внешняя отделка фундамента и стен природным камнем, экспозиция одежды и утвари). Но поскольку стилистика не была выдержана до конца, например, крыша не земляная, а металлическая, получилось архитектурно эклектичное здание. Возможно, оно еще не достроено. Более удачной нам показалась автобусная остановка, отделанная природным камнем с земляной крышей, расположенная неподалеку, гармонично вписавшаяся в горный ландшафт. Правда, здесь тоже окна выпадают из данного стиля.

В области применения этнических элементов культуры у всех туристических объектов есть нечто общее — использование традиционной кавказской кухни, что подтверждает мнение о том, что пища является наиболее устойчивым сегментом этнокультуры.

Кабардино-Балкария относится к тем регионам, которые специализируются на рекреационном хозяйстве, обслуживающим рекреантов из других районов страны и зарубежных туристов — преимущественно за счет благоприятных природных условий и относительно развитой сети курортов и учреждений отдыха. Почему мы считаем сеть только относительно развитой? По нескольким причинам.

Во-первых, необходимо вывезти из затянувшегося кризиса курорт «Нальчик» и максимально использовать его потенциал.

Во-вторых, необходимо интенсивнее использовать природные и культурно-исторические преимущества края: не только воспроизводство былой туристской инфраструктуры, но и ее обогащение местами, привлекательными для многих видов туризма (познавательного, экзотического, спортивного, треккинга). Необходимо чаще использовать охоту и конные переходы для туристов, конноспортивные соревнования, некогда присутствующие традициям балкарцев и кабардинцев. Заслуживает также большего внимания партнерство Курортов Северного Кавказа и фестиваля культуры и спорта народов Кавказа. Этническая культура должна стать доминантой бренда туристического кластера.

Более развитая местная рекреационная промышленность способна создавать этнически маркированные артефакты, которые могли бы стать составной частью бренда территории. Развитие в данном направлении сделало бы население более активным и богатым, а это в свою очередь привело бы к его толерантности к вопросу эксплуатации природных ресурсов владельцами туристической отрасли и ограничению хозяйственной деятельности населения в заповедных местах. Более активная деятельность местного населения в туристической отрасли приведет к их лояльности к туристическому потоку[5].

Следует рассматривать традиционные балкарские и кабардинские приемы строительства и жилища как ресурсы развития экологического туризма, строительства объектов туристической инфраструктуры. Развитие этого ресурса дает возможность сформировать адекватную систему сохранности традиций поселений и сельских культурных ландшафтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]: URL: <http://prielbrusie-hotels.ru/viewhotel.php?id=54> (дата обращения: 30.07.17).
2. [Электронный ресурс]: URL: <http://pravitelstvo.kbr.ru/oigv/minprirod> (дата обращения 09.09.17).
3. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.bezengi.ru/ru> (дата обращения: 30.07.17).
4. Бернштейн Э. Б. Народная архитектура балкарского жилища // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

5. Васильева М. В. Туристские кластеры: условия формирования и этапы развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. № 4, 2012. С. 219–223. // [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru>;
6. Звягина Е. С. Перспективы развития Экологического туризма на особо охраняемых природных территориях РФ // Власть. 2014. № 01. С. 74–76. // [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения 30.07.17.).
7. Потто В.А.. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. — Тифлис, 1891.
8. Солодова Н. И. Природный и социально-экономический потенциал ООПТ как доминанты формирующихся туркластеров // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. № 4, 2012. С. 223–228. // [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения 30.07.17.).
9. Шебзухова Т.А., Киселева Н. Н., Санкин А. В. Формирование и развитие туристического кластера Северо-Кавказского федерального округа // Сервис PLUS, 2014. С. 101–107. // [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения 20.05.2017).

© Сабанчиева Любовь Хабижевна (sablyu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Главное здание Российской академии наук

СУБКУЛЬТУРА ГРАФФИТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

THE SUBCULTURE OF GRAFFITI IN THE CONTEMPORARY CITY

A. Soshnikov

Summary. the article discusses the role of subculture of graffiti in the contemporary city, describes the main milestones in the study of this question, both abroad and in domestic science. As a result of analysis a comparative analysis of the phenomenon of graffiti and street art. Considered positive and negative aspects of graffiti. Revealed graffiti in contemporary art and urban space. The main conclusions were made based on the study of foreign research papers, and a few domestic.

Keywords: subculture, graffiti and street-art, modern street art, urban studies.

Сошников Александр Евгеньевич

*К.п.н., Самарский государственный
институт культуры
soshnikov.alex@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль субкультуры граффити в пространстве современного города, раскрываются основные вехи изучения данного вопроса, как за рубежом, так и в отечественной науке. В результате анализа проведен сравнительный анализ феномена граффити и стрит-арта. Рассмотрены позитивные и негативные стороны граффити. Выявлено место граффити в современном искусстве и в городском пространстве. Основные выводы были сделаны исходя из изучения зарубежных исследовательских трудов, так и немногочисленных отечественных.

Ключевые слова: субкультуры, граффити, стрит-арт, современное уличное искусство, урбанистика.

Современный человек постоянно соприкасается с урбанистической средой. Если мы говорим о жителях мегаполисов, они «слиты» с городом, в котором проживают, воедино, ежедневно соприкасаясь с огромным количеством визуальных образов городского пространства: разнообразной рекламой, архитектурой, всевозможными вывесками, бесконечными потоками машин и незнакомых лиц. Ко второй половине XX века к числу таких образов прибавились еще и настенные надписи — граффити. Визуальное пространство также в определенной мере участвует в формировании мировоззрения горожан и занимает лидирующую позицию в создании имиджа города.

В течение XX века городское пространство трансформировалось с небывалой ранее скоростью. Захватившая большую часть мира массовая культура выработала стандарты во всех сферах, включая визуальный облик современных городов. Сегодня в России большинство из них поражены хаотичным заполнением рекламой, типовой застройкой, лишенной архитектурных деталей, способных радовать глаз, и снижением природного ресурса, который на протяжении двух тысяч лет обеспечивал человеку чувство комфорта и безопасности. Эти факторы делают людей уязвимыми в границах родного города. Ежедневное созерцание «серых» улиц вызывает уныние, печаль и апатию. Общественность и правительство большинства зарубежных и российских городов давно пришли к выводу о необходимом преобразении городской среды. Во многих городах нашли прямую взаимосвязь между высокохудожественным граффити и украшением улиц. Однако наряду с теми рисунками,

которые по-настоящему могут соперничать с произведениями великих художников, существуют и малохудожественные, низкопробные надписи с нецензурным содержанием. Последних в современных российских городах значительно больше, в связи с чем в обществе глубоко укрепилось мнение, что уличный художник (райтер) обязательно вандал и нарушитель общественного порядка. Подобная ситуация создает немало проблем для райтеров, которые не желают портить внешний облик города, а напротив, стремятся к его украшению.

Сегодня самыми крупными учеными, подробно исследующими феномен граффити, являются Р. Лахманн, Д. Феррел, Д. Брюер, Н. Макдональд и М. Миллер. В первой половине 1900-х годов этнографы и лингвисты использовали их в качестве источника информации о фольклоре и языковых особенностях жителей средневековья. Несмотря на то, что летоисчисление феномена ведется с древнеегипетских иероглифов и наскальной живописи, исследования в области «уличного» искусства стали набирать обороты, начиная с XVII века, и сосредотачивались, в основном, на рассмотрении исторических фактов о граффити. Первым серьезным исследованием считают труд «Подземный Рим», написанный итальянцем Антонио Бозио в 1593 году. Книга содержала систематическое описание официальных и неофициальных надписей в катакомбах Рима и комплект карт секретных туннелей. В первой половине 1900-х годов этнографы и лингвисты использовали граффити в качестве источника информации о фольклоре и языковых особенностях жителей средневековья. Лингвист Ален Уолкер опубликовал лексические данные из народной эпигра-

фики Западной Северной Америки в 1935 году. Этот труд можно считать первым полевым исследованием языка по источникам данной проблемы. Спустя два года Хелен Тэнзер описал жителей Помпеи, опираясь на рисунки и надписи. Со второй половины XX века данный вопрос стал интересовать социологов и криминологов [1], [2].

В конце 1960-х годов начинает свои исследования литератор Роберт Рейзнер, который дал первые университетские лекции по граффити. Им же были опубликованы четыре компиляции книги 1967–1974 годов Уильяма Маклина, сделавшего первый научно-теоретический обзор истории вопроса до 1968 года включительно. Следует также отметить первое в Европе исследование, выполненное датским юристом Анной Нильсен в 1987 году. Работа содержит материалы, интервью. В качестве выводов А. Нильсен приводит доказательства того, что исследуемые райтеры, в большинстве случаев, оказываются не закоренелыми преступниками или опасными наркоманами, а представителями молодежных субкультур, чаще среднего класса, с художественными амбициями и определенным стилем жизни [3, С. 29].

В отечественной исследовательской науке изучение проблемы началось сравнительно недавно, в связи с тем, что данный феномен был малоизвестен в Советском Союзе. Здесь можно отметить труды О. Байбаковой, Г. В. Горновой, А. А. Скороходова, В. Седнева [4], [5], [6], [7].

Проблему городской визуальности одними из первых стали решать архитекторы-искусствоведы (А. Гутнов, В. Глазычев, Кевин Линч, Джейн Джекобс и др.), являющиеся в то же время философами, рассматривающими архитектуру не просто в качестве материальной застройки, а как основу общегородской культуры. Культурологи в вопросе о городской визуальности часто ссылаются на Д. Лихачева, автора «Заметок о русском». В своем труде он напоминает о постоянном взаимодействии человека с ландшафтом и природой, обращая внимания на «Закон Градский» XIII века, заключающий правило гармонии между строящимися домами и природой, так как на визуальный облик города влияет каждый дом [1, с. 2]. Общие проблемы визуальной культуры рассматривают культурологи Борис Сапунов, Василий Розин и др.

Сравнительный анализ традиционного граффити и современных форм уличного искусства и попытки классификации последнего содержатся в докторской диссертации по истории искусств Джека Стюарта «Метро граффити: эстетическое исследование граффити в метро Нью-Йорка» 1970–1978 гг. [8].

Оно распространяется во многих городах и странах, где есть свои известные граффитисты, создающие

на улицах истинное искусство, чьи работы также выставляются в художественных галереях. Развитие граффити приводит к постепенному объединению произведений в определенную общность внутри современного искусства. Несмотря на свою долгую историю, ведущую начало с пещерной живописи, сегодня оно является одной из составляющих более молодого искусства — стрит-арта (от англ. street art — уличное искусство), сформировавшийся в конце XX века, гораздо позже граффити, охватив сразу несколько художественных направлений, подчинило себе и спрей-арт (так сегодня называется искусство граффити в составе стрит-арта). Граффити и стрит-арт сложно разграничить.

Самым явным критерием различия двух понятий является характер размещения работы художника в пространстве. Считается, что граффити закрашивает стену, лишает её индивидуальности, в то время как объект стрит-арта нацелен на вовлечение зрителя в диалог с городской визуальностью.

К 1980-м годам граффити переключалось из США в Европу, в дальнейшем распространившись по всему миру. Уже к началу нового столетия на базе граффити сформировалось уличное искусство — стрит-арт.

На данный момент граффити остается самым популярным жанром уличного искусства. С середины 70-х гг. XX века проводятся попытки разместить объекты уличной живописи в зданиях галерей. Первым это сделал социолог Хьюго Мартинес, основатель Объединения Художников Граффити (United Graffiti Artists) [9]. Выбрав лучших авторов, Х. Мартинес вместе с ними устроил выставку работ в галерее, которая получила успех и добилась признания уличной живописи.

В последнее время наблюдается значительное влияние граффити на городскую архитектуру, которое отражается в двух совершенно противоположных направлениях — негативном и позитивном. К первому направлению относится отрицательное влияние на архитектуру, примером чего становятся испещренные малопривлекательными надписями здания. Второе направление менее очевидно, включает в себя понимание граффити как арт-феномена, оказывающего сильнейшее концептуальное воздействие на современную архитектуру [10].

Развитие феномена и его место в современном искусстве по настоящий момент движется в двух направлениях: регрессивном (российское, сопряженное с вандализмом) и прогрессивном (зарубежное и частично отечественное). Эволюция художественной техники и улучшение качества произведений отражается на синтезируемых с этим феноменом искусствах. В свою

очередь, пространственные искусства, обогатившись свежими художественными средствами, развивают в граффити новые стили и элементы. При этом тенденция взаимодополнения и слияния встраивается в традиционное представление об архитектурно-художественном синтезе, всегда занимавшем особое место в истории искусства.

Итак, мы рассмотрели основные определения и теоретические подходы к изучению граффити. Под этим термином мы понимаем урбанистическое искусство, сформировавшееся и развивающееся именно в условиях городской среды. Это искусство, содержание которого направлено на взаимодействие горожан с произведениями райтеров. Оно позволяет высказывать свою позицию на широкую аудиторию. В тоже время граффити несет эстетическую функцию, преобразая объекты городской материальной культуры. Городская материальная культура определяется как совокупность расположенных в окружающем пространстве продуктов человеческой деятельности, направленной на преобразование этого пространства.

Современный мегаполис немислим без граффити. Каждый человек, живущий в большом городе и непрерывно курсирующий в его среде, ежедневно и повсе-

местно сталкивается с многочисленными граффити, нанесенными на всевозможные плоскости и поверхности городского ландшафта — результатами деятельности уличных художников, анонимно размещающих в городском пространстве свои послания и знаки.

Граффити транслируется в городе путем нанесения изображений на стены и другие поверхности. В тех случаях, когда рисунок влечет порчу общественного или частного имущества, что само по себе является нарушением социальных запретов, следует говорить о вандализме, а не искусстве.

Настоящее граффити нацелено на украшение объекта. Сегодня не редко в городах встречаются целые картины, нарисованные аэрозольной краской. Тем не менее, многие отрицают мысль о том, что граффити может быть формой искусства. Академическое искусство требует выполнения множества правил. В граффити правил практически нет, наблюдается полная свобода самовыражения.

На сегодняшний день граффити широко применяется в различных социокультурных проектах в городах по всему миру. Изображения на домах украшают улицы, нередко помогая привлечь внимание к различным темам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брюер, Д. Полис на стене: хип-хоп культура и граффити писатели, оценки, стратегии борьбы с незаконным граффити [Текст] / Д. Брюер. — Чарлстон, Южная Каролина., — 1991. 120 с.
2. Феррелл, Д. Преступления моды. Городские граффити и политика преступности [Текст] / Д. Феррелл. — N.Y., 1993. 236 с.
3. Нильсен А. Граффити // Forlag, Kbh. — 1987. — № 18. — 31 стр.
4. Байбакова О. Вандализм и граффити как одна из форм проявления девиации среди молодежи [Электронный ресурс] / О. Байбакова URL: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/41640> (дата обращения 28.09.2017)
5. Горнова Г. В. Философия города [Текст] / Г. Горнова. — М. — 2014 — С. 335
6. Скороходов А. А. Граффити: значение, мотивы, восприятие // Психологический журнал, 1998, № 1, с. 144–153.
7. Седнев В. Надписи и рисунки в общественном транспорте (попытка классификации) // Философская и социологическая мысль. 1993. № 1. С. 345.
8. Исходя из метро. Гронингенский музей, Гронинген 1992, стр. 8–17 с. МТА — Mass Transit.
9. «Style Writing From The Underground, (R)evolutions of Aerosol Linguistic.» Stampa Alternativa in Association with IGTimes, 1996.
10. Целуйко А. Граффити — на улице или в музее? [Электронный ресурс] / А. Целуйко // Проект «Стена». URL: <http://thewallproject.ru/dopstuff/graffiti> — nalice-ili-v-muzee/ (дата обращения 28.09.2017).

© Сошников Александр Евгеньевич (soshnikov.alex@mail.ru). Журнал

«Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАБИЛИТАЦИЯ БУРЖУАЗНОГО КИНЕМАТОГРАФА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ИСКУССТВО КИНО» (1986–1991 ГГ.)

REHABILITATION OF BOURGEOIS CINEMA IN «THE ART OF CINEMA» MAGAZINE (1986–1991)

N. Shishkin

Summary. Article deals with publications in the Russian «The Art of Cinema» magazine in the second half of the 80s of the 20th century. It describes the process of releasing the national film criticism from the Soviet ideological approach to the evaluation of the cinematography of capitalist countries. The author identifies the most reactionary, in the opinion of Soviet propaganda, components of «bourgeois cinema». He traces the significant changes in the way of evaluation those components by authors of «The Art of Cinema» magazine. The editorial board claimed that the scenes of violence and sexuality, mystical motifs, can be used as artistic methods or as a reflection of reality, and not only be exploited for the commerce or ideological manipulation purposes. An alternative view of the history and patterns of social development, embodied in the works of cinematography, does not necessarily serve as an indicator of hostility.

Keywords: film criticism, bourgeois cinematography, «The Art of Cinema», «perestroika» press.

Шишкин Николай Эдуардович

*К.филол.н., доцент, ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»
nicko72@mail.ru*

Аннотация. В статье на примере публикаций в журнале «Искусство кино» второй половины 80-х годов XX века освещается процесс освобождения отечественной кинокритики от советского идеологического подхода к оценке кинематографа капиталистических стран. Автор выделяет наиболее реакционные, по мнению советской пропаганды, компоненты буржуазного кино и прослеживает кардинальное изменение отношения к ним со стороны ориентированного на «перестройку» издания.

Ключевые слова: кинокритика, буржуазный кинематограф, «Искусство кино», «перестроечная» пресса.

Резко негативное отношение к буржуазному (главным образом — американскому) кинематографу пронизывало советскую кинокритику во время практически всего периода ее существования. Перед критиками стояла задача противостояния чуждому мировоззрению. Как отмечает А. Новикова, «американское кино, выражающее определенные культурные коды, было способом противостояния коммунистической идеологии в так называемых третьих странах, за которые в годы холодной войны разворачивается символическая битва между США и СССР» [12, с. 270]. В информационном пространстве Советского Союза смысл этой борьбы сводился к отправлению абсурдистского ритуала: публичному бичеванию подвергалась кинопродукция, которую не видели ни рядовые зрители, ни рядовые кинематографисты и критики. В 90-е годы ситуация изменилась кардинальным образом. Официальный российский кинопрокат, не говоря уже о пиратском видеорынке, был полностью открыт для запрещенной ранее продукции, пишущие о кино люди имели возможность оценивать ее с эстетических или коммерческих позиций. Доктрины советской кинокритики подробно рассматривал А. В. Федоров [21], однако приходящийся на годы перестройки переходный пери-

од в деятельности отечественной кинокритики, период ломки стереотипов, преодоления цензурных барьеров, поиска новых подходов к освещению мирового кинопроцесса остается недостаточно изученным. Большой интерес в этом отношении вызывает журнал «Искусство кино». Публикации ведущих отечественных кинокритиков того периода дают возможность проследить поступательный процесс реабилитации буржуазного кино, перевод его компонентов из идеологической сферы в эстетическую.

Идеологический критерий оценки кинопродукции являлся основным для советской кинокритики. Классовый подход применялся и к произведениям зарубежного кинематографа. В киноведческих и публицистических трудах зарубежное кино делилось на две разновидности: прогрессивное и реакционное. Это отмечает в недавнем исследовании А. Федоров [21]. Прогрессивное кино представляли фильмы стран социалистического лагеря и развивающихся стран, копирующие идеологически верные образцы советского кино, ленты «гуманистической и реалистической направленности» [22] из капиталистических стран, критикующих буржуазный строй и империализм. Реакционное крыло мирового кинема-

тографа состояло из буржуазной продукции, создаваемой в интересах класса капиталистов, и фильмов, снятых режиссерами-отщепенцами из социалистических стран. «Империю зла» олицетворял Голливуд. В. Шестаков определял стратегию американского кинематографа в негативном ключе: «его сущность, его идейная направленность... неизменно согласуются с целями пропаганды американизма, защиты капиталистических порядков и буржуазного образа жизни» [25].

Буржуазный кинематограф подвергался нападкам публицистов и кинокритиков из СССР за антисоветизм, антигуманизм, эскапизм и декаданс, для укоренения которых в массовом сознании дельцами от кинобизнеса использовались исторические фальсификации, культ насилия, порнография и т.д.

Старейший отечественный академический журнал о кинематографе «Искусство кино» (далее — «ИК»), издававшийся с 1931 года, существовал в рамках того же советского дискурса до середины 80-х годов прошлого века. В дальнейшем — активная позиция на стороне перестроечных сил, кардинальный пересмотр общественной позиции журнала, идеологических и эстетических подходов к киноискусству, в том числе и зарубежному.

В доперестроечном «ИК» зарубежный кинематограф был представлен не слишком широко. Его резервацией был раздел, который так и назывался — «За рубежом», и содержал отчетные материалы с фестивалей и кинематографических форумов, очерки жизни и творчества разрешенных классиков и «прогрессивных» кинематографистов, обзорную рубрику «Синерама», содержащую новости кино из разных уголков планеты. При оценке зарубежных лент главенствовал идеологический критерий.

Например, в полемических заметках В. Ревича [16] разговор об отечественной кинофантастике начинался с краткого обзора американских фантастических лент, написанного словно под копирку: в очередной раз предавались анафеме «Звездные войны» Дж. Лукаса в связи с заимствованием рейгановскими идеологами названия фильма для программы милитаризации космоса; мишенью для ироничного комментария служила мистика. Автор признавал техническое совершенство лент такого рода, но при этом подчеркивал их идейную пустоту и даже опасность: «Какими же примитивными средствами можно увлечь огромные массы людей, и не просто увлечь, а внушить им определенные убеждения! То, что именно кинофантастика оказалась активной идеологической силой, не может быть оставлено без внимания... Мощный канал воздействия на зрителя на западе используется в целях, которые не назовешь ни гуманными, ни прогрессивными. В союзники не погнушались при-

гласить и самого сатану (скажем, в пресловутой ленте «Изгоняющий дьявола»)» [16].

В интервью с членами жюри 24-го Международного кинофестиваля в Карловых Варах из фестивального репертуара на первый план выносились ленты программы «Противоречия современного мира на экране». Основным критерием высокой оценки фильмов становилась их идеологическая заостренность, «направленность против милитаристского безумия», которая служила своего рода индульгенцией для отсутствия профессионализма. Вот как оценивался вьетнамский фильм «Оранжевые колокола»: «И хотя нетрудно увидеть просчеты создателей картины — фрагментарность киноповествования, порой скудость психологической разработки, — недостатки во много искупаются силой внутреннего пафоса ленты, рожденного горькой правдой действительности, искренностью авторского переживания» [7]. В международном кинообзоре «Синерама» подавляющее большинство представленных фильмов носили антивоенный или антибуржуазный характер.

«Авторитет журнала, развернутого во второй половине 80-х годов к общественности», по мнению Т. Москвиной, «был заслуженно высок и общественностью чтился». «Главной линией журнала была поддержка киноявлений, у которых проблематика гармонично соединялась бы с поэтикой, а идейное — с художественным. Идейное понималось как комплекс либеральных идей перестройки, опрокинутый вспять, на всю национальную историю» [15]. Примат отечественной кинематографии оставался неоспоримым, но огромный пласт мирового кинематографа, освободившийся из-под цензурного гнета, не мог оставаться без внимания.

Журнал «ИК» второй половины 80-х — начала 90-х интересен тем, что процесс реабилитации буржуазного кинематографа проходил на его страницах постепенно, в отличие от прочей советской, а позже — российской кинопрессы. Так, «Советский экран», вплоть до смены названия на «Экран» в 1991 году, подавляющее большинство материалов отводил под кино СССР. Семейство журналов частного издательского дома «Видео-Асс» («Видео-Асс», «Видео-Асс Экспресс», «Видео-Асс Premiere» и др.) увидело свет в 1990 году. Эта печатная продукция не имела «советского наследия», изначально была ориентирована на видеорепертуар, состоящий из западных фильмов, и технические средства их просмотра. Черно-белый журнал «Сеанс», позиционирующий себя как наследник «традиций «русской «формальной школы» и знаменитого французского издания «Cahiers du Cinéma», журнал «критиков и режиссеров первого свободного поколения» [9], так же был порожден на «Ленфильме» на рубеже 80–90-х годов как продукт «нового мышления».

«Десоветизация» оценок разнообразных кинематографических явлений завершилась в начале 90-х, когда «Искусство кино», по мнению Д. Быкова, «перестало быть собственно синефильским изданием и сделалось философским и социологическим обозрением нашей эпохи» и проповедовало «постмодернистский подход к массовой культуре как к потенциальному объекту серьезного и вдумчивого анализа» [2]. За этот период оправдательный вердикт буржуазному кинематографу был вынесен по всем позициям обвинения, выдвигавшимся на протяжении советской эпохи.

В первую очередь был реабилитирован развлекательный кинематограф. Например, в беседе В. Дмитриева и К. Разлогова «Обновление... которого нет» [23] кризис западного кино объяснялся не общим загниванием капитализма: отсутствие ярких художественных трендов и новых направлений виделось в трансформации механизмов потребления кинопродукции, изменении возрастного состава аудитории. Основная тенденция — ориентированность Голливуда на зрелищность — трактовалась не только с точки зрения безыдейности и эскапизма. Собеседники отмечали гуманистический пафос лент в духе «Инопланетянина» С. Спилберга, фиксировали постмодернистский тренд в развлекательном семейном кино, состоящем из двух планов: внешнего, сюжетного, понятного для детско-подростковой аудитории; и скрытого, отсылающего к классическим лентам, и далее — к архетипическим образам, для киноманов: «Лучшее в том кинематографе... объясняется подсоединением к выдыхающемуся современному искусству Запада могучих древних истоков, которые даруют ему, во-первых, продление жизни, и, во-вторых, силу эмоционального воздействия» [23].

Еще одно свидетельство признания развлекательного кино — появление полновесных рецензий на относительно свежие американские блокбастеры из отечественного проката; и подробных разборов классических развлекательных лент, входящих в сокровищницу мирового кинематографа. Их анализ велся не с охранительно-запретительных позиций, а киноведческих. В рецензии «Жив ли Кинг Конг» [24] демонстрировался рациональный подход к оценке двухсерийного киноаттракциона: с бэкграундом в виде истории о появлении на свет классического фильма 1933 года, анализом социального фона и подробным разбором технической стороны съёмки. Гигантская обезьяна уже не «ужасный монстр», а животное, которое вызывает симпатию и жалость; сюжет — любопытный микс из многочисленных мифов и сказок.

В рубрике «Иллюзион» раздела «История, теория» Н. Цыркун, анализируя цепочку литературных источников родословной классического американского ве-

стерна «Дилижанс», добиралась до евангельской притчи [23]; а М. Ямпольский давал ряд разнообразных трактовок шпионского детектива А. Хичкока «Леди исчезает»: в русле психоанализа, конспирологии и, собственно, «хичкоковедения» [26].

Серьезная уступка коммерческому кино — портреты голливудских звезд, имеющих мало общего с подлинным киноискусством. Знакомый в то время отечественному зрителю исключительно благодаря пиратскому видеорынку А. Шварценеггер был удостоен двух «персональных» публикаций на страницах «ИК». Сначала краткий очерк его творческого пути был опубликован в подборке материалов о событиях и персонах мирового кино «Синерама». Второй публикацией стала переведенная с английского статья Т. Карпентер, биография актера, написанная в поддержку его нового фильма.

В качестве резюме приведем мысль киноведа С. Лаврентьева, рожденную кинокомедией В. Аллена «Пурпурная роза Каира»: «Фильм Аллена можно рассматривать как еще одну вариацию на тему различия между искусством и действительностью. Но можно и как выражение признательности кинематографу, который даже в «низких», площадных своих ипостасях... помогает человеку преодолевать тяготы жизни» [14].

Признавая кинематографическое право на существование супергероев, мифических существ и инопланетян, авторы «ИК» нарушали далеко не самое строгое табу советской идеологии. В ее представлении буржуазный кинематограф насаждал антигуманные принципы, ведущие к растлению и запугиванию массовой аудитории. Его оружием становились культ насилия, мракобесие, порнография, пропаганда антисоветизма и, как крайняя форма деградации, — фашизма. Вторая половина восьмидесятых подвергла ревизии и эти идеологические догмы.

«Пожалуй, у Серджи Леоне была самая одиозная репутация в советской кинокритике. Человек, заливший благодостный мир вестерна потоками крови, циничный ремесленник, таким он предстал со страниц книг и статей» [20], начинал посмертный портрет итальянского режиссера М. Трофименков. Однако далее он помещал его имя в один ряд с именами Вендерса и Фассбиндера, Годара и Трюффо, характеризуя Леоне как авангардиста и реалиста, видя новаторство в демифологизации вестерна, его приближении к жестоким, «грязным» реалиям. По мнению критика, насилие вестернов Леоне не самоцель, а художественный прием: «эта жестокость выражалась в таких чрезмерных, барочных формах, ... что воспринималась то пародийно, то оперно» [20]. Используя этот прием, антифашист Леоне старался продемонстрировать свое отвращение к тотальному насилию и милитаризму.

Еще одна позитивная функция кинематографического насилия рассматривалась в статье профессора Калифорнийского университета В. Собчак «Пляска смерти» [18] и комментариях Н. Цыркун, осуществлявшей перевод на русский язык. Тяга зрителя к сценам экранного насилия и смерти объяснялась тем, что их художественная стилизация придает значимость даже самым нелепым, «случайным» кончинам; а переводчик в качестве резюме использовала параллель между смертью на целлулоиде и мифом о Медузе Горгоне, победить которую Персею удалось, глядя на ее отражение в щите.

Помимо сцен насилия, многие порицаемые советской кинокритикой фильмы ужасов содержали религиозные мотивы. Замешанная на христианских верованиях мистика в буржуазном кинематографе всегда была одной из основных мишеней советской кинокритики, хотя «антинаучные» картины не получали таких гневных отповедей, как «антисоветские». Отношение к «сверхъестественному» в кино тоже было пересмотрено. В 1989 году в рубрике журнала «Избранная проза» впервые в Советском Союзе был опубликован роман А. Левина «Ребёнок Розмари». В предисловии к роману кинокритик К. Разлогов рассуждал о различных контекстах, в который вписывается книга Левина и снятый на ее основе фильм. Это и отношения литературных первоисточников с киноадаптациями, и традиции классического «саспенса», продолжаемые режиссером Р. Поланским, и трагическая история гибели его жены, актрисы Ш. Тэйт от рук членов секты Ч. Мэнсона, и «демоническая волна», захлестнувшая западные экраны в 70-годы XX века. Мистика здесь рассматривалась исключительно как художественный приём, прорыв в «сверхреальность», иное измерение; приём, позволяющий играть со зрителем, «мистифицировать» его и оставлять за ним право самостоятельно делать выводы о подлинной природе происходящего на экране [8].

Поводом для редакции сформулировать свое отношение к присутствию в западных фильмах сцен сексуального характера послужила программа «Секс в американском кино», показанная в рамках XVI Московского международного кинофестиваля 1989 года. А. Дорошевич, описывая поздравления с победой перестройки и гласности, которые адресовал советскому зрителю приехавший на фестиваль одиозный американский постановщик эротических фильмов Р. Майер, посетовал: «А я подумал в это время, что если гласность сведется только к такого рода проявлениям, то это, пожалуй, немногим лучше того самого нарицательного «китайского кино», которым нас когда-то кормили!» Редакционная сноска к этому утверждению парировала: «Относительно опасений критика, что гласность может свестись «только к такого рода проявлениям», хотелось бы сказать: опасения эти, как нам представляется, вряд ли ос-

новательны, и доказательств тому немало» [4]. А далее М. Дроздова в «Заметках на полях ретроспективы «Секс в американском кино» под двусмысленным названием «Бутерброды» [5] знакомила читателей с представленным в программе контентом. Пожалуй, о необычности тематики для советского академического журнала говорит лишь легкая ирония, за которой автор невольно пыталась укрыться. Однако подборка фильмов ретроспективы, от авангарда 60-х до современных драм «на почве страсти», позволила «ИК» остаться в родной стихии; даже трэшевые по своей природе опусы Р. Майера в глазах мировой кинообщественности со временем превратились в монументы эпохи сексуальной революции и неотъемлемую часть «b-movie studies».

«Антисоветские» фильмы Е. Карцева делила на две группы. Первая – ленты, создававшие «образ врага», воплощающие «красную угрозу» в гипотетических сюжетах боевиков («Красный рассвет», «Вторжения в США» и др). Вторая — фильмы о Советском Союзе, в которых, по утверждению критика, содержалась горькая правда: «Это касается прежде все го трагической темы массовых репрессий и насильственного подавления инакомыслия — темы для нас долгие годы запретной. Замалчивая ее, наша пропаганда тем более раздражалась по поводу каждого напоминания о ней со стороны» [10]. Кассовые боевики, за редкими исключениями вроде «бондианы», не являлись «форматными» для «ИК». Зато кинематографический пласт с западными трактовками исторических событий, связанных с Россией и Советским Союзом, представлял огромный интерес. Е. Карцева неоднократно обращалась к истории революции 1917 года сквозь призму западного кино. Отправной точкой ей служили фильмы, связанные с этим периодом российской истории, его деятелями. Например, экранизация романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» [10] или ленты, посвященные жизни Л. Троцкого [11]. В публикации об экранизации Пастернака автор полностью отказалась от идеологических парадигм, предприняла его «с точки зрения русского глаза», обращая внимание на многочисленные неточности в деталях и неудачный, с ее точки зрения, подбор актеров.

О. Рейзен изучал генезис и типологию американских фильмов, в которых фигурируют агенты КГБ: от начала «холодной войны» до разрядки 80-х и, наконец, перестройки и гласности; путь, который образ сотрудника комитета госбезопасности проделал от шаблонного мифологического злодея, «знака-символа» до «умного» противника с «человеческим лицом» и далее «союзника» в борьбе с мировым злом. Был оправдан даже Джеймс Бонд, в советской табели о рангах числившийся главным идеологическим «пугалом». В новом видении он стал выразителем «наивного» антисоветизма, вульгарно-простодушный об работки подоспевшего ко времени

полити чешского фольклора, размноженного средствами массовой информации» [17].

Одной из самых больных тем для «ИК» перестроечной эпохи оставалась тема тоталитаризма. Авторы журнала неоднократно поднимали ее в различных публикациях: от «круглых столов» до рецензий. Примечательно, что в них постоянно звучал мотив родства различных его проявлений, в частности, сталинизма и фашизма; страх перед возрождением последнего в условиях меняющейся России. «Фильм о симптомах фашизма, поначалу вполне невинных: о том, как микроб этой чумы вторгается в душу обывателя и начинает ее исподволь разъедать, для нас ныне становится уже не абстрактным, а вполне реальным предостережением» [13], — не скрывал опасений В. Кичин.

Разбор творчества западногерманского режиссера В. Р. Фасбиндера у А. Тимофеевского выливался в размышления о сущности авторитарного искусства, по мнению автора, ошибочно относимого к классицизму, а по сути своей полностью лишеного конфликта. «Конфликта в авторитарном искусстве не было. Была изначальная обреченность одного во имя другого, отца, возлюбленной, мужа во имя «Родины», во имя «будущего», которым все должно быть принесено в жертву» [19]. В этих умозаключениях легко усмотреть аналогии между тоталитарным искусством третьего рейха и порождением советской идеологии — соцреализмом. В момент появления установок на «новое мышление» творчество Фасбиндера служило намеком на сравнение, которое ещё совсем недавно могло казаться как минимум кощунственным.

Публикуя в 1991 году в «феминистском» номере перевод статьи С. Зонтаг «Магический фашизм» [6] (оригинал увидел свет в далеком 1974 г.), «ИК» вывело «коричневую чуму» за пределы политики. Было сделано то, против чего на протяжении многих лет бескомпромиссно выступала советская кинокритика: представлен альтернативный взгляд на фашизм как поп-культуру, подпитывающую эстетику садо-мазохизма. Так же был явлен народу новый взгляд на личность апологета фашистской пропаганды Л. Рифеншталь. В статье прослеживалось отношение к ней западного сообщества — от послевоенных подозрений в сотрудничестве с нацизмом до полной реабилитации, по мысли автора, за отсутствием состава преступления: «главная причина перемены отношения к Рифеншталь заключается в обновленном, расширенном нашем понимании прекрасного» [6].

Вообще, этот номер журнала производит впечатление окончательного перелома в редакционном мышлении, поскольку опубликованные в нем эссе, по большей части переводные, окончательно срывали покровы со стройнейших табуированных ранее тем; представляли нацизм, порнографию, гомосексуализм как элементы (массовой) культуры и, соответственно, объекты культурологического исследования. Уже в следующем выпуске журнала зав. отделом культуры Л. Карахан в предисловии к статье Ю. Арапова «Виват, новые времена!» провозгласил конец периода «идеологической дихотомии» («когда в культуре все отчетливо делилось на официальное и подпольное, проходимое и непроходимое, конформистское — диссидентское») и наступление «нового постперестроечного периода» («пространство некоего еще неведомого credo, восстанавливающего духовное равновесие»)[1].

В течение второй половины 80-х годов минувшего века мировоззрение журнала «Искусство кино» поменялось кардинальным образом. Занимая место в ряду «перестроечной» прессы, в идеологическом плане издание открыто демонстрировало идеалы «нового мышления», выступало против реванша тоталитарных сил, в искусствоведческом — активно вторгалось на территории, ранее табуированные советской цензурой. Ярче всего это проявлялось в отношении редакции к так называемому «буржуазному» кинематографу, от которого советский зритель был отгорожен «железным занавесом». В данной статье нами прослежена трансформация отношения авторов журнала к тем ключевым элементам «реакционного» западного кино, которые, по мнению советской пропаганды, составляли его подрывную силу. Редакция утверждала мысль о том, что демонстрируемые на экране сцены насилия и сексуального характера, мистические мотивы, могут использоваться в качестве художественных приемов или прямого отражения действительности, а не только эксплуатироваться в целях коммерции или идеологической манипуляции. Альтернативный взгляд на историю и закономерности общественного развития, заключенный в произведениях киноискусства, не обязательно служит индикатором враждебности. Изменение восприятия буржуазного кинематографа открывало новый взгляд на целый ряд явлений, связанных с принципами производства, закупки, оценивания и потребления кинопродукции. В этом нам видится перспектива дальнейшего исследования темы зарубежного кинематографа на страницах журнала «Искусство кино» периода перестройки.

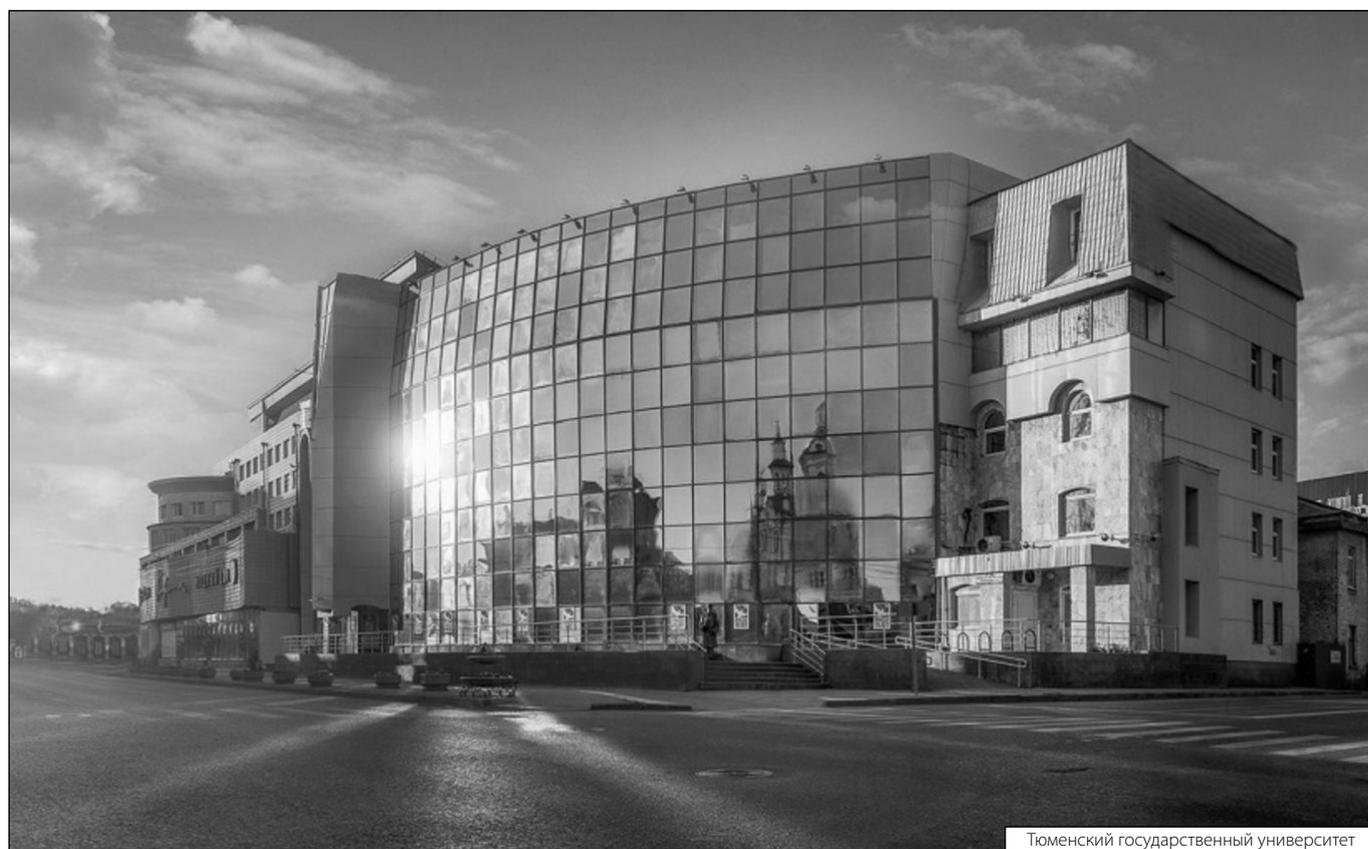
ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов Ю. Виват, новые времена! // Искусство кино. 1991. № 7. С. 9.
2. Быков Д. 90-е. Сады скорпиона // Искусство кино. 2001. № 1. Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2001/01/n1-article11>. дата обращения 30.08.2017.
3. Дмитриев В., Разлогов К. «Обновление... которого нет» // Искусство кино. 1987. № 8. С. 116–125

4. Дорошевич А. Пристрастия молодости // Искусство кино. 1989. № 12. С. 32.
5. Дроздова М. Бутерброды // Искусство кино. 1989. № 12. С. 60–65.
6. Зонтаг С. Магический фашизм // Искусство кино. 1991. № 6. С. 50–56.
7. Игнатьева Н. Судьба человека. Судьбы человечества // Искусство кино. 1985. № 1. С. 130.
8. Искусство кино. 1989. № 11. С. 158–159.
9. История. Электронный ресурс Режим доступа: <http://seance.ru/history>
10. Карцева Е. «Доктор Живаго»: роман и фильм // Искусство кино. 1990. № 2. С. 120.
11. Карцева Е. Лаоокон или Троянский конь? // Искусство кино. 1990. № 3. С. 133–140.
12. Кирия И., Новикова А. История и теория медиа. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017.
13. Кичин В. Весь этот Фосс // Искусство кино. 1990. № 3. С. 141.
14. Лаврентьев С. Ну что ж, поговорим о кризисе // Искусство кино. 1989. № 7 С. 122.
15. Москвина Т. 80-е. Надо бы располовинить // Искусство кино. 2001. № 1. Режим доступа: <https://www.kinoart.ru/archive/2001/01/n1-article8>.
16. Ревич В. Фантастика: жанр или способ думать? // Искусство кино. 1985. № 1. С. 61–72.
17. Рейзен О. Мы как шпионы. Образ агента КГБ в зарубежном кино // Искусство кино. 1990. № 11. С. 127.
18. Собчак В. «Пляска смерти» // Искусство кино. 1991. № 3. С. 31–35.
19. Тимофеевский А. Тоска по Веронике Фосс // Искусство кино. 1988. № 6. С. 137.
20. Трофименков М. Серджо Леоне: неожиданный эпилог // Искусство кино. 1989. № 10. С. 135.
21. Федоров А. Западный кинематограф в зеркале советской кинокритики (на примере тематических сборников «Мифы и реальность»: 1966–1989) // Медиаобразование. 2016. № 3. С. 75–130;
22. Федоров А. Кинематограф в зеркале советской и российской кинокритики. М.: МОО «Информация для всех», 2016.
23. Цыркун Н. «Дилижанс», США (1939) // Искусство кино. 1989. № 7. С. 103–105.
24. Шатерникова М. Жив ли Кинг Конг? // Искусство кино. 1989. № 5. С. 134–137.
25. Шестаков В. Новый Голливуд: тактика и стратегия // Мифы и реальность. Западный кинематограф сегодня. М.: Искусство, 1978. С. 91.
26. Ямпольский С. «Леди исчезает», Великобритания (1938) // Искусство кино. 1988. № 11. С. 110–111.

© Шишкин Николай Эдуардович (nicko72@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЗВУКОВОГО ЛАНДШАФТА МЕГАПОЛИСА НА СТИЛЕВЫЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНО-ЭСТРАДНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА

THE INFLUENCE OF THE SOUNDSCAPE OF THE METROPOLIS IN STYLE AND GENRE OF JAZZ AND THE POP MUSIC

V. Shulin

Summary. The article is devoted to a problem of the soundscape of the metropolis and problems of interpretation and its elements interactions with the practice of professional music performance. Specific facts are discussed on examples from the pop music and jazz.

Keywords: music pop, jazz, soundscape, musical, musical art, musical genre.

Шулин Вячеслав Валерьевич

*К. искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры
shulinv@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена теме звукового ландшафта мегаполиса и проблеме трактовки его проявлений в музыкальной практике в целом и профессиональном музыкальном исполнительстве в частности. Конкретные факты рассматриваются на примерах из области эстрадной музыки и джаза.

Ключевые слова: музыкальная эстрада, джаз, звуковой ландшафт, мюзикл, музыкальное искусство, музыкальный жанр.

О звуковом ландшафте как о совокупности природных, технических и социальных звуков, составляющих одну из сред, окружающих человека, заговорили сравнительно недавно. Термин может обозначать как реальные окружающие среды, так и абстрактные звуковые конструкции или музыкальные композиции, поддающиеся классификации по различным критериям, но главным образом по источнику возникновения — природные и социальные. Один из видных исследователей данного феномена Р.М. Шаффер [1] предлагает любой сегмент звуковой среды или их совокупность относить к звуковому ландшафту (soundscape). Природные звуки — это звуки живой и неживой природы, Социальные звуки — это звуки, произведенные человеком, которые в свою очередь могут делиться на голоса, музыку и шумы.

Звуковой ландшафт может рассматриваться на разных уровнях и с различных сторон — как культурный или антропологический слой, как результат непрограммируемых действий в самых разнообразных ее видах. Но любой ландшафт, даже природный, а тем более архитектурный не является константой и может меняться под влиянием человеческой деятельности в течение времени. Однако если проводить аналогии между ландшафтами (природным, архитектурным и др.), то нетрудно заметить, что в самом слове «ландшафт» уже заложена некая архитектура. Если мы говорим о звуковом ландшафте (по аналогии с вышеупомянутыми), мы, рассматривая конкретный объект исследования, вправе говорить о его (звуковом ландшафте) рельефности, неоднородности, возможности существования высотных доминант,

наличии открытых пространств, промышленных зон, образующих свои звуковые или шумовые поля, течений (подобно природному — водных течений соединяющих реки и озера или протекающие внутри них). В звуковом ландшафте аналогичные течения будут «протекать» внутри стиля или жанра. При этом следует воспринимать звуковой ландшафт не как константу, а, скорее как динамическую конструкцию, организм, способный влиять на рождение новых систем.

А может ли звуковой ландшафт мегаполиса влиять на профессиональное музыкальное исполнительство? Если да, то в какой степени, каким образом?

Позволю себе сделать предположение, что звуковой ландшафт влияет на развитие музыкальных стилей и жанров, а создатели музыки — композиторы, исполнители, используют его элементы, преломляя их в своем творчестве. Для ответа разберем некоторые примеры.

Рассмотрим период конца XIX века, город Новый Орлеан (США). Звуковой ландшафт Нового Орлеана того времени можно назвать рельефным, связанным с присутствием как минимум трех субкультурных доминант: англосаксонской, франко-испанской и афроамериканской.

Джеймс Коллиер в одной из своих книг, ссылаясь на упоминание современника Генри А. Кмена о Новом Орлеане того времени, приводит свидетельства, что «этот город в течение почти двух столетий был буквально пронизан музыкой... и к тому же его жители были

неутомимыми танцорами». Нередко в один вечер на городских концертных площадках можно было увидеть три оперных спектакля. И, что удивительно, при численности населения в пятьдесят тысяч человек (!) постоянно функционировали еще три симфонических оркестра и около полутора десятков уличных танцевальных бэндов. Основную «звучащую» роль в жизни города несло чернокожее население, но, при этом они связывали музыку преимущественно с прикладными функциями, совмещая с богослужением, работой или танцем.

Основными формами религиозного исполнительства того времени были ринг-шауты, песни-проповеди (сонгс-сермон), спиричуэлс и евангелические песнопения (госпел). Трудовые песни изначально были присущи чернокожему населению, в отличие от европейцев, у которых не было устойчивой традиции их исполнения. Однако в звуковом ландшафте Нового Орлеана трудовые песни в исполнении белых или креолов можно было найти в зоне порта, где нередко можно было услышать групповые матросские песни.

Неотъемлемым атрибутом звукового пространства Нового Орлеана были воскресные фестивали, бывшие по своей природе африканскими, но участие в них представителей других национальностей приветствовалось. Сотни зрителей (одновременно и участников) собирались на открытой сцене знаменитой площади Конго-Сквер. Чернокожие исполнители в основном играли традиционную музыку, насыщенную рег-ритмами и синкопами, креолы более тяготели к классической музыке. Город объединялся в одно большое звучащее пространство, где в один день мы могли услышать на улицах, уорк-сонги и попури на темы из оперных арий, марши, регтаймы, европейские и, конечно, африканские танцевальные композиции.

Но, с 1900-х годов, в силу ряда обстоятельств, звуковой ландшафт города претерпевает значительные и качественные изменения:

1. В связи с расформированием военных оркестров после испано-американской войны в местных магазинах появляется недорогой музыкальный инструментарий — кларнеты, тромбоны, корнеты, барабаны, что позволяло покупать их даже негритянскому населению, в том числе молодежи. Неотъемлемым атрибутом звукового ландшафта Нового Орлеана становятся небольшие оркестры, играющие, как правило, на улицах, и буквально повсеместно — на пикниках, вечерах, похоронах или без повода и приглашений на перекрестках.

2. Распространение блюза и его адаптация к коллективному исполнительству. Блюзовый двенадцатитакт становится одной из основных музыкальных форм не толь-

ко индивидуального, но и ансамблевого музицирования. Кристаллизуются так называемые блюзовые тоны, а точнее зоны лабиального интонирования, не имеющие точно определенной высоты, подстраиваясь под европейскую ладогармоническую основу. Блюзы в начале века можно было услышать практически на всей территории Америки, но в Новом Орлеане они приобретают новую коллективную исполнительскую форму.

3. Как вытекающее из первых двух — появление музыкантов-импровизаторов, способных играть как индивидуально, так и в рамках коллективной ансамблевой импровизации. При этом эти исполнители-импровизаторы невольно впитывают интонации, мотивы, попевки, ритмы, тембры, звучащие здесь буквально отовсюду. Подобные творческие установки характерны в целом для бесписьменного творчества и могут рассматриваться общими для эстрадных и традиционных музыкантов критериями исполнительства. Можно вспомнить мнение И. Мациевского о традиционном исполнителе: «Благодаря профессиональной направленности своей деятельности инструменталисты часто овладевают репертуаром и стилями тех мест, где им приходится выступать. В их арсенале нередко могут сосуществовать одновременно различные локальные и стилевые приемы исполнения, каденционные обороты, репертуар.» [3]

Концентрация профессиональных исполнителей, наличие доступного инструментария и возможность музицировать на открытых уличных пространствах различным составом исполнителей, а также национально-этнический фактор преобразуют звуковой облик города, что дало возможность рождению нового направления музыки, за три последующих десятилетия предстоявшему покинуть улицы «звучащего» Нового Орлеана, увеселительные заведения, танцзалы и распространиться далеко за его пределы. Благодаря особенностям звуковой ауры города, мир получил качественно новое направление музыки под названием джаз. Без преувеличения можно констатировать, что джаз — дитя звукового ландшафта Нового Орлеана на рубеже веков. То есть сегодня мы можем утверждать, что звуковой ландшафт может влиять на содержание стилей и жанров профессиональной музыки, а в данном случае на их формирование. В дальнейшем и сам джаз влиял на становление целого множества новых стилей. И не только сугубо музыкальных. Джаз причастен к развитию новых стилей американского танца, так называемых «уличных», или «социальных» танцев — свингу, линди-хопу и даже целому направлению — джаз-танцу. Безусловно, что основой для их становления стала господствующая именно на улице джазовая музыка с ее специфической ритмической организацией (свингом), а танцевальная лексика изобилвала синкопами и элементами афро-американских традиционных танцев.

Позднее подобные уличные танцы уже сами влияли на ритмоструктуру джаза. Например, одна из самых известных тем в исполнении биг-бенда Б. Гудмена «Sing, sing, sing» имеет явный африканский танцевальный «окрас».

Если мы посмотрим на связи джаза с традиционным формами музыкально-драматического искусства, то нам необходимо рассмотреть и пример звукового ландшафта Нью-Йорка, а чтобы быть более конкретным, одного из его районов — Бродвея, где сосредоточены основные театры, концертные залы и площадки для уличных музыкантов.

Но можно ли подобные «звуковые пятна» города рассматривать с точки зрения принадлежности к музыкальному ландшафту? Скорее да, чем нет. Звуковой ландшафт мегаполиса невозможно рассматривать вне культурно-деятельностного контекста. Кроме того, звуковой ландшафт мегаполиса во многом визуализирован, и, в некоторых случаях его необходимо трактовать как аудио-визуальную категорию.

В первые годы XX столетия Бродвей переживает бурный период сосуществования легких жанров. Из окон небольших театральных залов мы слышим фрагменты различных музыкально-театральных постановок — водевилей, экстраваганцы, варьете, фарсов, театров мейнстрейм и т.д. И, формирующийся мюзикл, впитавший в себя элементы каждого из вышеуказанных жанров, удачно подходил на роль оригинального американского сценического продукта. [4]

Катализатором для будущего мюзикла, той самой необходимой каплей, которая вытеснила его из ниши оперетты и водевилей, обозначив как оригинальный сценический жанр, становится джаз. Как только джаз начинает бурное развитие в Нью-Йорке, его ритмы, гармония, музыкальный инструментальный и танцевальный лексика приходит и в музыкальный театр. Но, стоит заметить — не конкретные личности — исполнители посредством

своего творчества переносят принципы джазового исполнительства в театр. Театром востребованы лишь некоторые элементы джаза, или, иначе, театру необходима «аура» джаза. И, в дальнейшем, музыкальная комедия, а потом и мюзикл становятся неотъемлемым и независимым атрибутом музыкального ландшафта Нью-Йорка.

Аналогично примеру джаза, влияние звукового ландшафта города можно заметить при формировании еще одного, более современного музыкального эстрадного жанра — рэпа появившегося среди афроамериканцев района Бронкс уже в 1970-х годах. Среда обитания — аналогично джазу — улица. Исполнение рифмованных речевых форм респонсорной импровизации прямо на улицах и по сей день остается традицией кварталов с чернокожим населением. Проходящие по улице люди имеют возможность на какое-то время задержаться в качестве зрителей, чтобы посмотреть на происходящий перформанс как на небольшое эстрадное действо. Однако для остальных прохожих подобные соревнования — не более чем уличный шум, привычный элемент звукового ландшафта.

Распространению данной формы исполнительства содействовали ди-джеи на локальных негритянских радиостанциях. Способ прослушивания подобных передач нередко коллективный (зачастую в пространстве одного двора или улицы) с последующим обсуждением или даже стихийным творческим «продолжением», что можно и необходимо рассматривать как одну из составляющих звукового ландшафта мегаполиса (Нью-Йорка), а реакцию слушателей — как один из ключевых факторов стилового развития.

Становление новых музыкальных стилей в академической традиции осуществляется, как правило, внутри исполнительских школ или на их стыке. Но вышеописанные формы творчества, рождаясь и развиваясь на открытых уличных площадках, в последствие выкристаллизовываются в отдельные самостоятельные исполнительские направления, при этом оставаясь частью звукового ландшафта данной локализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schafer R. M. The Soundscape: Our Sonic Environment and the Tuning of the World. Rochester, VT, 1994. Ch. 5 «The Industrial Revolution». — P. 71–87.
2. Коллиер Дж. Становление джаза. Популярный исторический очерк / Коллиер Дж. — Москва, Радуга, 1984. — С. 39–40
3. Мацеевский И. В. Народная инструментальная музыка как предмет науки и инспирации композиторского творчества / И. В. Мацеевский // Теоретические проблемы народно-инструментальной музыки: сб. реф. участников 1 инструментовед. науч. конф. фолькл. комиссии Союза Композиторов РСФСР / ред.-сост. И. В. Мацеевский. — М.: Сов. композитор, 1974. — С. 12–20
4. Шулин В. В. Российский мюзикл в контексте развития жанра / В. В. Шулин // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств: науч. журн. / СПбГУКИ. — Санкт-Петербург: СПбГИК, 2016. — № 2. — С. 140–143

© Шулин Вячеслав Валерьевич (shulinv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПОСЛЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАВМЫ

SOCIALIZATION AND RESOCIALIZATION AFTER PSYCHOLOGICAL TRAUMA

**T. Belykh
O. Tolkacheva**

Summary. The article describes the perspectives of the socio-psychological approach to psychological trauma as a social fact forcing individuals to learn a new social experience. It is identified acute adaptation, adaptation, institutional and post-institutional periods of socialization and resocialization after psychological trauma which is characterized by uneven depression, posttraumatic stress, and growth dynamics, and correlation with basic assumptions about benevolent and just world.

Keywords: Psychological Trauma, Socialization, Resocialization, Basic Assumptions, Posttraumatic Growth, Spinal Cord Injury.

Белых Татьяна Викторовна

*Д.псх.н., доцент, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
tvbelih@mail.ru*

Толкачева Оксана Николаевна

*Аспирант, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
tolkoksana@ya.ru*

Аннотация. В статье описаны результаты исследования психологической травмы с позиций социально-психологического подхода. Травма рассматривается как социальный факт, принуждающий индивидов к освоению нового социального опыта. Сравнительный анализ выраженности и взаимосвязей депрессии, посттравматического стресса, роста и базисных убеждений о мире и о себе в выборке респондентов с последствиями травмы позволяют выявить прямую связь посттравматического роста личности с представлением о справедливости окружающего мира, обратную связь депрессии с представлением о доброжелательности окружающего мира. Выделены и описаны острый адаптационный, адаптационный, институциональный и пост-институциональный периоды социализации и ресоциализации после психологической травмы.

Ключевые слова: психологическая травма, социализация, ресоциализация, социальные представления, посттравматический рост, травма психоневролога

Введение

Изучение феномена психологической травмы традиционно фокусируется на ситуационных (типы травматических событий, условия возникновения и преодоления травмы) и индивидуально-психологических (деструктивное влияние травмы на функционирование психических функций и систем личности, свойства устойчивой и уязвимой для травмы личностной организации) факторах. Однако исследования так и не выявили устойчивых взаимосвязей между особенностями личностной организации и подверженностью психологической травме, также как не было обнаружено ситуационных или индивидуально-психологических предикторов, достоверно определяющих психотравмирующий статус того или иного события. Напротив, исследования показывают, что одни и те же события могут быть психотравмирующими для одних людей и не быть для других [1]. Отмеченные противоречия указывают на актуальность расширения контекстов исследования психологической травмы.

Выход за пределы узко-клинических описаний психологической травмы и её индивидуально-психологических последствий реализуется посредством привлечения социально-психологического подхода к психологической травме как социальному факту — объективно существующему, независимому от психики отдельного индивида, воспринимающегося им как объективная реальность события, принуждающего его к определённому образу действия [2]. Будучи социальным фактом, травматические события оказывают давление внешнего порядка, при этом являясь не только точкой приложения внешних сил, но и составляют достояние внутреннего мира человека. Если подходить к изучению психологической травмы как к социальному факту, то значимым фактором переживания травмы становятся существующие в социуме представления о различных видах травматического опыта.

Основатель культурсоциологии Дж. Александер, различая событие и его репрезентацию, исследует процесс символической конструкции культурной травмы посредством акта социальной интерпретации события и его

последствий как психотравмирующих, травмированной при этом оказывается коллективная идентичность группы [3]. Конструирование и вписывание господствующего нарратива травмы в социальную реальность осуществляется в процессе институционализации отношений травмированной группы с представителями других групп и социальными институтами (религиозные организации, СМИ, органы государственной власти, представители научного сообщества и т.д.). Значимое место в этом процессе занимает реконструкция коллективной идентичности и ритуальные процедуры, способствующие упорядочиванию, рутинизации травматических аффектов. Дж. Александер также отмечает, что травма может иметь конструктивные последствия в том случае, если перестроенная коллективная идентичность становится «основополагающим ресурсом для решения будущих социальных проблем и нарушений в коллективном сознании» [там же, с. 34]. В частности, институционализация травматического опыта группы открывает возможности для новых форм социальной инклюзии.

Представители интересубъективного подхода к травме отмечают, что характер переживания индивидуальной травмы также испытывает определяющее влияние тех смыслов и значений травмы, которые окружающие люди транслируют пострадавшим в процессе межличностного взаимодействия [4]. С точки зрения социально-психологического подхода существенную роль в травматическом опыте занимают социальные изменения, связанные с исключением личности из одних и включением в другие группы, сменой социальных статусов, изменением характера отношений с окружающими людьми и т.д. Если существующие в социуме представления о травме и её носителях имеют эксплицитно или имплицитно стигматизирующий характер, то повреждённой оказывается, в том числе, и социальная идентичность личности. Однако травматический опыт может иметь не только деструктивный, но и конструктивный, способствующий развитию личности потенциал, описанный Р. Тэдэши и Л. Кэлхоуном как посттравматический рост [5]. Посттравматическое развитие подразумевает реорганизацию различных систем личности таким образом, чтобы в них могли быть интегрированы различные, в том числе конфликтные аспекты травматического опыта.

Гипотеза, цель и задачи исследования

Гипотеза исследования — психологическая травма является социальным фактом, принуждающим личность к освоению нового социального опыта, данный процесс содержательно соответствует процессам социализации и ресоциализации личности, характеризуется неравномерной динамикой деструктивных и развивающих личность компонентов. **Цель исследования** — изучить

социально-психологическое содержание периодов психологической травмы. **Задачи исследования:** 1) изучить выраженность деструктивных и развивающих компонентов травматического опыта в разные периоды; 2) выявить взаимосвязь конструктивных и деструктивных компонентов травматического опыта с представлениями о себе и окружающем мире в разные периоды; 3) выделить и дать качественную социально-психологическую характеристику периодов социализации и ресоциализации после травмы.

Методы исследования

Исследование осуществлялось в два этапа. На первом этапе изучались особенности переживания травматического опыта в группах испытуемых с периодом травмы от 2 до 6 лет, от 7 до 12 лет, от 13 до 29 лет. Были задействованы следующие стандартизированные методики: гражданский вариант «Миссисипской шкалы» для оценки выраженности посттравматических стрессовых реакций, «Шкала депрессии» А. Бека, «Шкала базисных убеждений» Р. Янофф-Бульман в адаптации М.А. Падун и А.В. Котельниковой, «Опросник посттравматического роста личности» Р. Тэдэши и Л. Кэлхоуна в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова. Анализ изучаемых признаков осуществлялся с применением однофакторного дисперсионного анализа Краскала-Уоллеса для 3 и более независимых выборок, критерия ранговой корреляции Спирмена. На втором этапе изучались содержательные аспекты периодов травмы с применением качественных методов исследования: полу-структурированное интервью, анализ кейс-стадий, феноменологический анализ.

Характеристика выборки

Выборку составили 70 человек с инвалидностью I группы вследствие травмы позвоночника в посттравматический период от 2 до 29 лет (средний период травмы — 13 лет). Для включения в выборку испытуемые должны были отвечать следующим критериям: инвалидность I группы вследствие травмы позвоночника, посттравматический период от 2 лет и более, отсутствие инвалидизирующих или хронических заболеваний до травмы, отсутствие психиатрических и психоневрологических диагнозов. Репрезентативность выборки подтверждается результатами психодиагностики, выявившей высокие показатели посттравматического стресса (76,7±4,3) в выборке.

Результаты исследования

Анализ различий выраженности признаков в группах испытуемых с периодом травмы от 2 до 6 лет, от 7 до 12 лет, от 13 до 29 лет обнаружил следующие статистически значимые закономерности:

1. Не было выявлено статистически значимых различий выраженности посттравматического стресса в разные периоды травмы.

2. Выявлено статистически значимое различие признаков депрессии ($0,003$; $p < 0,05$), наибольшая выраженность которых наблюдается в период 2–6 лет после травмы ($M=17,4$; $SD=10,8$), в период 7–12 лет после травмы выраженность депрессии снижается ($M=8,1$; $SD=5,1$), в период 13–29 лет после травмы вновь повышается ($M=11,1$; $SD=6,8$).

3. Обнаружено статистически значимое ($0,020$; $p < 0,05$) различие выраженности базисного убеждения о доброжелательности окружающего мира, показавшего последовательное укрепление в периоды 2–6 лет ($M=33,7$; $SD=7$) и 7–12 лет ($M=38,4$; $SD=5,5$) после травмы, и снижение в период 13–29 лет ($M=34,6$; $SD=8,1$) после травмы.

4. Базисное убеждение о доброжелательности окружающего мира выявило отрицательную корреляцию с посттравматическим стрессом ($-0,524$; $p < 0,01$) и депрессией ($-0,281$; $p < 0,05$).

5. Убеждение о справедливости окружающего мира обнаружило статистически значимую прямую корреляцию с прошедшим после травмы ($0,294$; $p < 0,05$) временем и посттравматическим ростом личности ($0,473$; $p < 0,01$).

6. Выявлено статистически значимое ($0,048$; $p < 0,05$) различие общей шкалы посттравматического роста с тенденцией к последовательному повышению в периоды 2–6 лет ($M=60,2$; $SD=13,6$), 7–12 лет ($M=65$; $SD=18,3$) и 13–29 лет ($M=71,5$; $SD=17,2$) после травмы.

7. Выявлено статистически значимое ($0,275$; $p < 0,05$) различие шкалы роста «новые возможности», которая последовательно укрепляется в периоды 2–6 лет ($M=14,7$; $SD=3,4$), 7–12 лет ($M=16,6$; $SD=5,9$) и 13–29 лет ($M=18,8$; $SD=4,2$).

Феноменологический анализ данных интервью и кейс-стади позволил выделить и описать следующие периоды травматического опыта:

До-травматический период содержит всю сумму обстоятельств, отношений и свойств, составлявших повседневность индивида до того, как в его жизни произошло психотравмирующее событие. Усвоенные в до-травматический период жизни социальные нормы, ценности и представления являются основанием оценки произошедшего события. Психотравмирующее воздействие события во многом обусловлено характером имеющихся

у пострадавших и их социального окружения представлений о травме и связанных с ней жизненных изменениях. В сравнении с травматическим опытом до-травматический период жизни может идеализироваться или обесцениваться, что будет влиять на представления о травме как неудаче, наказании или, напротив, испытании, наставлении на истинный путь и т.д.

Так, респонденты с травмой позвоночника, занимавшие до травмы высокие социальные позиции, связанные с реализацией физического здоровья (спортсмены, военные и т.д.) имели представления о травме как о несправедливости или наказании. Для респондентов с низким социальным статусом в до-травматический период (безработные, употребляющие алкоголь, правонарушители) травма и последующая инвалидизация послужили даже некоторой стабилизации социального положения. В этой категории респондентов распространены представления о травме как искупительном мотиве, вынудившем их пересмотреть деструктивный образ жизни и отношения с окружающими. Наконец, респонденты, чей социальный статус и профессиональная реализация до травмы были связаны с умственным или творческим трудом, имели представления о травме как опыте, не связанном с кардинальными личностными или жизненными изменениями.

Острый адаптационный период соответствует реакции острого стресса на чрезвычайное экстремальное событие, однако, помимо психологических симптомов (состояние «ошеломления», невозможность полностью осознать случившееся, дезориентация), период также имеет и социально-психологическое измерение, связанное с включением личности в новые системы социальных связей и отношений. В этот период травма лишь обозначивает себя как социальный факт и намечает перспективы дальнейших изменений, тогда как точкой приложения основных внутренних и внешних усилий личности является борьба с угрозой жизни, здоровью и психическому благополучию.

Адаптационный период знаменует начало освоения травматического опыта, в первую очередь, через освоение коллективного опыта совладания с данным видом травмы на уровне поведенческих и речевых практик в группе индивидов с общим травматическим опытом. В нашей выборке — это группа пострадавших вследствие травмы позвоночника. В зависимости от вида травматического события это также может быть группа онкологических пациентов, ВИЧ инфицированных, мигрантов и т.д. Необходимо подчеркнуть тот факт, что в данном случае речь идёт об индивидах, объединённых в группу на основании общей проблематики индивидуальной травмы, а не о группе людей, разделяющих общий травматический опыт, как это происходит во время

военных конфликтов, стихийных бедствий и т.п. В изучаемых нами случаях границы группы заданы не пространственно-временными параметрами, а проблематикой травмы. Это, во-первых, расширяет возможности освоения конструктивных стратегий совладания с травмой за счёт обращения к историческим примерам и группам индивидов со схожей проблематикой. Во-вторых, повышает значимость индивидуализации освоенных норм и практик, так как отсутствие пространственно-временных границ группы нивелирует вопрос групповой сплочённости и общности ценностей в группе.

Так, некоторые респонденты в нашей выборке отмечали, что не могли принять и разделить ориентированные на эксплуатацию социального статуса инвалида ценности своей новой группы, но нашли чрезвычайно полезным накопленный группой практический опыт адаптации к последствиям травмы. Часто этот конфликт разрешался путём учреждения внутри большой группы людей с инвалидностью малой группы разделяющих общие ценности индивидов (различные общественные, спортивные, творческие, профессиональные организации людей с инвалидностью). Также респонденты рассказывали, что находили конструктивные примеры совладания с травмой и личностной трансформации не только в исторических примерах реальных людей, переживших тот или иной вид травматического опыта, но в духовной, религиозной, художественной, научной литературе.

Институциональный период связан с реорганизацией системы социальных связей и отношений травмированных индивидов таким образом, чтобы в эти отношения и связи могли быть интегрированы вызванные травмой социальные изменения. Мы назвали данный период институциональным потому, что в этот период устанавливаются нормы взаимодействия субъектов травматического опыта с другими членами общества и социальными институтами. Так, в институциональный период за пострадавшими вследствие травмы позвоночника закрепляется социальный статус инвалида, регламентирующий их взаимодействие с социальными институтами (посредством правовых норм) и другими людьми (посредством социальных норм и существующих в обществе представлений о людях с инвалидностью). Социально-правовые нормы взаимодействия и представления о людях с различными видами травматического опыта определяют то, насколько эксклюзивный или инклюзивный характер будут иметь отношения социума и травмированных индивидов.

Пост-институциональный период характеризуется установлением форм посттравматической повседневности, рутинизацией связанных с травматическим опытом повседневных практик и социальной активно-

сти. В этот период пострадавшие могут оказывать социально-психологическую поддержку другим индивидам с травматическим опытом, заниматься социальной активностью, направленной на трансформацию существующих в обществе представлений о травме в сторону большей инклюзии, а также реализовывать различные жизненные цели и задачи, напрямую не связанные с травмой.

Обсуждение

Данные исследования подтвердили гипотезу о том, что динамика деструктивных и развивающих компонентов травматического опыта носит неравномерный, разнонаправленный характер, содержит в себе потенциал к непрерывному развитию личности через освоение нового социального опыта и разрешение вызванных травмой конфликтов и противоречий. Выраженность посттравматического стресса не зависит от времени травмы и может сохраняться на достаточно высоком уровне на протяжении всего посттравматического периода жизни. Это, однако, не препятствует возможности поступательного развития личности, например, через расширение сфер социальной активности. Представление о справедливости окружающего мира, также как и тенденция к посттравматическому росту, не взаимосвязаны с переживанием стресса или депрессии после травмы и демонстрируют последовательное укрепление на протяжении всего посттравматического периода жизни. Напротив, признаки депрессии и стресса после травмы находятся в обратной взаимосвязи с представлением о доброжелательности окружающего мира и показывают неравномерную динамику. Таким образом, переживание травматического опыта взаимосвязано с характером представлений травмированных индивидов об окружающем мире — устойчивые представления о доброжелательности и справедливости окружающего мира способствуют редукции деструктивных переживаний и развитию личности после травмы.

Качественный анализ жизненных историй респондентов с последствиями травмы позвоночника показал, что психологическая травма является также и социальным фактом, вынуждающим индивидов осваивать новый социальный опыт, проходить через периоды социализации и ресоциализации после травмы. Наиболее эмоционально напряжёнными являются первые посттравматические периоды — острый адаптационный, сопряжённый с угрозой жизни и благополучию личности, и адаптационный, связанный с вынужденным включением личности в новую социальную группу индивидов с общим травматическим опытом. При наличии в социуме стигматизирующих представлений о переживаемой личностью травме, включение в заведомо дискриминируемую группу сопряжено с дополнительным стрессом

и угрозой социальной идентичности личности. Вместе с тем, вхождение в новую группу может сопровождаться не только чувствами дискомфорта, отчужденности и утраты прежних социальных связей, но и способствовать развитию личности через феномен так называемой «конструктивной маргинальности», при которой личность интегрирует опыт новой группы при сохранении собственных ценностей и идентичности [6].

Адаптационный период социализации после травмы связан с освоением коллективного опыта совладания с травмой группы индивидов, объединённых общей проблематикой травмы. Мы говорим о социализации потому, что в этот период личность включается в новую группу и осваивает новый для себя опыт: практический опыт преодоления последствий травмы, способы восприятия, оценки и интерпретации травмы, позитивные и негативные поведенческие образцы других переживающих травму людей и т.п. Важную роль в этом процессе играет индивидуализация личностью освоенного коллективного опыта в соответствии с собственными ценностями, потребностями и предыдущим жизненным опытом. В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман выделяют индивидуализацию как необходимый этап развития субъекта общественных отношений [7]. На наш взгляд, индивидуализация освоенных в процессе социализации и ресоциализации социальных норм и практик содержит потенциал развития как отдельных субъектов, так и социальных групп, позволяя не только воспроизводить, но и трансформировать социальный опыт, в том числе, под влиянием травматических событий.

Институциональный период ресоциализации после травмы связан с реорганизацией и установлением новых социальных связей личности. Здесь мы говорим о ресоциализации, так как личность вступает в уже известные ей системы социального взаимодействия, но в новом качестве — в качестве субъекта травматического опыта. Определяющими для характера переживания травматического опыта в этот период являются доминирующие в обществе представления и формы взаимодействия с индивидами, объединёнными в социальную группу на основании общей проблематики травматического опыта. Если в обществе преобладают позитивные или нейтральные представления о травматическом опыте пострадавших и инклюзивные формы взаимодействия с представителями этой группы, то у травмированных индивидов с большей вероятностью сформируются представления о доброжелательности и справедливости окружающего мира, будет больше возможностей для самореализации, выстраивания позитивной социальной идентичности и посттравматического развития. При доминировании в социуме дискриминирующих форм взаимодействия и стигматизирующих представлений

о травматическом опыте пострадавших, травмированные индивиды будут испытывать трудности с интеграцией травматического опыта в целостную систему личности. Однако и в этом случае существует возможность для посттравматического развития личности через социальную реализацию представления о справедливости окружающего мира, что на практике проявляется в активной общественной и правовой деятельности людей, пострадавших от различных форм дискриминации, учреждающих новые, инклюзивные формы социального взаимодействия.

В пост-институциональный период процесс социализации и ресоциализации личности после психологической травмы завершается, переходя в процесс реализации общих, не связанных напрямую с травмой, жизненных, возрастных, социальных и прочих задач развития. Как представители группы индивидов с общей проблематикой травматического опыта, травмированные индивиды передают усвоенный и индивидуализированный опыт совладания с травмой новым членам группы; участвуют в жизни общества, формируя социальный имидж своей группы; воспроизводят и трансформируют доминирующие в обществе социальные представления и формы взаимодействия с представителями своей группы и т.д.

ВЫВОДЫ

Исследование показало продуктивность и перспективность применения социально-психологического подхода к изучению феномена психологической травмы как социального факта, вынуждающего травмированных индивидов осваивать новый социальный опыт. Исследование социально-психологического содержания опыта переживших психическую травму индивидов позволяет говорить о посттравматической социализации и ресоциализации личности, как процессах включения в социальную группу индивидов с общим травматическим опытом; освоения социальных норм и практик данной группы; реорганизации социальных связей личности в качестве субъекта травматического опыта; освоения и трансформации доминирующих представлений и форм социального взаимодействия в сторону их большей инклюзивности и т.д. В соответствии с выявленной последовательностью вышеперечисленных этапов освоения травматического опыта были выделены острый адаптационный, адаптационный, институциональный и пост-институциональный периоды социализации и ресоциализации личности после психологической травмы, для которых характерна неравномерная динамика и взаимосвязь деструктивных и развивающих компонентов травматического опыта с представлениями личности о доброжелательности и справедливости окружающего мира.

Ограничения
и дальнейшие исследования

Исследование осуществлено на выборке испытуемых, чей психотравмирующий опыт связан с приобретением инвалидизирующего заболевания. Дальнейшие

сравнительные исследования других видов психотравмирующего опыта должны прояснить правомерность рассмотрения психологической травмы как социального факта, а также выявить общие и специфические черты социализации и ресоциализации личности после различных форм психотравматизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. — 272 с.
2. Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. — 476 с. (Психология социальных явлений)
3. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. // Социологический журнал, 2012, № 3, с. 5–40
4. Столору Р. Д. Травма и человеческое существование. Автобиографические, психоаналитические и философские размышления. Пер. с англ. — М.: Когито-Центр, 2016. — 120 с.
5. Tedeschi R. G., Calhoun L. G. Posttraumatic Growth: Conceptual Foundations and Empirical Evidence // Psychological Inquiry 2004, Vol. 15, No. 1, 1–18
6. Социальная психология личности в вопросах и ответах. Учеб. пособие. / Под ред В. А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. — 397 с.
7. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Интегральная периодизация психического развития. // Вопросы психологии, 1996, № 5, с. 38–50.

© Белых Татьяна Викторовна (tvbelih@mail.ru), Толкачева Оксана Николаевна (tolkoksana@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ

FEATURES OF EXPERIENCING LONELINESS OF PATIENTS WITH SCHIZOPHRENIA

**A. Konovalova
A. Kartashev**

Summary. In this paper we present a quantitative analysis of associations between severity of depression, types of attitude towards the disease and types of loneliness. 40 subjects who were diagnosed with different forms of schizophrenia at the time of research participated in this study. Participants in the study were asked to respond to three instruments: Beck Depression Inventory (BDI); diagnostic questionnaire «Loneliness»; «Type of attitude to the disease» (TOBOL). Prevailing types of attitude to the disease (ergopathic) and loneliness (dissociated, alienating) were discovered. The analysis of associations between said variables allowed to discover groups of types of attitude towards the disease, correlating with severity of depression and loneliness state positively and negatively.

Keywords: schizophrenia; loneliness; type of attitude to the disease; depression.

Коновалова Анастасия Вадимовна
Преподаватель, Институт психологии
им. Л. С. Выготского РГГУ, Москва
konanavad@gmail.com
Карташев Андрей Александрович
РГГУ, Москва
andrewkartashev@mail.ru

Аннотация. В статье представлен количественный анализ взаимосвязей между выраженностью депрессивного состояния, типами отношения к болезни и видами одиночества у больных шизофренией. Выборку составили 40 испытуемых у которых на момент обследования была диагностирована шизофрения в различных ее формах. Использовались следующие методики: шкала депрессии Бека, диагностический опросник «Одиночество» С. Г. Корчагиной и методика «Тип отношения к болезни» Вассермана и соавт. Были выявлены преобладающий тип отношения к болезни и виды одиночества. Анализ взаимосвязей между указанными переменными позволил обнаружить группы типов отношения к болезни, положительно и отрицательно коррелирующих с выраженностью депрессивного состояния и состояния одиночества.

Ключевые слова: шизофрения, одиночество, тип отношения к болезни, депрессия.

Вследствие нарастания негативной симптоматики — апатии, эмоционального уплощения, нарушений мотивационно-личностной сферы страдает и социальное взаимодействие у больных шизофренией [4]. Нередко пациенты оказываются в ситуации отшельничества как по собственной инициативе, так и по причине наличия различных поведенческих нарушений, не позволяющих установить доверительные отношения со стороны окружающих. Кроме того, как указывается во многих источниках, одиночество далеко не всегда зависит от наличия людей в окружении — человек может переживать или не переживать одиночество независимо от количества социальных контактов. [3] Актуальность данного исследования заключается в необходимости установить, какое влияние оказывает предполагаемое переживание одиночества на способность больного совладать с трудностями, аффективную сферу, на отношение к болезни. Так как переживание одиночества должно быть присущим пациентам больным шизофренией, с учетом таких данных появилась бы возможность точнее построить психокоррекционный процесс.

Анализ отечественных работ в данной области не позволяет говорить о том, что она изучена всесторонне; также, как показывают зарубежные обзоры литерату-

ры, в большинстве своем в исследованиях одиночества не акцентируется внимание на его проявлениях в патологии [5]. Тем не менее, ряд таких работ существует: в монографии О. Н. Кузнецова и В. И. Лебедева «Психология и психопатология одиночества» рассмотрена взаимосвязь ряда психопатологических симптомов с переживанием одиночества [2]. Несмотря на значительную научную ценность данной работы, в ней зачастую происходит смешение терминов «изоляция» и «одиночество», а также нет подробного изучения связи одиночества и конкретных нозологических единиц. В зарубежной литературе исследования связи шизофрении и одиночества начинаются с работ Фриды Фромм-Рейхман (в частности, статья «Одиночество» 1959 г.), в которых она с позиций психодинамического подхода утверждает, что одиночество является деструктивным, и может приводить к развитию психотических состояний [6]. Тем не менее, такие попытки осмысления являются теоретическими, либо непосредственно вытекающими из наблюдений в ходе клинической практики, а не результатом эмпирического исследования. В настоящее время в данной области исследователь может обнаружить небольшое количество работ на тему одиночества и шизофрении, причем чаще всего данная тема лишь входит в состав более широкого исследования. Примером может послужить диссертация

Таблица 1. Таблица описательных статистик по методике «Тип отношения к болезни»

Тип отношения к болезни	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Среднеквадратичное отклонение
Гармонический	40	0	0	0	0
Эргопатический	40	0	47	17.6250	14.69290
Анозогнозический	40	0	45	10.9500	16.47368
Тревожный	40	0	39	11.2500	10.63798
Ипохондрический	40	0	37	12.6000	9.98152
Неврастенический	40	0	34	10.3750	10.05546
Меланхолический	40	0	42	10.9750	11.92173
Апатический	40	0	31	8.4500	8.64381
Сенситивный	40	0	37	14.7500	9.29502
Эгоцентрический	40	0	32	10.6750	8.20065
Паранойяльный	40	0	28	8.1250	7.48396
Дисфорический	40	0	26	7.7500	7.55408

Таблица 2. Таблица описательных статистик по диагностическому опроснику «Одиночество»

	N	Минимум	Максимум	Среднее значение	Среднеквадратичное отклонение
Общий балл по одиночеству	40	1	14	8.6250	3.59977
Диффузное одиночество	40	3	10	6.5500	1.28002
Отчуждающее одиночество	40	3	12	7.0500	2.37454
Диссоциированное одиночество	40	2	12	7.4000	2.51967

J. M. Tietjen [7] – в ходе ее исследования была изучена взаимосвязь экономических, социальных, расовых, гендерных факторов и одиночества у лиц с аффективными расстройствами, шизофренией и у группы испытуемых без наличия указанных диагнозов. Несмотря на ценность таких работ, культурные различия, различия в основных диагностических руководствах и их актуальность — в указанном исследовании использовалось руководство DSM-III — не позволяют однозначно экстраполировать полученные результаты и использовать их в практической работе в настоящее время.

В личностно-деятельностном подходе к пониманию проблемы одиночества, который был положен в основу данного исследования, оно определяется как «психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми.» [1]

Целью данного исследования является исследование особенностей переживания одиночества у больных шизофренией. Объектом исследования является состояние одиночества; предметом — особенности его переживания у больных шизофренией.

Задачи исследования

- 1) Выявить преобладающий тип одиночества при шизофрении
- 2) Выявить характерный для больных шизофренией тип отношения к болезни
- 3) Установить возможные взаимосвязи между типом одиночества, выраженностью депрессивного состояния и типом отношения к болезни при шизофрении

В ходе исследования были выдвинуты следующие **гипотезы**:

- 1) Преобладающими типами одиночества при шизофрении являются отчуждающее и диссоциированное одиночество
- 2) Есть связь между уровнем одиночества и уровнем депрессии у больных шизофренией.
- 3) Существуют связи между типами одиночества и типами отношения к болезни

Выборка

Исследование проводилось на базе дневного стационара ПКБ № 1 им. Н. А. Алексеева. Выборку составили 40 испытуемых, 27 мужчин и 13 женщин, у которых на момент обследования была диагностирована шизофрения.

Таблица 3. Анализ взаимосвязей между типами отношения к болезни и депрессией

Переменные	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Общий балл по депрессии — Апатический тип отношения к болезни	.618	.000
Общий балл по депрессии — Неврастенический тип отношения к болезни	.607	.000
Общий балл по депрессии — Ипохондрический тип отношения к болезни	.589	.000
Общий балл по депрессии — Эгоцентрический тип отношения к болезни	.582	.000
Общий балл по депрессии — Меланхолический тип отношения к болезни	.568	.000
Общий балл по депрессии — Дисфорический тип отношения к болезни	.514	.001
Общий балл по депрессии — Паранойяльный тип отношения к болезни	.471	.002
Общий балл по депрессии — Тревожный тип отношения к болезни	.411	.008
Общий балл по депрессии — Сенситивный тип отношения к болезни	.352	.026
Общий балл по депрессии — Анозогнозический тип отношения к болезни	-.355	.025
Общий балл по депрессии — Эргопатический тип отношения к болезни	-.381	.015
Когнитивно-аффективная субшкала — Апатический тип отношения к болезни	.611	.000
Когнитивно-аффективная субшкала — Меланхолический тип отношения к болезни	.568	.000
Когнитивно-аффективная субшкала — Эгоцентрический тип отношения к болезни	.506	.001
Когнитивно-аффективная субшкала — Неврастенический тип отношения к болезни	.500	.001
Когнитивно-аффективная субшкала — Ипохондрический тип отношения к болезни	.497	.001
Когнитивно-аффективная субшкала — Дисфорический тип отношения к болезни	.480	.002
Когнитивно-аффективная субшкала — Паранойяльный тип отношения к болезни	.455	.003
Когнитивно-аффективная субшкала — Тревожный тип отношения к болезни	.343	.030
Когнитивно-аффективная субшкала — Эргопатический тип отношения к болезни	-.332	.037
Соматическая субшкала — Неврастенический тип отношения к болезни	.606	.000
Соматическая субшкала — Меланхолический тип отношения к болезни	.557	.000
Соматическая субшкала — Ипохондрический тип отношения к болезни	.555	.000
Соматическая субшкала — Эгоцентрический тип отношения к болезни	.543	.000
Соматическая субшкала — Апатический тип отношения к болезни	.491	.001
Соматическая субшкала — Дисфорический тип отношения к болезни	.459	.003
Соматическая субшкала — Сенситивный тип отношения к болезни	.424	.006
Соматическая субшкала — Паранойяльный тип отношения к болезни	.402	.010
Соматическая субшкала — Тревожный тип отношения к болезни	.374	.017
Соматическая субшкала — Эргопатический тип отношения к болезни	-.358	.023

Методики

В ходе исследования были получены и проанализированы данные по следующим методикам: диагностический опросник «Одиночество» С.Г. Корчагиной; шкала депрессии Бека; методика «Тип отношения к болезни» Вассермана и соавт. Статистический анализ данных производился с помощью компьютерной программы SPSS Statistics 17.0

Описание и обсуждение результатов

Преобладающим типом отношения к болезни в данной выборке является эргопатический, что объясняется возможным стремлением сохранить профессиональную активность. Тем не менее, высокие значения среднеква-

дратичного отклонения указывают на значительные различия в результатах у отдельных испытуемых (таблица 1).

Значения по одиночеству не обнаруживают яркого разброса. Наиболее характерными типами одиночества для данной выборки являются диссоциированное и отчуждающее (таблица 2).

Как следует из таблицы результатов, обнаружены положительные значимые связи между апатическим, неврастеническим, ипохондрическим, меланхолическим, дисфорическим, паранойяльным, тревожным и сенситивным типами отношения к болезни и общим баллом по депрессии. Данные связи можно объяснить тем, что основные проявления таких типов отношения во многом совпадают с вариантами проявления депрессивного

Таблица 4. Анализ взаимосвязей между типами отношения к болезни и типами одиночества

Параметры	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Общий балл по одиночеству — Паранойяльный тип отношения к болезни	.589	.000
Общий балл по одиночеству — Эгоцентрический тип отношения к болезни	.550	.000
Общий балл по одиночеству — Дисфорический тип отношения к болезни	.544	.000
Общий балл по одиночеству — Неврастенический тип отношения к болезни	.501	.001
Общий балл по одиночеству — Ипохондрический тип отношения к болезни	.497	.001
Общий балл по одиночеству — Апатический тип отношения к болезни	.342	.031
Общий балл по одиночеству — Меланхолический тип отношения к болезни	.336	.034
Общий балл по одиночеству — Эргопатический тип отношения к болезни	-.357	.024
Общий балл по одиночеству — Анозогностический тип отношения к болезни	-.402	.010
Отчуждающее одиночество — Эгоцентрический тип отношения к болезни	.509	.001
Отчуждающее одиночество — Ипохондрический тип отношения к болезни	.487	.001
Отчуждающее одиночество — Неврастенический тип отношения к болезни	.416	.008
Отчуждающее одиночество — Апатический тип отношения к болезни	.409	.009
Отчуждающее одиночество — Меланхолический тип отношения к болезни	.397	.011
Отчуждающее одиночество — Дисфорический тип отношения к болезни	.382	.015
Отчуждающее одиночество — Паранойяльный тип отношения к болезни	.360	.022
Отчуждающее одиночество — Анозогностический тип отношения к болезни	-.315	.048
Отчуждающее одиночество — Эргопатический тип отношения к болезни	-.336	.034
Диссоциированное одиночество — Эгоцентрический тип отношения к болезни	.589	.000
Диссоциированное одиночество — Дисфорический тип отношения к болезни	.569	.000
Диссоциированное одиночество — Неврастенический тип отношения к болезни	.508	.001
Диссоциированное одиночество — Ипохондрический тип отношения к болезни	.489	.001
Диссоциированное одиночество — Паранойяльный тип отношения к болезни	.423	.007
Диссоциированное одиночество — Апатический тип отношения к болезни	.422	.007
Диссоциированное одиночество — Меланхолический тип отношения к болезни	.362	.022
Диссоциированное одиночество — Эргопатический тип отношения к болезни	-.349	.027
Диссоциированное одиночество — Анозогностический тип отношения к болезни	-.440	.004

состояния. Полученные результаты подчеркивают дезадаптивность указанных типов отношения к болезни для больных шизофренией.

Отрицательные корреляции между общим баллом по депрессии и анозогностическим и эргопатическим типами отношения к болезни позволяют говорить об этих типах как о благоприятно влияющих на аффективную сферу больных шизофренией. Данные типы отношения к болезни относятся к первому блоку, который характеризуется отсутствием существенных нарушений социальной и психической адаптации.

Наиболее значимая и сильная связь с когнитивно-аффективной субшкалой обнаружена с апатическим типом отношения к болезни (.611/.000), в то время как по соматической субшкале такая связь наблюдается с неврастеническим типом (.606/.000). Такие данные могут быть объяснены наличием таких проявлений при апатическом типе, которые соответствуют преимущественно когнитивно-аффективным проявлениям депрессии и поведением по типу раздражительной слабости —

что может сопутствовать соматическим проявлениям депрессии — при неврастеническом типе отношения к болезни. На уровне отдельных субшкал других значительных отличий от картины, которую дает общий балл по депрессии не выявлено.

Положительные связи между диссоциированным, отчуждающим одиночеством и общим баллом по одиночеству наблюдаются со следующими типами отношения к болезни: паранойяльный, эгоцентрический, дисфорический, неврастенический, апатический, меланхолический. Также стоит отметить, что отрицательные связи с эргопатическим и анозогностическим типами отношения также наблюдаются по всем шкалам одиночества, кроме диффузного.

Исходя из данных таблицы, значимым отличием между общим баллом по одиночеству и другими шкалами является наиболее высокая сила и значимость связи с паранойяльным типом отношения к болезни (.589/.000), в то время как связи между диссоциированным (.423/.007), отчуждающим (.360/.022) типами оди-

Таблица 5. Анализ взаимосвязей между типами одиночества и депрессией

Параметры	Коэффициент корреляции	Уровень значимости
Общий балл по одиночеству — общий балл по депрессии	.635	.000
Общий балл по одиночеству — когнитивно-аффективная субшкала	.518	.001
Общий балл по одиночеству — Соматическая субшкала	.592	.000
Отчуждающее одиночество — общий балл по депрессии	.699	.000
Отчуждающее одиночество — Когнитивно-аффективная субшкала	.571	.000
Отчуждающее одиночество — Соматическая субшкала	.647	.000
Диссоциированное одиночество — общий балл по депрессии	.624	.000
Диссоциированное одиночество — Когнитивно-аффективная субшкала	.581	.000
Диссоциированное одиночество — Соматическая субшкала	.522	.001

ночества и паранойяльным типом являются одними из наиболее слабых.

В целом можно говорить о двух устойчивых наборах типов отношения к болезни: положительно или отрицательно коррелирующих со всеми типами одиночества и выраженностью его переживания в целом, помимо диффузного одиночества.

Как видно из таблицы результатов переживание одиночества и депрессивное состояние являются взаимосвязанными, в данном случае мы можем говорить об очевидном пагубном воздействии переживания одиночества на коррекцию аффективного состояния больных. Переживание одиночества по диссоциированному и отчуждающему типу также усугубляет когнитивно-аффективные и соматические нарушения при депрессии.

Как видно из таблицы результатов, связь между отчуждающим одиночеством и соматической субшкалой (.647;.000) сильнее, чем между отчуждающим одиночеством и когнитивно-аффективной субшкалой (.571;.000). Обратную ситуацию можно наблюдать обратившись к данным по диссоциированному одиночеству — в этом случае связь с когнитивно-аффективной субшкалой (.581;.000) сильнее, чем с соматической (.522;.001). Следовательно, можно предполагать различия в особенностях развития депрессивного состояния у больных шизофренией с диссоциированным и отчуждающим одиночеством.

Выводы

1. Исходя из данных описательной статистики в выборке преобладающими типами одиночества оказались отчуждающее и диссоциированное. Проявления данных типов одиночества во многом пересекаются с характерными клиническими проявлениями шизофрении, что в совокупности с наличием связи указывает на возможную эффективность методов терапии, применяемых для их коррекции и при шизофрении.

2. Обнаружены положительные связи между уровнем одиночества и уровнем депрессии. Такие данные позволяют говорить о деструктивном влиянии переживания одиночества на аффективную сферу больных.

3. В результате эмпирического исследования были выявлены следующие взаимосвязи между типами одиночества, выраженностью депрессивного состояния и типами отношения к болезни:

- ◆ Полученные данные позволяют говорить о наличии группы типов отношения к болезни, негативно влияющих на состояние одиночества (как в целом, так и на диссоциированное и отчуждающее): это паранойяльный, эгоцентрический, дисфорический, неврастенический, ипохондрический, апатический и меланхолический типы. Эти же типы отношения положительно коррелируют с уровнем депрессии.
- ◆ Группа типов отношения к болезни, относящаяся к первому блоку типов отношения к болезни (гармоничный, эргопатический, анозогностический) способствует снижению переживания как диссоциированного, так и отчуждающего одиночества, и уровня депрессии. О положительном влиянии гармоничного типа отношения к болезни можно только предполагать, в связи с тем, что в выборке выявлен он не был.

4. По всей видимости, состояние диффузного одиночества является независимым как от типа отношения к болезни, так и от уровня депрессии у больных шизофренией.

В целом, можно заключить что переживание одиночества у больных шизофренией тесно связано с депрессией и негативно сказывается на их лечении вследствие связи с дезадаптивными типами отношения к болезни, и существует определенный набор типов отношения к болезни, усугубляющих как состояние одиночества, так и способствующих развитию депрессивных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корчагина С. Г. Психология одиночества: учебное пособие. — М.: Московский психолого-социальный институт, 2008.
2. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Психология и психопатология одиночества. М.: Медицина, 1972. — 337 с.
3. Лабиринты одиночества / Под ред. Н. Е. Покровского. — М.: Прогресс, 1989
4. Снежневский А. В. Шизофрения (Цикл лекций 1964 г.) / А. В. Снежневский; отв. ред. проф. В. С. Ястребов — М.: Медпресс-информ, 2013. — 160 с.
5. Brita Nilsson, Unni Å. Lindström & Dagfinn Nåden (2006). «Is loneliness a psychological dysfunction? A literary study of the phenomenon of loneliness.» *Scandinavian Journal of Caring Sciences*, 20 (1) pp. 93–101
6. Fromm-Reichmann, F. (1959) Loneliness. *Psychiatry: Journal fir the Study of Interpersonal Processes*, 22:1–15.
7. Tietjen, J. (1992). «Loneliness in adults with schizophrenia, affective disorders or whithout clinical diagnosis». R.N., B.A., M. A. The Ohio State University.

© Коновалова Анастасия Вадимовна (konanavad@gmail.com), Карташев Андрей Александрович (andrewkartashev@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГНОЗ БУДУЩЕГО РЕБЕНКА В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТИЛЯ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ

SOCIAL PREDICTION OF THE FUTURE CHILD, DEPENDING ON THE STYLE OF FAMILY UPBRINGING

**A. Orlova
M. Rushina**

Summary. The article is devoted to the problem of the future child's dependence on the style of family upbringing. An attempt is made to compile a social forecast of the future child. The article is based on early research on this issue. Concluding recommendations are given.

Keywords: confidence, the style of family education, the child and his future, personal development.

Орлова Анастасия Валерьевна

Аспирант, Российский университет дружбы народов
nastena1987@inbox.ru

Рушина Марина Александровна

К.псих.н., доцент,
Российский университет дружбы народов

Аннотация. Статья посвящена проблеме зависимости будущего ребенка от стиля семейного воспитания. В работе предпринята попытка составления социального прогноза будущего ребенка. Статья основывается на ранних исследованиях, посвященных этой проблеме. В заключении даны соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: уверенность, стиль семейного воспитания, ребенок и его будущее, личностное развитие.

Семейное воспитание играет значительную роль в формировании таких качеств личности, как уверенность, самооценка, коммуникабельность и т.п. Подобные черты личности оказывают довольно сильное влияние на формирование личности, а вместе с тем позволяют спроектировать потенциальное будущее ребенка в зависимости от их уровня. Отношение к самому себе, как личности, формируемое еще в раннем детстве напрямую зависит от стиля воспитания. Психологи, педагоги, философы, социологи выделяют четыре типа семейного воспитания: авторитарный, либеральный, демократический, индифферентный. Этой проблеме автором уже был посвящен ряд работ, среди которых «Уверенность школьника как интегрирующий фактор семейного воспитания» (готовится к публикации). В рамках этой работы было проведено исследование зависимости уверенности ребенка от стиля семейного воспитания, в результате которого будут использованы в настоящей работе. Наиболее уверенными показали себя дети, воспитанные в семьях с демократическим стилем воспитания, средний показатель уверенности продемонстрировали дети, воспитанные в рамках либерализма. Самые низкие показатели уверенности были у детей, которые воспитываются в семьях с индифферентным и авторитарными стилями, причем самый низкий показатель был у детей из семей авторитарного типа. В связи с этим вполне очевидным и естественным было бы продолжить наше исследование, так сказать, на перспективу. Проблема достаточно актуальна, так как основы гармонично развивающего общества целиком и полностью родом из детства. Поэтому целью настоящей статьи является «составление» социального прогноза будущего человека, воспитанного в том, либо ином стиле семейного

воспитания. В данном исследовании будет представлено четыре картины социальных прогнозов и дано общее заключение.

Ребенок, воспитанный в семье с демократическим стилем воспитания. Данный стиль является наиболее дисциплинированным стилем воспитания, так как родители осознают ответственность за поведение и, самое главное, будущее своего ребенка до того момента, пока ребенок не достигнет эмоциональной зрелости. Некоторые исследователи находят, что такие родители чересчур строги, однако, как показали ранние исследования дети именно из этих семей показывают наиболее высокий процент уверенности. Как показывает социально-психолого-педагогическая практика, дети, воспитанные в таком русле в дальнейшей своей жизни достигают наибольших успехов. Шагая по жизни уверенно, ребенок, становится ответственной и самостоятельной личностью. Это достигается еще и за счет того, что в основе заботы родителей, их внимания к жизни ребенка и его потребностям лежит, в первую очередь, посыл, своего рода, верный вектор для личностного роста и дальнейшего развития.

Ребенок, воспитанный в семье с авторитарным стилем воспитания. Данный стиль покоится на культивировании в ребенке страха и требованиях неукоснительного соблюдения правил. Основное направление этого стиля — дисциплина, но зиждется она целиком на страхе и подавлении [2]. Основным ориентиром в воспитании у родителей является отнюдь не поощрение, а исключительно наказание. В связи с этим не вызывает и вопросов, данные полученные в ходе раннего исследо-

вания. Самый низкий показатель уверенности показали дети именно их этих семей. Неуверенный в себе ребенок имеет низкую самооценку, что естественно, не может получить полноценного развития. Его родители всецело контролируют все сферы интересов и жизни ребенка. Часто встречаются ситуации, когда ребенка отправляют получать дальнейшее образование только лишь по желанию родителей, но никак не учитывая интересы ребенка. Что ждет такого ребенка в будущем? Воспитанный в такой среде взрослый человек не уверен в себе, часто оказавшись наедине с трудностями, он не в состоянии их решить, так как начисто был лишен возможности самостоятельно принимать решения. У него возникают проблемы в личной жизни, корни которой исходят, в первую очередь, от неуверенности в себе. Случаются и такие крайности, как случаи побега из семьи и суицида, либо фанатичного «боготворения» родителей или отказа от общения с ними.

Ребенок, воспитанный в семье с либеральным стилем воспитания. Стремясь дать ребенку все самое лучшее, либеральные родители пытаются во всем угодить ребенку. В достижении этого стремления, они уступают требованиям ребенка с ранних лет, с радостью потакают его капризам и прихотям. При том, что требований почти никаких к ребёнку не предъявляют. Ребенок — это идеал, цель родителей — исполнение всего того, что хочет идеал. Руководствуясь вполне благими намерениями, общество получает избалованного, безответственного, инфантильного человека. Человека, считающего, что все вокруг ему обязаны, при том, что сама эта личность ни работать, ни приносить какой-либо вклад в развитие общества, самого себя не хочет, да и не особо понимает таких требований. Если же коснуться вопроса уверенности у таких детей, то средний показатель как раз и демонстрирует, что если она и присутствует, то только

благодаря семейному слепому восхищению, на деле же столкнувшись с трудностями, она (уверенность) исчезает сама собой.

Ребенок, воспитанный в семье с индифферентным стилем воспитания. Как показывают социальные исследования, многие семьи практикуют подобный стиль воспитания. Родители не принимают участия в жизни ребенка, не интересуются его интересами. Их забота сводится лишь к удовлетворению основных потребностей ребенка. Возможно, это связано со сложной экономической ситуацией, когда родители вынуждены максимум времени посвящать финансовому обеспечению семьи, либо спадом аксиологических семейных установок или вообще их отсутствия. В такой семье вырастает одинокая и замкнутая личность или, наоборот, неуправляемая и агрессивная. Такие дети часто склонны к социально-девиантному поведению. Часто именно из таких детей вырастают наркоманы, алкоголики, преступники. Показатель уверенности у этих детей невысок. Но, видимо, она им и не нужна, так как отсутствие ценностных ориентиров абсолютно стирает ее значение.

Таким образом, в работе была предпринята попытка описания картины будущего ребенка, находящаяся в когерентной связи со стилем воспитания. Безусловно, не каждого ребенка, воспитанного в том или ином стиле ждет именно такое будущее, но для этого есть все предпосылки. Если же говорить о стиле воспитания в рамках рекомендаций для родителей, то здесь нужен только лишь индивидуальный подход. Каждый ребенок — личность, уникальная и неповторимая. И то, что хорошо одному ребенку, возможно, абсолютно не подходит другому. И решение здесь, скорее не в выборе родителями стиля воспитания вообще, а в выборе в зависимости от личности и характера ребёнка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильиных Ю. В. Стиль родительского воспитания как фактор формирования смысловой сферы старшего подростка. М., 2004. — 211с.
2. Ковалева Н. И., Колесникова Н. Влияние стиля воспитания на формирование самооценки младших школьников. Славянск-на-Кубани, 2008. С. 49–53.
3. Рушина М. А., Орлова А. В. Особенности самооценки и самоотношения в юношеском возрасте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 4. С. 35–40.
4. Рушина М. А. Специфика мотивационно-смысловых переменных уверенности у подростков // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2ч. Москва, РУДН, 15–17 апреля 2015 г. / науч.ред. В. И. Казаренков. М.: РУДН, 2015. Ч. II. С. 575–582.

© Орлова Анастасия Валерьевна (nastena1987@inbox.ru), Рушина Марина Александровна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕТОДИЧЕСКОГО КАБИНЕТА ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

ORGANIZATION OF THE METHODOLOGICAL CABINET FOR PROVIDING PSYCHOLOGICAL DISCIPLINES

I. Tyutyueva

Summary. The article actualizes the problem of organization, equipping and functioning of a methodical cabinet within the institutions of higher education. The author outlines the reasons for the need to organize and develop methodological support for the educational process. The functions, methods, forms and content of the methodical cabinet are presented. Also, the article presents practical experience, reflecting the development and application of methodological support of software in the teaching and upbringing work of the university, aspects of the organization of the methodical cabinet in accordance with the quality standards and the account of official duties are considered.

Keywords: methodical cabinet, teaching, higher educational institutions, psychological disciplines, innovative methods of work.

Тютюева Ирина Анатольевна

*К.псх.н., доцент, ФГБОУ ВО «ШГПУ», г. Шадринск, Россия
medvedeva452010@mail.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблема организации, оснащения и функционирования методического кабинета в рамках учреждений высшего образования. Автором выделены причины необходимости организации и разработки методического обеспечения учебно-воспитательного процесса. Представлены функции, методы, формы и содержательное наполнение обеспечения методического кабинета. Также в статье представлен опыт практической направленности, отражающий разработку и применение в учебно-воспитательной работе вуза методического сопровождения программного обеспечения, рассмотрены аспекты организации работы методического кабинета в соответствии со стандартами качества и учетом должностных обязанностей.

Ключевые слова: методический кабинет, преподавание, высшие учебные заведения, психологические дисциплины, инновационные методы работы.

Инновационные преобразования, проводимые сегодня в высших образовательных учреждениях, нуждаются в серьезном обеспечении материалами научно-методического характера. Трансформационные преобразования в образовании требуют и от преподавателей ВУЗов, и от руководителей административного звена осознания тенденций, отличительных особенностей традиционной «знаниевой» образовательной парадигмы, а также развивающей, компетентностно ориентированной и лично ориентированной систем и образовательных технологий, включающих использование в образовательном процессе интерактивных форм и методов обучения. Помимо этого, на современном этапе развития системы образования становится крайне необходимым владение следующими видами инновационной деятельности:

- ◆ технологией целеполагания, основами проективной деятельности, методиками диагностирования, оптимальной авторской методической системой; развитых дидактических, рефлексивных, проектировочных, диагностических умений;
- ◆ формированием умения анализировать и самостоятельно оценивать свой индивидуальный стиль деятельности, а также особенности и эффективность используемых педагогических технологий в рамках интеграции собственной ин-

новационной, педагогической и методической деятельности.

В связи с этим руководителю необходимы умения, позволяющие эффективно и результативно организовывать, а также совершенствовать процесс научно-методической и экспериментальной деятельности преподавателей, основанной на применении индивидуального и дифференцированного подходов, поступательного и систематического приобщения преподавателей к осуществлению необходимым творческих целей и задач. В связи с этим, непосредственный руководитель должен вооружить преподавателей такой методикой научно-исследовательского поиска, который позволил бы не только осуществлять комплексное решение выявленных проблем, но и всецело способствовать формированию компетенций педагогических исследований и культуры гуманистической направленности в научной деятельности. Помимо этого, также является необходимым формирование умения ведения научного процесса, грамотного наблюдения за результатами процесса, описания результатов эксперимента по освоению инноваций и эффективного использования их в дальнейшей деятельности.

В настоящее время в современной управленческой реальности имеет место новые концептуальные осно-

вания отношения к человеку, связанные с управлением «человеческим ресурсом». В отличие от прежде существовавшей концепции «учета человеческого фактора» актуализируется концепт раскрытия возможностей и закономерностей развития человека как целостной личности. Методический кабинет как структура ресурсного обеспечения интеллектуально-творческой работы преподавателей по самообразованию, анализа и обобщения педагогического опыта, накопленного психологами и педагогами, предоставляет возможности для профессионального развития профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Оказание практической помощи педагогическим работникам в повышении их педагогического мастерства, координация методической работы в ВУЗе, пропаганда достижений психолого-педагогической науки и перспективного педагогического опыта — целевые установки в работе методического кабинета преподавания психолого-педагогических дисциплин.

Эффективность учебной работы преподавателей высших учебных заведений непосредственно коррелирует с уровнем их методического мастерства, в связи с чем методическую работу следует рассматривать как один из неотъемлемых компонентов учебного процесса.

Целями методической работы на кафедре или на факультете психологии должно быть:

- ◆ повышение педагогического мастерства преподавателей в области психологии,
- ◆ разработка новых инновационных и эффективных методов организации и ведения учебного процесса,
- ◆ систематическое совершенствование методики обучения фундаментальной и прикладной психологии, а также воспитание и развитие студентов,
- ◆ обобщение и распространение передового педагогического опыта обучения, воспитания и развития студентов.

Вся методическая работа должна осуществляться на кафедре, но также должно быть оборудовано специальное помещение. Поэтому может быть организован и оформлен методический кабинет, где будут собраны все материалы по организации преподавания психолого-педагогических дисциплин и особенностями работы со студентами.

Таким образом, методический кабинет необходимо рассматривать как помещение учебно-вспомогательного характера в образовательном учреждении, на базе которого могут проводиться учебные занятия, занятия кружков и другие виды работы по психолого-педагогическим дисциплинам, а также методическая работа преподавателей кафедры психологии. Для осуществления

процесса проведения занятий учебного характера учебный кабинет должен быть оснащен специальным оборудованием, к которому могут быть отнесены: учебная, научная и специальная литература, радио-, теле-, кино- и видеоаппаратура, а также компьютер, интерактивная доска, проектор, различные приборы и инструменты, учебные пособия.

Для осуществления методической деятельности оснащение кабинета комплектуется уже методической литературой, разнообразными методическими разработками, методическими рекомендациями, указаниями и другими необходимыми материалами. В Российской Федерации на сегодняшний день разработаны и являются периодически обновляемыми типовые перечни пособий учебно-наглядного характера и учебного оборудования, используемого в общеобразовательных школах, а для системы высшего образования типового перечня учебных пособий нет. Поэтому мы считаем, что такой кабинет должен быть и он должен повышать продуктивность и результативность воспитательно-образовательной работы, а также способствовать эффективности научной организации трудового процесса преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов, обеспечивать возможности и условия реализации педагогических требований, учет факторов эргономики, психологического сопровождения, гигиены труда, техники производственной безопасности и т.д.

Оснащение методического кабинета отражает степень сформированности методической базы, необходимой для деятельности предметно-методических комиссий и работы экспертного совета по внедрению инновационных методов сопровождения учебно-воспитательного процесса, а также и оценке методического сопровождения на основе использования техник, программ, и пр. Помимо этого, организация методического кабинета позволяет с помощью электронных форм учета, контроля и анализа вести мониторинг учебного процесса во всех учебных подразделениях. Во взаимодействии с деканатом разрабатывает и внедряет дистанционные технологии обучения и распространения новых методических приемов работы психолога в различных учреждениях образования. Методический кабинет призван осуществлять функцию эффективного и оперативного информирования профессорско-преподавательского состава факультетов о разработке новых методиках и организационных технологиях: диагностики, развития и коррекции, просвещения, профилактики, консультирования и мониторинга, т.е. всех форм работы психолога в образовательных учреждениях. Методический кабинет является структурным подразделением кафедры и факультета. Задачей функционирования кабинета является разработка и формирование условий для осуществления процесса совершенствования про-

фессионального мастерства преподавателя, увеличения его творческого потенциала, используемого в работе со студентами и магистрантами.

Документация методического кабинета:

- ◆ положение о методическом кабинете;
- ◆ паспорт методического кабинета;
- ◆ план методической работы кафедры.

Организация деятельности методического кабинета факультета осуществляется преподавателем, который отвечает за методическую работу на кафедре и факультете. План работы методического кабинета утверждается ежегодно на заседании кафедры. Отчеты о выполненной работе представляются и заслушиваются на заседаниях кафедр по окончании учебного года.

Функции методического кабинета:

1. Формирование банка передового педагогического и психологического опыта.
2. Формирование банка диагностических, коррекционных и развивающих техник, методик для работы психолога в образовательных учреждениях.
3. Осуществление помощи преподавателям с целью оптимальной научной организации труда (НОТ), а также создание условий для своевременного доступа к любой необходимой информации.
4. Обеспечение оперативной помощи в работе преподавателя и студентов.
5. Обеспечение проведения диагностики возникающих проблем организационно-педагогического и образовательно-методического характера, планирование и обеспечение оптимального функционирования условий организации учебно-воспитательного процесса в университете.
6. Организация аналитического обеспечения основных фондов.
7. Регуляция своевременного оборота вышеуказанных основных фондов и их функциональное использование.

Организация эффективного функционирования методического кабинета позволяет добиваться решения следующих задач:

- ◆ Нормативно-организационной (своевременное информирование о нормативно — правовой документации, пропаганда решений и указаний органов управления, руководства учебного заведения, решений совета университета, факультета по вопросам обучения и воспитания);
- ◆ Дидактико-методической (оказание помощи профессорско-преподавательскому составу, творческим группам в разработке планов работы, в подготовке и проведении мероприятий, обобщению опыта методической работы: прове-

дение методических совещаний, семинаров, научных конференций, обеспечение методической поддержки по внедрению в учебный процесс новых образовательных технологий, инновационных методик);

- ◆ Информационно-проблемной (осуществление сбора, классификации, систематизации, хранения и популяризации необходимой литературы по проблемам следующих наук: дидактики, педагогики, методики обучения и воспитания, психологии, а также аналитических материалов мониторинговых исследований);
- ◆ Практической (содействие в работе преподавателям в плане подготовки и проведения различных видов аудиторной и внеаудиторной деятельности, предоставление систематизированных методических пособий и необходимой документации, а также содействие в организации консультирования, вспомогательного сопровождения, содействие научно-методического обеспечения исследовательской деятельности);
- ◆ Технологической (рекомендации по применению ИКТ; помощь преподавателям в их использовании, обобщение и анализ использования ИКТ на лекционных, семинарских и практических занятиях).

Обращаясь к этимологической основе понятий, входящих в рамки нашей статьи, считаем необходимым отметить, что под понятием «методическая работа» необходимо подразумевать вид образовательной деятельности, включающей в себя совокупность мероприятий, проводимых деканом, заведующими кафедр, преподавателями в целях популяризации и овладения методами и соответствующими приемами и средствами воспитательно-образовательной работы со студентами, творческого использования их в процессе лекционных, семинарских и практических занятий, организации поиска форм и методов, способствующих повышению рациональности, эффективности и обеспечения образовательного процесса.

Методическая деятельность должна быть направлена на разработку и организацию условий, обеспечивающих развитие личностных и профессионально важных качеств профессорско-преподавательского состава. Опирается на принципы, регулирующие осуществление личностно-деятельностного, дифференцированного подходов, а также научности, системности, интегративного взаимодействия. Достигается через организацию научных конференций, семинаров, курсов повышения квалификации, собственно практическую деятельность, а также в процессе самообразования, самореализации, плановые мероприятия режимного характера, включающие аттестацию, мониторинговые

исследования, участие в профессиональных конкурсах, планирование методической работы и анализ и самоанализ деятельности. Приводит к повышению профессионального мастерства преподавателей, совершенствованию качества образования студентов и магистрантов. Зависит от:

- ◆ обеспечения информационными, кадровыми, материально-техническими ресурсами;
- ◆ непосредственно осуществления методической деятельности, её содержательной направленности, структурного и организационного плана, реализуемого на диагностической основе;
- ◆ определения наполнения критериев эффективности методической деятельности, включающих, на наш взгляд такие показатели как: уровень результативности, степень осуществления стимулирующей роли методической деятельности;
- ◆ актуализации в работе научно-практического, научно-теоретического и экспериментально-исследовательского направлений, опосредованного содержанием методической деятельности;
- ◆ исследования мотивов творческой профессиональной деятельности и отражение их в организации методической работы;
- ◆ индивидуализации в работе с преподавателями;
- ◆ применения наряду с традиционными инновационных форм работы.

Формы методической работы на кафедре:

- ◆ научные исследования, отражающие решение проблем методического сопровождения обучения и воспитания студентов;
- ◆ заседания кафедры, предметно-методических комиссий по вопросам учебно-методической деятельности;
- ◆ осуществление методических разработок, создание учебных пособий и учебников;
- ◆ инструктивно-методические мероприятия;
- ◆ методическое обеспечение различных видов занятий (демонстрационных открытых, проблемных и т.д.);
- ◆ осуществление взаимообмена опытом при взаимном посещении занятий;
- ◆ участие в конференциях научно-методического характера, межкафедральных совещаниях, методических семинарах;
- ◆ презентация инновационных методов, техник и материалов работы.

Так, например, эффективным методом является организация методических семинаров для преподавателей и практических работников образования (психологов). На одном из таких семинаров был продемонстрирован игровой комплект психолога «Концентрация и внимание».

Игровой комплект «Пертра» разработан известным педагогом Марианной Фростиг, основателем «Центра педагогической терапии Марианны Фростинг». Совместно с коллегами, Марианной Фростиг была осуществлена разработка целостных междисциплинарных концептуальных оснований реабилитации личности ребенка, на основе которой были составлены программы терапии и реабилитации индивидуального характера. Также было осуществлено составление методики тестирования и диагностического исследования уровня развития двигательных навыков ребенка, которые получили свое название как «Тест моторного развития Фростиг» и «Тест уровня развития визуального восприятия Фростиг», отражающий функциональные результаты диагностики восприятия.

Название происходит от совмещенных букв слов (perception) восприятие — PER Training (упражнение) — TRA дословно означает тренировка восприятия. Игровой комплект «Пертра» разработан австрийским педагогом Марианной Фростинг (1906–1985 г) является основателем центра педагогической терапии Марианны Фростиг».

Игровой комплект «Пертра» включает:

- ◆ Набор игровых средств 1–7 (в чемоданах)
- ◆ Доски-основы
- ◆ Мобильный стеллаж, в котором размещены чемоданы с наборами.

Набор представляет широкое поле «общения» ребенка с деталями манипулятивами под руководством педагога. Предназначен для психологического развития и коррекции детей дошкольного и младшего школьного возраста. Способствует обогащению внимания, зрительной, тактильной, кинестетической памяти, развитию речи. Позволяет педагогу выстраивать индивидуальную работу с ребенком, в соответствии с его возможностями и потребностями. Дает возможность работать с каждым набором отдельно, либо одновременно использовать детали из разных наборов так как отсутствует жестко заданная игровая последовательность при работе с комплектом; организовать одновременную игру нескольких детей (дети могут играть каждый за себя, а могут разбиться на команды). В процессе работы с данным материалом активизируются все анализаторные системы ребенка. Игровой комплект «Пертра» благодаря продуманному подбору разнообразных элементов позволяет сформировать образ предмета или явления, включающий в себя комплекс различных взаимосвязанных ощущений (зрительных, слуховых, тактильных, кинестетических). Не случайно в игровом комплекте особое место отведено материалу направленному на обогащение анализаторных систем. Так как в на основе полученных образов будут в дальнейшем развиваться внимание, память, мышление, эмоции ребенка.

Работа с любым набором игровых средств должна начинаться с изучения каждой детали.

Дети учатся исследовать

1. Выделение формы предмета (ощупывание, обведение по контуру, определение на ощупь)
2. Выделение поверхности предмета
3. Рассмотреть элементы каждой детали
- 2... с изучения совместимости деталей из одного комплекта-чемодана

Дети учатся понимать и использовать инструкцию.

Овладевают четким понятным алгоритмом действия

1. Сравнение деталей-фигур по сенсорным признакам (цвет, форма, величина, тактильные качества)
2. Классификация деталей-фигур по различным основаниям
3. Задание на отбор деталей-фигур с определенными признаками (от одного до нескольких)
4. Освоение принципа работы с комплектом (приобретение видов индивидуальных и коллективных заданий).
- 3... с изучения совместимости деталей из разных комплектов-чемоданов

Учатся использовать полученный опыт. Переходят к сознательной, целенаправленной работе с комплектами

Занятие с набором способствуют:

- ◆ развитию ориентировки в пространстве (восприятие положения в пространстве и восприятие взаимосвязи пространственных объектов)
- ◆ знакомству с разными видами линий
- ◆ вырабатываются содружественные движения глаз и рук
- ◆ вырабатываются содружественные движения правой и левой рук
- ◆ развивается сила и координация движений пальцев
- ◆ развивается причинное и опережающее мышление

Варианты движений:

- ◆ указательным пальцем правой руки или левой «шажками», меняя указательный и средний пальцы сначала правой, а потом и левой руки
- ◆ одновременным движением указательных пальцев обеих рук в одну сторону, друг за другом «гуськом» с минимальным расстоянием между пальцами и со значительным расстоянием между пальцами
- ◆ одновременным движением указательных пальцев правой и левой рук навстречу друг к другу из разных концов дороги
- ◆ одновременное движение указательных пальцев правой и левой рук навстречу друг другу, а затем в противоположные стороны

На протяжении всего пути до встречи пальцев обеих рук направление их движения может несколько раз меняться.

Варианты коллективной игры:

1. Двое детей строят четыре дороги соединяющиеся в центре круга. Дети выбирают по два человечка и ставят их на противоположные стороны (по горизонтали или вертикали) в начало каждой из дорог. По сигналу дети берут в правую и левую руки по человечку и передвигают их по дороге одновременно к центральной части (в круг). Если кто-то сбился со своей дороги, то необходимо вернуться в начало пути.
2. Можно построить дорогу-лабиринт, в котором только 4 улицы-дороги приведут человечков к центру
3. Один ребенок строит дорогу, другой должен проехать по ней на машине, а затем графически воспроизвести ее.

Продуманный состав каждого из 7 входящих в игровой комплект чемоданов позволяет педагогу предложить каждому ребенку определенные задания в соответствии с индивидуальной программой развития, а также разработать курс занятий с ребенком на длительный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарова, Т. С. Совершенствование и развитие кабинетной системы. [Текст] / Т. С. Назарова. — СПб., 1982,
2. Шаповаленко, С. Г. Школьное оборудование и кабинетная система. [Текст] / С. Г. Шаповаленко. — М., 1982.

© Тютюева Ирина Анатольевна (medvedeva452010@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТАНДАРТНАЯ И ТЕОРЕТИКО-МНОЖЕСТВЕННАЯ СТРАТЕГИИ ФОРМАЛИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ.

STANDARD AND SET-THEORETIC STRATEGY OF FORMALIZATION OF SCIENTIFIC THEORY

N. Arkhiereev

Summary. Formalization of scientific theory by means of first-degree predicate logic is usually characterized as standard. This technique, accepted by logical positivism, proved to be unable to identify unambiguously the class of intended models of theory, which calls into question the feasibility of use of formal methods in philosophy of science. Set-theoretic formalization of theory can be regarded as natural alternative to the standard one. This strategy is based on Tarski's notion of semantic model of theory and is not exposed to the main number of flaws of positivistic formal program. A comparative analysis of these strategies is implemented in the article.

Keywords: theory, metatheory, model, formalization, axiomatization.

Архиереев Николай Львович

*К.ф.н., Московский Государственный Технический Университет им. Н.Э. Баумана
arkh-nikolaj@yandex.ru*

Аннотация. Формализацию научной теории в языке логики предикатов первого порядка принято называть стандартной. Данная техника, принятая в программе логического позитивизма, не позволяет достаточно точно описать класс предполагаемых моделей теории, что до определённой степени дискредитирует применение формальных методов в философии науки. Естественной альтернативой стандартной формализации теории является теоретико-множественная, использующая в качестве основного семантическое понятие модели теории в смысле А. Тарского и лишённая большинства технических недостатков программы логического позитивизма. В статье рассматриваются основные принципы данных стратегий формализации

Ключевые слова: теория, метатеория, модель, формализация, аксиоматизация.

Программа обоснования научного знания, предложенная логическим позитивизмом, предполагала решение ряда фундаментальных *эпистемических и формально — логических задач*. К основным *эпистемическим* задачам можно отнести обнаружение элементарных и достоверных основ научного знания, строгое различение аналитических и синтетических высказываний, входящих в состав научного знания, формулировку процедур обоснования теоретического знания (сведения теоретического знания к эмпирическому), которая одновременно оказывалась вариантом решения задачи строгого определения критериев осмысленности высказываний и критериев демаркации научного и ненаучного знания. Необходимым условием успешного осуществления этого методологического проекта в рамках программы логического позитивизма объявлялось успешное решение формально-логической задачи строгой экспликации указанных проблем в некотором искусственном языке. В современной историко-философской и логической литературе в качестве такого формализованного языка принято называть язык логики предикатов первого порядка с равенством. При этом сама научная теория, подлежащая анализу, формулировалась в виде частично интерпретированной аксиоматической системы, аксиомы которой представляли собой фундаментальные законы соответствующей теории, выраженные в некотором теоретическом языке L_T . Наблюдаемые следствия из данных законов формулировались в от-

дельном языке наблюдения L_O , а связь между понятиями из языков L_T , L_O осуществлялась при помощи правил соответствия S (в более поздних редакциях данной программы — при помощи предложений редукции R). Прямыми семантическими значениями при этом обладали только понятия из языка L_O .

Сама теория рассматривалась как множество предложений — фундаментальных постулатов T и правил соответствия S , упорядоченное отношением формальной дедуктивной выводимости. Данная трактовка научной теории обычно называется стандартной.

Накапливавшиеся в рамках описанной программы эпистемические и логико-методологические противоречия и проблемы привели в конце 60-х гг. 20-го века к радикальному пересмотру ряда основных «программных постулатов» логического позитивизма или прямому отказу от них. В числе наиболее распространенных контраргументов, выдвинутых против методологии логического позитивизма, необходимо назвать следующие:

1. В реальной практике научного познания (естественно-научные) теории практически никогда не строятся как аксиоматические системы в указанном выше смысле. Стандартная формализация подобных теорий (т.е. их исчерпывающая аксиоматизация в Я.К.Л.П.-1=) либо не осуществима в принципе, либо

ведёт к чрезмерному и неестественному техническому усложнению аппарата теории, делающему невозможной реальную работу с ней.

2. В общем случае строгое различие аналитических и синтетических высказываний (и, как следствие, наблюдаемых и теоретических терминов) при использовании стандартной формализации теории невозможно. Следовательно, и предлагаемые в рамках данной стратегии критерии эмпирической осмысленности высказываний являются неудовлетворительными.

3. Так называемые «правила соответствия», сопоставляющие теоретические и наблюдательные словари, зачастую представляют собой разнородную смесь семантических понятий, элементов экспериментальных процедур и процедур измерения. Поскольку значения теоретическим терминам приписываются только при помощи правил соответствия (предложений редукции), а теория в целом отождествляется с её лингвистической формулировкой, любое прогрессивное изменение в организации эксперимента или технике измерительных процедур неизбежно ведёт к изменению самой теории, что абсурдно с точки зрения реальной практики научного познания.

4. Теории не являются (только) лингвистическими объектами — множествами правильно построенных предложений некоторого формализованного языка, связанными отношением логической выводимости или замкнутыми относительно этого отношения. Поскольку, согласно традиционным принципам логической семантики, из всех категорий языковых выражений только высказывания (предложения, выражающие суждения) могут оцениваться как истинные или ложные, категория истины в этом случае оказывалась принципиально неприменимой к анализу реальной структуры научного знания. Как вопрос о соответствии научных теорий реальности, так и лежащая в его основе традиционная (корреспондентская) теория истины оказывались нерелевантными практике научного познания.

П. Суппес, один из авторов альтернативной, теоретико-множественной стратегии аксиоматизации научной теории, указывал на следующий принципиальный «технический» дефект правил соответствия, дискредитирующий их роль как инструмента сопоставления наблюдаемых явлений и фундаментальных постулатов теории.

Любые конкретные опытные данные, полученные в ходе эксперимента, не могут быть непосредственно связаны с фундаментальными постулатами теории в сколько-нибудь полном смысле.

Эти опытные данные предварительно упорядочиваются при помощи некоторых функций, графиков, систем классификации, в результате чего фиксируются в стандартной, «канонической» форме, которая может быть названа *моделью данных*.

Очевидно, что правила соответствия непосредственно применимы скорее к моделям экспериментальных данных, чем к моделям теорий. Очевидно также, что модели эксперимента относятся к несколько иному логическому типу, чем модели теорий. Например, модели теорий обычно содержат непрерывные функции и бесконечные последовательности объектов, в то время как модели эксперимента носят в основном дискретный и финитный (конечный) характер.

В результате, согласно Суппесу, в структуре развитой научной теории можно выделить (при описании «сверху вниз») следующие самостоятельные иерархические уровни:

- ◆ Фундаментальная теория
- ◆ Модели фундаментальной теории
- ◆ Теория эксперимента (в рамках которой определяется множество возможных реализаций/приложений теории)
- ◆ Модели эксперимента
- ◆ Модели данных
- ◆ Организация эксперимента
- ◆ Условия *ceteris paribus* (позволяющие пренебрегать изменением значений несущественных для данной теории величин).

При этом ключевую роль при проверке предсказаний, осуществлённых на основе фундаментальной теории, играют не «непосредственные данные наблюдения» (с ними мы практически никогда не имеем дела в научном познании), а именно модели данных.

Поскольку между постулатами фундаментальной теории и данными эксперимента «расположена» указанная иерархия моделей, отношения между ними в принципе не могут быть корректно описаны при помощи правил соответствия.

Фредерик Сапп, ещё один критик формальной программы логического позитивизма и автор «канонической» для англоязычной философской литературы реконструкции основных этапов развития этой программы, утверждает, что в качестве единственного допустимого языка формализации и аксиоматизации научных теорий в «стандартной трактовке» признавался лишь Я.К.Л.П.-1=. В силу справедливой для данного языка теоремы Лёвенгейма — Сколема о «повышении» мощности, отличить желательные (предполагаемые) модели теории от нежелательных не представляется

возможным. В результате аксиомы и теоремы теории, сформулированной в Я.К.Л.П.-1=, неизбежно будут оказываться истинными на предметных областях с «парадоксальными» свойствами, для описания которых теория изначально не предназначалась. Подобные нежелательные модели теории будут являться её потенциальными контрпримерами.

Именно поэтому, согласно Ф. Саппу, предложенный в рамках «стандартной трактовки» эталонный способ формализации теории в Я.К.Л.П.-1= не решает своей основной задачи — задачи исчерпывающего описания и однозначной идентификации соответствующих теорий, а, следовательно, оказывается, при всей своей технической изощрённости, практически бессмысленным. [4, с. 54]

Отсюда, однако, никак не следует, что успешная формализация и аксиоматизация (по крайней мере, некоторых) естественно-научных теорий не возможна в принципе, а логико-математические методы не пригодны для анализа содержательных проблем философии и методологии науки.

Наиболее естественной альтернативой стандартной аксиоматизации научной теории стала её аксиоматизация путём построения особого теоретико-множественного предиката, непосредственно характеризующего все её желательные (предполагаемые) модели.

Данный способ характеристики научной теории использует в качестве основного семантического понятие модели теории в смысле А. Тарского, допускает (с определёнными оговорками) трактовку теорий как истинных или ложных в «корреспондентском» смысле и лишён большинства технических изъянов, обычно выделяемых критиками программы логического позитивизма.

Идея формализации теории путём непосредственного описания класса её моделей является общей для целого ряда направлений в современной формальной философии науки, которые характеризуют как теоретико-модельные, теоретико-множественные, структуралистские, семантические.

Программными для всех указанных стратегий формализации научного знания являются идеи Патрика Суппеса, предложившего на рубеже 50-ых– 60-ых гг. 20 в. исходный вариант указанной аксиоматизации ряда научных теорий [5], [6], [7], [8].

Суть предложенной П. Суппесом теоретико-множественной программы аксиоматизации научной теории может быть выражена в следующих постулатах.

Конкретная лингвистическая формулировка научной теории (её аксиоматизация в виде последовательности предложений некоторого формализованного языка) является второстепенной при её описании и идентификации. Наиболее эффективным способом идентификации теории является описание её структуры, характеризующей класс реальных и потенциальных моделей теории (в смысле А. Тарского). При этом структура теории трактуется как теоретико-множественный предикат специального вида.

Под моделью теории в формальной семантике обычно понимают некоторую возможную реализацию теории, выполняющую её аксиомы. В свою очередь, возможной реализацией теории является теоретико-множественный объект соответствующего логического типа — упорядоченная последовательность элементов $\langle D, R, F \rangle$, где D — некоторое произвольное непустое множество объектов, R — непустое множество отношений различной местности, определённых на D , F — множество (возможно, пустое) предметных функций (операций), определённых на D . Данная конструкция является моделью теории, если только все предложения (аксиомы) теории истинны при их интерпретации в терминах $\langle D, R, F \rangle$.

Поскольку структура теории в указанном выше смысле является объектом не лингвистическим, а теоретико-множественным, сам вопрос о её истинности/ложности является некорректным. Речь может идти лишь об истинности/ложности следующего фундаментального эмпирического утверждения соответствующей теории:

между элементами предметной области теории (наблюдаемыми феноменами) и моделями теории, определяемыми её законами, существует некоторое соответствие, обеспечивающее адекватную репрезентацию реальности в моделях теории.

Степень «строгости» упомянутого отношения соответствия (изоморфизм, частичный изоморфизм, гомоморфизм, более слабые варианты отношения «подобия») может варьироваться в различных версиях теоретико-модельной программы.

В естественных и социальных науках распространено несколько иное понимание модели как определённого способа (символической или наглядной) репрезентации изучаемой области реальности.

По мнению П. Суппеса, формально-семантическое определение понятия модели охватывает и все нетривиальные варианты «репрезентирующего» использо-

вания данного понятия. Более того, различие между моделями указанных типов обнаруживается только при явной фиксации онтологии предметной области модели D.

Говорить об истинности теории при её теоретико-множественной аксиоматизации можно, по крайней мере, в двух различных смыслах:

1) Истинность может пониматься сугубо формально как выполнимость предложений теории в некоторой модели в смысле Тарского. Поскольку данное понимание истинности не имеет непосредственного отношения к внеязыковой реальности, оно может быть истолковано как «внутреннее»;

2) Под истинностью/ложностью теории может пониматься истинность/ложность её упомянутого выше фундаментального эмпирического утверждения, декларирующего некоторое структурное соответствие между моделями теории и моделями наблюдаемых феноменов (моделями данных). Данное понятие истинности теории может рассматриваться как уточнение классического (корреспондентского) понятия истинности и в этом смысле является «внешним» (фиксирует степень соответствия моделей теории наблюдаемой области реальности).

«Внешнее» понятие истинности естественно-научных теорий предполагает использование математической теории измерения и доказательство фундаментальной для данного способа аксиоматизации теорий *теоремы представления* (репрезентации).

В рамках теории измерения точным образом устанавливается способ перехода от качественных по своей природе наблюдений к количественно точным утверждениям эмпирических наук. Способ подобного перехода фиксируется при помощи аксиоматизации соответствующей алгебры экспериментальных процедур.

На основе аксиоматизированной теории измерения некоторой эмпирической величины доказываемая *теорема представления* для эмпирических и численных моделей этой теории, устанавливающая факт структурного соответствия эмпирических моделей теории её численным моделям, а также наличие общих инвариантных характеристик у всех моделей теории, позволяющих описать класс возможных моделей теории в терминах единой теоретико-множественной структуры.

В общем случае под теоремой представления имеется в виду следующее утверждение.

Пусть M есть множество всех моделей некоторой теории, A — некоторое выделенное (конечное) подмножество M. Доказательство теоремы представления для M относительно A состоит в доказательстве утверждения, что для произвольной модели данной теории из M существует изоморфная ей модель, принадлежащая A. Иными словами, любая возможная модель данной теории представлена некоторой моделью из ограниченного (конечного) множества A (число возможных видов моделей теории конечно). Если множество A оказывается одноэлементным, это означает, что любые две модели теории изоморфны друг другу. В этом случае теория называется категоричной. (Примером категоричной теории является элементарная теория чисел, использующая стандартное определение множества.)

Собственно аксиоматизация теории заключается в построении теоретико-множественного предиката с параметрами, посредством спецификации которых можно описать все допустимые модели соответствующей теории.

Процесс аксиоматизации некоторой отрасли естествознания посредством формулировки теоретико-множественного предиката включает следующие стадии:

- ◆ Определение списка законов, принадлежащих другим теориям, истинность которых подразумевается при аксиоматизации данной теории (например, при аксиоматизации механики твёрдого тела к такому списку будут принадлежать основные законы механики частиц и классический математический анализ)
- ◆ Перечисление исходных понятий теории и конкретизация их теоретико-множественной спецификации (в классической механике — это понятия «множество частиц», «временной интервал», «координата частицы», «масса частицы» и т.д.)
- ◆ Включение полученных теоретико-множественных понятий в состав аксиом, допускающих проверку некоторых дедуктивных следствий из исходных определений. На этом этапе также осуществляется теоретико-множественная реконструкция (переформулировка) специальных теорем изучаемой эмпирической дисциплины. И, наконец, на этом этапе формулируется теорема представления, описывающая общую структуру данной эмпирической теории (характеризующая множество её моделей) и позволяющая ответить на вопрос о взаимном погружении данной теории и некоторых родственных.
- ◆ Построение теоретико-множественного предиката, аксиоматизирующего теорию.

К примеру, П. Суппесом была предложена естественная теоретико-множественная аксиоматизация классической механики, осуществлённая им на базе шести исходных понятий: P — непустое множество частиц, T — множество действительных чисел, соответствующее моментам времени, s — функция координаты, определённая на декартовом произведении $P \times T$, g — функция силы, также определённая на $P \times T$, m — функция массы, определённая на множестве P , f — функция силы, определённая на декартовом произведении элементов P , T и множества натуральных чисел. Возможной реализацией классической механики как теории будет в этом случае упорядоченная шестёрка элементов (P, T, s, m, f, g) соответствующего логического типа, а моделью этой теории — упорядоченная шестёрка (P, T, s, m, f, g) , выполняющая все аксиомы (основные законы) классической механики. [5, сс. 291–304]

В приведённом примере в качестве языка аксиоматизации теории используется язык теории множеств. Этим же языком пользуются Н. да Коста и С. Френч, авторы наиболее современной и технически простой версии «классического» подхода П. Суппеса, позволяющей корректно моделировать структурные и концептуальные изменения теорий во времени [2].

Структуралистская версия теоретико-множественного подхода, развитая в работах Д. Снида, В. Штегмюль-

лера, В. Бальцера, К. Мулинеса, сохраняет стандартную трактовку научной теории в качестве исходной, однако, при аксиоматизации теорий использует языки логики предикатов неэлементарного порядка [1].

Наконец, категорная стратегия формализации и аксиоматизации научных теорий, технически наиболее сложная, использует в качестве инструмента описания структуры научного знания язык математической теории категорий.

Относительно всех указанных версий теоретико-модельной стратегии обоснования научного знания справедливы следующие утверждения: данная техника аксиоматизации научных теорий является гораздо более гибкой, чем стандартная аксиоматизация теорий в Я.К.Л.П.-1=, в большей степени соответствует процедурам построения теорий, применяемым в реальной научной практике, и допускает (с определёнными оговорками) трактовку теорий как истинных или ложных в «корреспондентском» смысле.

Именно поэтому теоретико-множественная стратегия анализа научного знания является «ведущей» в современной формальной философии науки и плодотворно используется при анализе структуры и динамики как естественно-научных, так и социальных теорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Balzer W., Moulines C., Sneed J. An Architectonic for Science. The Structuralist Program. Synthese library; v. 186. 1987. 439 p.
2. Da Costa N., Frensh S. Science and Partial Truth. A Unitary Approach to Models and Scientific Reasoning. Oxford: Oxford University Press. 2003. 259 p.
3. Mikenberg L., da Costa N.C.A. and Chuaqui R. 1986: Pragmatic Truth and Approximation to Truth. The Journal of Symbolic Logic 51. pp.201–221.
4. Suppes Patrick. Introduction to Logic // Princeton: Van Nostrand. 1957. 330 p.
5. Suppes Patrick. A Comparison of the Meaning and Use of Models in Mathematics and the Empirical Sciences// in J. Freudenthal (ed.). The Concept and the Role of the Model in Mathematics and Natural and Social Sciences. Dordrecht. Reidel. 1961. 163–177.
6. Suppes Patrick. Models of Data // in E. Nagel, P. Suppes, and A. Tarski (eds.). Logic, Methodology, and Philosophy of Science. Proceedings of the 1960 International Congress. Stanford: Stanford University Press. 1962. pp. 252–261.
7. Suppes Patrick. Measurement, Empirical Meaningfulness and Three-valued Logic// in Measurement: Definitions and Theories (ed. by C. West Churchman and P. Ratoosh). Wiley. New York. 1959. pp. 129–143.

© Архиереев Николай Львович (arkh-nikolaj@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КРИТЕРИИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ОСМЫСЛЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

CRITERIA OF EMPIRICAL MEANINGFULNESS AND PROBLEM OF DEFINITION OF THEORETICAL TERMS

N. Arkhiereev

Summary. Under condition of standard treatment of scientific theory, accepted in logical positivism, meaning of theoretical terms was defined on the basis of coordinative rules, presented as real definitions. These definitions were also designed to guarantee empirical meaningfulness of theoretical terms and to describe the number of experimental procedures, providing proper application of the theory to a certain domain. This problem turns to be resolvable only on condition that the verification theory of meaning would be discarded.

Keywords: theory, experiment, coordination, definition, meaning, sense.

Архиереев Николай Львович

*К.ф.н., Московский Государственный Технический
Университет им. Н.Э. Баумана
arkh-nikolaj@yandex.ru*

Аннотация. При стандартной трактовке научной теории, принятой в логическом позитивизме, значения теоретическим терминам приписывались на основе правил соответствия, сопоставляющих теоретическим терминам наблюдаемые в рамках явных определений. Подобные определения были также призваны гарантировать эмпирическую осмысленность теоретических терминов и описать набор экспериментальных процедур, обеспечивающих применение данной теории к некоторой предметной области. В действительности задача корректного определения критериев эмпирической осмысленности теоретических терминов оказалась выполнимой лишь при отказе от некоторых методологических принципов логического позитивизма, в частности, от верификационистской теории значения

Ключевые слова: теория, эксперимент, соответствие, определение, значение, смысл.

Одним из элементов программы обоснования научного знания, предложенной логическим позитивизмом, было требование экспликации понятий и законов исследуемой теории в некотором формализованном языке. Как правило, в качестве такого языка в философской литературе называется язык классической логики предикатов первого порядка с равенством (далее — Я.К.Л.П.— 1=). Теория, подлежащая анализу, формулировалась в виде частично интерпретированной аксиоматической системы, аксиомы которой представляли собой фундаментальные законы соответствующей теории, выраженные в некотором теоретическом языке L_T . Наблюдаемые следствия из данных законов формулировались в отдельном языке наблюдения L_O , а связь между понятиями из языков L_T, L_O осуществлялась при помощи правил соответствия C (в более поздних редакциях данной программы — при помощи предложений редукции R). Прямыми семантическими значениями при этом обладали только понятия из языка L_O .

Более строго данная стратегия, входящая в исходную версию программы логического позитивизма, может быть выражена в виде следующих постулатов.

1) Теория должна быть сформулирована в формализованном языке L — прикладном языке логики предикатов первого порядка с равенством.

2) Все термины языка L могут принадлежать одному из трёх попарно непересекающихся классов выраже-

ний («словарей»): логическому словарю, включающему собственно логические константы и математические термины; словарю наблюдения V_o , включающему наблюдаемые термины; теоретическому словарю V_t , включающему теоретические термины.

3) Термины из словаря V_o относятся к непосредственно наблюдаемым физическим объектам или к непосредственно наблюдаемым свойствам физических объектов.

4) В составе теории имеется множество теоретических постулатов T , включающих в качестве нелогических терминов (исключительно) термины из словаря V_t ; значения терминам из словаря V_t приписываются посредством правил соответствия C — явных определений вида $\forall x(T(x) \equiv O(x))$, сопоставляющих каждому теоретическому термину T правильно построенное выражение O , не содержащее иных символов, кроме элементов словаря V_o и (возможно) логических символов. Все теоретические термины таким образом построенной теории оказываются осмысленными, поскольку получают интерпретацию в непосредственно наблюдаемых терминах.

5) Теория отождествляется с множеством конъюнкций высказываний вида $T \wedge C$, где T — некоторый элемент множества теоретических постулатов (аксиома системы), C — правило соответствия, трактуемое как явное определение указанной выше формы. Множество $T \wedge C$ рассматривается как замкнутое относительно отно-

шения выводимости, которое в исходной формулировке «стандартной трактовки» отождествлялось с классическим отношением логического следования. [2 сс. 39–41]

Предложения теории, истинные только в силу значения входящих в них выражений (в силу так называемых постулатов значения), а также предложения, истинные в силу особенностей их логических форм (варианты логических тавтологий), являются аналитическими. Предложения, для установления истинности/ложности которых необходимо обращение к внеязыковой реальности (наблюдению, эксперименту), являются синтетическими. Принадлежность некоторого предложения языка к одному из данных классов рассматривается как критерий его осмысленности.

В силу принятой в логическом позитивизме верификационистской теории значения, термины из словаря V_t получают значения только на основе их сопоставления с терминами из словаря V_o . Это сопоставление, в свою очередь, осуществляется посредством описания конкретных эмпирических процедур проверки истинности предложений, содержащих теоретические термины. Центральную роль в данной процедуре играют правила соответствия C .

Изначально эти правила были призваны решить следующие методологические задачи:

- 1) логически корректным образом определить теоретические термины;
- 2) гарантировать их эмпирическую осмысленность;
- 3) определить спектр допустимых экспериментальных процедур, обеспечивающих применение данной теории к соответствующей области наблюдаемых феноменов. [2 с. 17]

Поскольку допустимой логической формой правил соответствия в исходной версии стандартной трактовки могло быть только явное определение, три вышеуказанные функции правил соответствия были неразрывно связаны. Именно трактовка допустимой логической формы правил соответствия, а также связанные с ней критерии эмпирической осмысленности высказываний и общие представления о нормах экспериментальной методологии, подверглись наиболее серьёзным изменениям в ходе эволюции неопозитивистской методологической программы.

Очень скоро выяснилось, что явное определение как единственная допустимая логическая форма правил соответствия не способна в каждом конкретном случае охватить спектр допустимых экспериментальных процедур, обеспечивающих связь теоретических терминов с наблюдаемыми феноменами. Поэтому требования, предъявляемые к логической структуре правил соответ-

ствия были изменены (точнее, видоизменялись и уточнялись многократно), что неизбежно повлекло за собой изменение критериев эмпирической осмысленности высказываний теории.

Как отмечалось выше, первоначально в рамках данного методологического подхода теоретические термины рассматривались как эмпирически осмысленные только при возможности их явного определения в терминах наблюдения; сложные высказывания оценивались как эмпирически осмысленные, если только эмпирически осмысленными были все входящие в них дескриптивные термины; при соблюдении данных требований правила соответствия обеспечивали необходимые и достаточные условия эффективного применения теоретических терминов к наблюдаемым феноменам.

Р. Карнап [1] указал, однако, что диспозиционные свойства и соответствующие им предикаты не удовлетворяют ни одному из вышеперечисленных требований, хотя, безусловно, являются эмпирически осмысленными. (Напомним, что диспозиционными называются предикаты, выражающие способность объекта проявлять некоторые свойства при определённых условиях — например, «электропроводный», «растворимый» и т.д.). Если, к примеру, попытаться определить диспозиционный предикат «хрупкий» в терминах данной логической модели, то соответствующее явное определение примет вид:

$$X(x) \equiv \forall t (Y(x, t) \supset P(x, t)),$$

где X — теоретический термин «хрупкий», Y — эмпирический (наблюдаемый) термин «...ударен в момент времени...», P — эмпирический термин «...разобьётся в момент времени...», \forall — квантор общности, \supset — символ материальной импликации). Соответственно, в естественном языке формулировка данной эквивалентности будет звучать примерно так: «Объект x является хрупким, если и только если он выполняет следующее условие: для любого момента времени t истинно, что, если x ударить в момент t , то x разобьётся в t ». Однако, данная формулировка не может считаться корректным определением диспозиционного предиката «хрупкий» в силу свойств материальной импликации \supset : выражение $\forall t (Y(x, t) \supset P(x, t))$ будет истинным для любого объекта, который *никогда* не подвергался никакому механическому воздействию (то есть, если антецедент $Y(x, t)$ данной импликации ложен, то импликация в целом будет истинной независимо от значения консеквента $P(x, t)$, поскольку в классической логике выражения $\forall t (Y(x, t) \supset P(x, t))$ и $\forall t (\neg Y(x, t) \vee P(x, t))$ эквивалентны). Поскольку, по крайней мере, некоторые из объектов, не подвергавшихся механическому воздействию, не являются хрупкими, приведённое явное определение нельзя счи-

тать корректным определением диспозиционного свойства «хрупкий».

(Очевидно также, что законы науки, выражаемые при помощи универсальных суждений с импликацией, предполагают наличие содержательной или причинно-следственной связи между антецедентом и консеквентом импликации. Однако, выразительные возможности *экстенционального* языка логики предикатов первого порядка с равенством оказались недостаточными для моделирования подобных особенностей законов науки, поэтому проблема адекватного выражения свойств условной связи приобрела на поздних этапах развития стандартной трактовки более «общий» характер.)

Помимо невозможности формулировки явных определений диспозиционных терминов в языке логики предикатов первого порядка с равенством, очевидной стала некорректность попытки сведения теоретических терминов к определённым экспериментальным процедурам или даже множествам подобных процедур.

Условие отождествления значений теоретических терминов с набором некоторых экспериментальных процедур было ослаблено следующим образом: *любое наблюдаемое условие, экспериментальная процедура, множество экспериментальных процедур, зафиксированные в правилах соответствия, должны обеспечивать достаточное, но не необходимое условие для применимости теоретического термина к соответствующей области наблюдаемых явлений.*

Для решения проблемы корректного определения диспозиционных предикатов могла быть использована одна из следующих стратегий: а) могли быть изменены жёсткие требования, предъявляемые к допустимой логической форме правил соответствия, и в этом случае серьёзные изменения должны были быть внесены в 4-е из вышеизложенных «программных положений» исходной версии стандартной трактовки научной теории; б) язык логики предикатов, в котором осуществлялась формализация теории, мог быть обогащён модальными операторами, позволяющими моделировать свойства «неклассических» импликаций и более адекватно выражать смысл контрфактических, профактических и других «нестандартных» условных высказываний. Хотя вторая альтернатива кажется более естественной, на тот момент соответствующие системы неклассической (модальной) логики просто не были разработаны, поэтому реализована была первая альтернатива.

В работе [1] Р. Карнап предложил вместо правил соответствия с их жёсткой логической структурой использовать так называемые предложения редукции, обеспечивающие лишь частичное определение теоретических

терминов. В общем случае логической формой предложения редукции было универсальное высказывание вида $P_1 \supset (P_2 \equiv P_3)$, где \equiv есть символ эквивалентности, и при этом генерализация отрицания антецедента импликации, то есть выражение вида $\forall x \neg P_1(x)$ не является тождественно-истинным высказыванием. При этом в данной конструкции определяемым теоретическим термином (элементом словаря V_t) является предикат P_3 ; P_1 и P_2 должны быть терминами из словаря наблюдения V_o . В этой терминологии определение диспозиционного предиката «хрупкий» принимает следующий вид:

$$\forall x \forall t (Y(x, t) \supset (P(x, t) \equiv X(x)))$$

(предикаты $Y(x, t)$, $P(x, t)$, $X(x)$ интерпретируются также, как в вышеприведённом примере).

Очевидно, что в отличие от ранее предложенного способа определения диспозиционных предикатов в форме явных определений, логическая форма предложений редукции позволяла избежать очевидной парадоксальности первых: если некоторый объект a является нехрупким и никогда не подвергался механическому воздействию, импликация $Y(a, t) \supset (P(a, t) \equiv X(a))$ будет истинной (в силу значений её подформул $Y(a, t)=0$, $P(a, t)=0$, $X(a)=0$ и определений логических функций \supset, \equiv); из этого, однако, не вытекает, что выражение $X(a)$ обязательно должно быть истинным. Такая гибкость достигается за счёт «операционализации» определения диспозиционных свойств в предложениях редукции: предложения редукции в принципе не дают полного определения некоторого диспозиционного свойства, а, скорее, оговаривают условия экспериментальной проверки наличия/отсутствия данного свойства у определённого объекта, применимые в конкретных обстоятельствах.

Следствием такого ослабления логической строгости правил соответствия стала возможность построения целого множества предложений редукции для одного и того же теоретического термина. Возвращаясь к попыткам определения диспозиционного предиката «хрупкий», можно сказать, что хрупкий объект также разрушается в случае сильной деформации (перекручивая) или, скажем, в результате воздействия высокочастотной звуковой волны. Соответственно, наряду с вышеприведённым предложением редукции, возможными окажутся и такие:

$$D(a, t) \supset (P(a, t) \equiv X(a))$$

$$Z(a, t) \supset (P(a, t) \equiv X(a)),$$

Где выражение $D(a, t)$ означает «деформация объекта a в момент t », а $Z(a, t)$ — «воздействие на объект

а звуковой волны в момент t ». Каждое из данных предложений редукции определяет некоторую экспериментальную процедуру, являющуюся достаточным условием для регистрации у объекта а диспозиционного свойства «быть хрупким». Ясно, что в действительности данные предложения носят контрфактический характер: исследуемый объект не должен подвергаться каждой из определённых проверочных процедур, но обнаружил бы соответствующие свойства, если бы был им подвергнут.

Конечное множество предложений редукции, сформулированных для некоторого теоретического термина T , образует его явное определение, если и только если дизъюнкция проверочных условий, зафиксированных в этих предложениях, есть логически истинное высказывание или же логическое следствие из множества теоретических предложений соответствующей теории. — [2 с. 22]

Поскольку как отдельные предложения редукции, так и их конечные множества практически никогда не удовлетворяют названному требованию, правила соответствия, сформулированные в виде таких предложений обеспечивают лишь частичные определения значений теоретических терминов.

Поэтому впоследствии в формулировку 4-го программного положения стандартной версии было внесено следующее изменение: *термины теоретического словаря V_t получают частичное истолкование в терминах словаря наблюдения V_o на основе предложений редукции.*

Соответственно этому следующим образом был переформулирован критерий осмысленности теоретических терминов: *каждый эмпирически осмысленный теоретический термин может быть введён на основе терминов наблюдения при помощи последовательности истинных предложений редукции.* — [2 с. 23]

Данная модификация формулировки правил соответствия позволяла избежать трудностей, связанных с логической структурой явных определений, однако, породила целый ряд собственных проблем. Очевидно, что далеко не все теоретические термины в реальной научной практике вводятся при помощи последовательностей предложений редукции. Более того, теоретические термины математизированных физических теорий в принципе не могут быть определены подобным образом (таково, к примеру, понятие ψ — функции (волновой функции) в квантовой механике, а также такие понятия, как «масса», «материальная точка», «твёрдое тело», «сила», «давление», «объём», «абсолютная температура», «электрон» и т.д.).

К примеру, для метрического понятия «расстояние между $(a, b) = c$ » искомое предложение редукции должно было бы для каждого теоретически допустимого значения c включать набор сформулированных в наблюдаемых терминах необходимых и достаточных условий того, что регистрируемая величина c равна конкретному *действительному* числу. Общее число предложений редукции, которые могут быть построены на основе исходного конечного словаря языка L , является счётно-бесконечным, в то время как мощность класса теоретически допустимых значений c равна континууму. Поэтому построение исчерпывающего списка указанных необходимых и достаточных условий невозможно.

На основе подобных соображений был сделан вывод о невозможности в общем случае исчерпывающим образом определить теоретические термины при помощи конечных последовательностей предложений редукции и, соответственно, о необходимости очередной модификации критериев эмпирической осмысленности теоретических терминов.

В результате соответствующий пункт в 4-м программном положении стандартной версии был ослаблен следующим образом:

Множество правил соответствия S образует интерпретативную систему, удовлетворяющую следующим условиям:

- а) данное множество должно быть конечным;
- б) данное множество должно быть логически совместимо с множеством теоретических постулатов (аксиом) теории;
- в) предложения из данного множества не могут содержать иных дескриптивных (нелогических) терминов, кроме терминов, входящих в словари V_t и V_o ;
- г) каждое правило из данного множества должно содержать по крайней мере одно существенное вхождение наблюдаемого термина и по крайней мере одно существенное вхождение теоретического термина (т.е. формулировка каждого из правил не должна быть логически эквивалентна предложению, не содержащему существенных вхождений теоретических или эмпирических терминов);
- д) формулировка правил соответствия должна быть такой, чтобы все предложения вида $T \wedge S$ были эмпирически осмысленными.

Нетрудно догадаться, что наибольшие трудности возникли при попытке конкретизации условия д), т.е. при попытке строгого определения того, что означает эмпирическая осмысленность предложений вида $T \wedge S$.

Предполагалось, к примеру, что множество предложений $T \wedge C$ является эмпирически осмысленным, если только оно имеет такую эмпирическую интерпретацию, в которой ни одно из атомарных предложений не является изолированным; при этом некоторое атомарное предложение S , входящее в состав $T \wedge C$, называлось изолированным, если его исключение из $T \wedge C$ никак не изменяло класс наблюдаемых следствий, выводимых из $T \wedge C$. Как выяснилось, данное предположение допускало существование по крайней мере двух логически эквивалентных формулировок теории, одна из которых оказывалась эмпирически осмысленной согласно данному критерию, в то время как другая (содержащая изолированное предложение) эмпирически осмысленной не являлась: пусть теория TC содержит атомарные предложения S_1, S_2, S_n, \dots , причём изолированным является только S_1 . Пусть теория T_1C является результатом замены двух атомарных предложений S_1, S_2 теории TC их конъюнкцией $S_1 \wedge S_2$. Тогда теории TC и T_1C логически эквивалентны, однако, последняя не содержит изолированных атомарных предложений

Данный критерий был модифицирован следующим образом: теория TC является эмпирически осмысленной, если и только если она имеет такую частичную интерпретацию, что ни в одной теории, логически эквивалентной исходной, ни одно атомарное предложение не является изолированным. Как выяснилось, данная формулировка неявным образом предполагает выполнение следующего условия: постулаты всех эмпирически осмысленных теорий не содержат элементов словаря V . Поскольку данное условие было «экстремистским» даже для исходной индуктивной программы обоснования научного знания, принятой в неопозитивизме, эта формулировка признаков эмпирической ос-

мысленности теории также была признана неудовлетворительной.

Все последующие попытки уточнения условия д) также оказались неудачными, поэтому из большинства поздних версий стандартной трактовки научной теории оно было просто исключено.

Одним из результатов провала всех описанных попыток определить критерии эмпирической осмысленности теоретических понятий в рамках программы логического позитивизма стало скептическое отношение к возможности точного определения подобных критериев вообще. Между тем, при отказе от верификационистской теории значения критерии эмпирической осмысленности теоретических терминов могут быть сформулированы и на основе стандартной формализации теории. Так, П. Суппес рассматривал в качестве критерия эмпирической осмысленности предложения теории сохранение (инвариантность) его истинностного значения относительно соответствующего типа преобразований используемых в нём количественных величин. Например, результаты измерения температуры должны быть инвариантны по отношению к линейным преобразованиям; сравнительные измерения, основанные на порядковых отношениях типа «больше — меньше», должны быть инвариантны относительно монотонно возрастающих преобразований и.т.д [3].

Таким образом, по крайней мере, некоторые методологические задачи, поставленные логическим позитивизмом, были успешно решены на более поздних этапах развития формальной философии науки. Заслуга же экспликации и точной формулировки данных проблем несомненно принадлежит формальной программе логического позитивизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Carnap Rudolf. The Logical Syntax of Language. London: Kegan Paul Trench, Trubner & Co., 1937. 352 p.
2. Suppe Frederick. The Semantic Conception of Theories and Scientific realism. Urbana. University of Illinois Press. 1989. 485 p.
3. Suppes Patrick. Measurement, Empirical Meaningfulness and Three-valued Logic// in Measurement: Definitions and Theories (ed. by C. West Churchman and P. Ratoosh). Wiley. New York. 1959. pp. 129–143.

© Архиреев Николай Львович (arkh-nikolaj@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ, КАК УСЛОВИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ТОЖДЕСТВА ЛИЧНОСТИ, В ФИЛОСОФИИ ВЕНИАМИНА АЛЕКСЕЕВИЧА СНЕГИРЕВА

Бондаренко Виктория Викторовна

*К.м.н., доцент, с.н.с., Дальневосточный федеральный университет
bondarenko.vv@dvfu.ru*

THE PROBLEM OF SELF-CONSCIOUSNESS, AS THE CONDITIONS OF EXISTENTIAL IDENTITY OF THE PERSON, IN PHILOSOPHY OF B. A. SNEGIREV

V. Bondarenko

Summary. The article discusses the concept of «I», which belongs to the famous Kazan thinker Benjamin A. Snegirev, designed to reveal the reality of the inner world of man through the phenomenon of self-consciousness. The author of the concept presents the original interpretation of the most commonly used concepts of religious and philosophical anthropology, which are not always unambiguously interpreted. Kazan philosopher-theist, remaining within the framework of the subject field of religious philosophy and psychological empirics, from the standpoint of an individual approach, substantiates the anthropological principles of personal existence and the substantive organization of the human soul. Through the consideration of the features of age, social, role, and borderline and psychoevident states, the category of self-awareness is revealed to them as a necessary condition for the unity of the individual, spiritual and physical life of a person. In this case, the personality does not appear as an abstract concept, but as a designation of a unique life form manifested through self-consciousness and embodying the fullness of human existence. The article uses the following methods: historical, reduction, reconstruction, contextual analysis, party.

Keywords: soul, spirit, consciousness, personality, «I» — concept, feeling.

Аннотация. В статье обсуждается концепция «я», принадлежащая известному казанскому мыслителю Вениамину Алексеевичу Снегиреву, призванная раскрыть реальность внутреннего мира человека через феномен самосознания. Автором концепции представлена оригинальная трактовка не всегда однозначно трактуемых наиболее общеупотребительных понятий религиозно-философской антропологии. Казанский философ-теист, оставаясь в рамках предметного поля религиозной философии и психологической эмпирии, с позиции индивидуального подхода обосновывает антропологические принципы личностной экзистенции и субстанциональной организации человеческой души. Через рассмотрение особенностей возрастных, социально-ролевых, а также пограничных и психодевiantных состояний категория самосознания раскрывается им как необходимое условие единства личности, духовной и физической жизни человека. В данном случае личность выступает не как абстрактное понятие, а как обозначение уникальной жизненной формы, проявляющейся через самосознание и воплощающей всю полноту человеческого бытия. В статье использованы следующие методы: исторический, партийный, редукционный, реконструкции, контекстного анализа.

Ключевые слова: душа, дух, самосознание, личность, «я» — концепция, чувство.

Введение

В. А. Снегирев — основоположник философско-антропологического «поворота» в традиции академического теизма

Глубина и одновременно виртуозность решения вопросов на первый взгляд представляющихся не очевидными в силу абстракции описываемых феноменов, пожалуй, наиболее кратко характеризуют культуру научного мышления и в целом интеллектуальное наследие профессора — теиста Казанской духовной академии Вениамина Алексеевича Снегирева (1842–1889). Практически воплощая в науке принцип системности В. А. Снегирев полагал, что основой философских наук должна

быть именно психология, поскольку ближайшим образом именно в ней ставится задача изучения феномена сознания человека и его содержания — философских категорий и проблем [6, 15]. С нашей точки зрения главным принципом, системообразующим элементом междисциплинарной научной методологии философа-теиста является интегративное объяснение процессов возникновения, развития, акме и инволюции психической реальности во всем феноменологическом многообразии ее комплексов, структуры, а также сущностной природы человека.

Появление психологии как оригинальной отрасли знания обусловило новый контекст философской и богословской рефлексии, что привело в середине

XIX века к формированию мощного направления отечественной традиции религиозной философии, связанного с попытками определить отрасли, собственный предмет и методологическую базу для новой науки о человеческом духе [12; 20, с. 5]. В этом смысле профессор-теист Вениамин Алексеевич Снегирев, безусловно являясь одним из родоначальников психологии как таковой, успешно продолжает научно-ориентированные установки своего предшественника — киевского психолога, философа и богослова Петра Семеновича Авсенева (1810–1852), преодолевая контрпродуктивные увлечения последнего схоластикой и апелляцией к Священному Писанию [1; 5, с. 26]. Результатом научной и педагогической деятельности профессора Снегирева является формирование и развитие философско-психологической школы, определившей своеобразие и уникальную историческую значимость традиции Казанской духовной академии в целом [2, 3, 9, 13, 14, 21, 25, 26, 27]. Несколько позднее соратником Снегирева в борьбе с западноевропейской априорной метафизикой, материализмом и позитивизмом О. Конта становится, председатель Московского психологического общества, редактор передового для своего времени журнала «Вопросы философии и психологии» профессор Московского университета Лев Михайлович Лопатин (1855–1920), чей спиритуалистический монизм можно рассматривать как прямое продолжение индивидуалистического учения Снегирева о закономерностях жизни человеческого духа, проявляющихся в феномене самосознания [7; 8; 24, с. 199–200].

Вероятно, ответ на вопрос о природе самобытного дарования Вениамина Алексеевича — богослова, филолога, переводчика, философа, логика, психолога, метафизика — возможно найти при внимательном прочтении его биографии. Особенности семейного воспитания, положившего с раннего детства навык самодисциплины, самонаблюдения, активного нравственного чувства, сопряженного с высоким личным идеалом христианства, привычка и любовь к умственному труду, в последующем нашли естественное продолжение в характере полученного им разностороннего, но при том основательного образования [22, с. 5–10]. Обаяние личности самого ученого и непреходящая актуальность его строгих научных рассуждений связаны с их укорененностью в жизни, уникальным опытом творческой работы над самим собой. «Подобное познается подобным» звучит банально, но многое из реальности духовного мира станет очевидным для наших современников, если только они согласятся сделать шаг навстречу носителю той духовной традиции, которая будучи по настоящему гуманной, утверждает высокое достоинство человека и познается опытно через соучастие и сопереживание, а главным образом в силу предельного интереса к человеческой личности,

т.е. самому человеку в единстве его духовной и физической реальности [11, с. 140–143].

Продолжая энтимему о субстанциональности души, начатую в статье с одноименным названием, профессор В.А. Снегирев в следующей своей публикации привлекает категорию личности и связывает ее с развернутым представлением о генезисе самосознания. Таким образом, его работы «О субстанциональности души» [15] и «Самосознание и личность» [17], размещенные последовательно в первой и второй части богословско-философского журнала Харьковской духовной семинарии «Вера и разум» за 1891 год, представляют систематическое изложение я-концепции — завершеного учения о закономерностях внутренней жизни человека, которое может быть положено в основание предметного поля психологии как философской, так и научной. Отвечая на запросы времени, связанные с необходимостью возвращения в историю философии имен, скорее всего по конъюнктурным интересам преданных в прошлом забвению, Общество памяти игумении Таисии (Санкт-Петербург) в 2015 году выпустило в свет сборник, объединивший вышеуказанные работы В.А. Снегирева и теперь эта религиозно-философская концепция доступна для широкого круга читателей [19].

Самосознание как атрибут метафизической реальности

По определению философа самосознание — состояние человека как особого существа, резко отделенного от всего окружающего мира, «внутреннее, неизменно и постоянно присущее в том или другом виде в каждый момент его сознательной жизни, соприсутствующее каждому его изменению, деятельности, вообще всем другим его состояниям» [19, с. 37]. Предполагая, что самосознание осуществляется в идее «я», исследователь переходит к ее рассмотрению. Как следует из дальнейших рассуждений философа-теиста, идея «я» имеет двойственное основание. С одной стороны, сопрягается с категорией личности, когда «словом «я» обозначается весь человек со всеми свойствами его духовными и физическими, со всем содержанием и строем его жизни» [19, с. 38]. С другой стороны, означаемое словом «я» является только основой и носителем, субъектом и производителем всех жизненных феноменов. Таким образом, вся осознаваемая совокупность душевной и физической деятельности мыслится как нечто, являющееся принадлежностью этого «я». Притом само оно при всех самых глубоких изменениях жизни остается простым, тождественным самому себе от начала и до конца. Подобная трактовка идеи «я», прямое и непосредственное восприятие духом или душой человеческою своей метафизической нефеноменальной сущности, лежащей в основе всех явлений душевных, как указывает Снегирев, имма-

ненно связана с представлениями о бытии и субстанциональности человеческой души [19, с. 39; 20, с. 6].

По мнению философа-теиста, основную проблему для исследователей представляет тот очевидный факт, что по своему составу идея — «я» не просто сложна, но «одна из самых сложных» [19, с. 40]. Единство личности есть единство многокомпонентной ассоциации, возникающей постоянно, точно так же как все другие идеи о внутреннем и внешнем. Причем, и это бесспорный факт, вышеуказанное единство постоянно нарушается. Науке известны явления диссоциации также мультипликации личности и, вообще, ее трансформации. Однако, как утверждает Снегирев, вышеописанные факты вовсе не означают, что идея «я» — личности опровергает представления об особой духовной сущности, лежащей в основе душевной жизни. Его психологическая теория призвана разрешить противоречия, связанные с неверной трактовкой самосознания и идеи — «я» представителями идеалистического, феноменологического, а главным образом материалистического направления в психологии, которые трактуются им как противоположные крайности.

Концептуально и практически реализуя системно-генетический подход, В.А. Снегирев рассматривает каждый элемент психической реальности в его связи и взаимодействии с другими внутренними и внешними элементами, прослеживает трансформации, происходящие в человеческом сознании в результате изменения отдельных переменных, делает обоснованные выводы относительно закономерностей развития личности, дифференцирует состояния нормы и патологии. В качестве основополагающих им формулируются следующие постулаты: а) самосознание развивается постепенно; б) идея личности — «я» сложна и изменчива; в) самооткрытие духа как неизменной, единой и себе всегда равной субстанции осуществляется в идее личности — «я»; г) это самооткрытие есть необходимый вывод и постулат сознания, а не простое и непосредственное восприятие. Будучи далек от мысли, что его концепция может быть представлена как некая догма, но оставляя возможность для сомнения — фальсификации — необходимого критерия научного знания, профессор В.А. Снегирев делает следующие уточнения. Предметная область исследования обуславливает тот факт, что учение о самосознании и идее-«я» может быть изложено исключительно в виде гипотезы — предположения и проверено, по крайней мере на данном этапе развития науки, только на основании личного опыта каждого — непосредственным сознанием. Согласно концепции ученого, как каждая сложная идея, процесс развития самосознания и становления идеи личности — «я» представляет собою длинный и сложный процесс, состоящий из элементарных «духовных деятельностей»,

который в силу повторения и слияния последних получает возможность возникать моментально [19, с. 43]. Исследователь Н.К. Гаврюшин отмечает разнообразие в подходах Снегирева к раскрытию феномена самосознания: с метафизической точки зрения философ-теист рассматривает духовное начало как модус, обуславливающий единство сил личности; с другой стороны, будучи психологом-эмпириком, ставит психологию в один ряд с естественными науками, использует логические и интроспективные методы для обоснования своей концепции «я» [4, с. 267]. При этом очевидно, трактуя психологию как науку о неизменных законах и формах душевной жизни в ее цельном составе и разнообразных градациях, основополагающее значение профессор Снегирев придает именно феномену самосознания, поскольку только в нем и через него может быть раскрыто индивидуальное самостоятельное начало [20, с. 26; 23, с. 2; 16, с. 450]. Более того, «внешнее является только во внутреннем, и для человека оно, строго говоря, есть только внутреннее» [16, с. 448]. Коренная задача психологии видится ученому гораздо глубже, а именно «в возможности произвести синтез всего содержания души и его строя, начертать цельный образ души человеческой, как она дана в научном внутреннем опыте, наблюдении и исследовании» [цит. по 10, с. 115].

Этапы становления личностного самосознания

Снегирев выделяет последовательные этапы развития самосознания. При этом рассматривается несколько групп частных явлений — ощущения, мышления, чувства и воли, представляющих область ведения исключительно психологии как положительной науки [16, с. 428; 20, с. 115; 23]. На первом этапе от рождения индивидуума особая роль придается таким элементарным актам психической жизни как ощущения, преимущественно постоянным. Это «мышечное» чувство, ощущения, сопровождающие процессы дыхания, кровообращения, питания, выделения, вообще нервной деятельности. Существенно не изменяясь на протяжении всей жизни, они служат опорой тождества сознания [19, с. 45]. Далее, с течением времени к постоянным ощущениям присоединяются непостоянные, которые часто сменяются, сопровождая физиологические процессы организма. Это ощущения приятности и неприятности, здоровья и болезни. Причем болезненные состояния в большей мере подвигают к самососредоточенности, ощущению своей «особости». По Снегиреву, этот комплекс ощущений формирует «всегда темное и неопределенное чувство бытия, общее всем животным» [19, с. 46]. Однако, именно этот комплекс представляет «подлежащее» всех проявлений человеческой деятельности, постоянный и неизменяемый субъект, находящийся в связи со всеми процессами, насколько они осознаются как процессы,

совершающиеся в организме одновременно, «как фон картины со всем, что на ней изображается» [19, с.47].

Следующий этап — собственно пробуждения самосознания — наступает у ребенка по мере усложнения чувства бытия, большей организованности внутренних процессов и по существу связан с формированием способности к произвольному движению, хотя и смутным, но представлением о себе как некотором центре силы. С течением времени после более или менее продолжительных опытов складывается стабильная ассоциация представлений о своем собственном теле и отношении к нему постоянных и периодически возникающих состояний. Именно на этом этапе, по мнению ученого, впервые — вдруг и со всей определенностью младенец кратковременно переживает момент самосознания, впечатление, «что этот организм его собственность, что это — он сам» [19, с. 49]. Окружающая действительность при этом также предстает в новом свете рельефно и отчетливо, оставляя зачастую яркие впечатления и образы на всю оставшуюся жизнь. После этого напряженного, а потому кратковременного момента снова наступает погружение в прежнее бессознательное состояние. Но, как утверждает Снегирев, тем не менее, в это мгновение «совершается великий переворот в субъекте: животный индивидуум превращается в человека, и зарождается разумный свободный дух, способный теперь к бесконечному развитию и совершенствованию» [19, с. 50]. О факте первого пробуждения наиболее явно свидетельствует возникающее любопытство и повышенный интерес к окружающему миру, которые легко зафиксировать, наблюдая даже и за младенцем. Таким образом однажды пережитое различие себя — «я» впоследствии повторяется по общим законам воспроизведения всякого уже сложившегося душевного состояния, со временем становится постоянным состоянием духа, а точнее — привычной, едва различаемой его деятельностью. Как правило, в этот период пробуждения самосознания — младенчества, последующего затем детства, а возможно и гораздо дольше субъект продолжает отождествлять себя, свою личность — «я» исключительно с телом, т.е. своим организмом, который видимо присутствует, страдательно и деятельно объединяя в себе все жизненные процессы, изменения и состояния одинаково внутренние и внешние. В любом случае в составе идеи личности этот образ телесный, представление о нем остается навсегда; как эмпирическая основа сознания навсегда остается и комплекс постоянных ощущений — «чувство бытия» [19, с. 53].

Дальнейшее становление самосознания связано с концентрацией внимания индивида над процессами, составляющими жизнь духа, и в первую очередь простейшими из них — впечатлениями, воспоминаниями

некоторых образов, которые мало по малу уясняясь и соотносясь друг с другом накапливаются, становясь достоянием внутреннего бытия, отличного от тела. Постепенно к этим устойчивым комплексам присоединяется чувство духовной силы, способности производить при определенных условиях действия — операции, относящиеся к памяти, воображению, желаниям, возможности принятия решений, внутреннего усилия, волнения. В еще большей степени проясняется глубина самосознания в том случае, когда реальностью духовной жизни становятся представления о добре и зле, пробуждается и начинает действовать со всей очевидностью нравственное чувство, не просто как случайная интенция, но мотивируя своего носителя к осознанному личностному росту [19, с. 55]. Вместе с этим нравственным опытом, рефлексирующим повторяющиеся отражения прошлого и настоящего, под словом «я» человек начинает подразумевать некое внутреннее существо, являющееся носителем определенного содержания и сил, даже самого тела как своей одежды. Обобщая сказанное, мыслитель делает основополагающий для дальнейших рассуждений вывод: «Теперь идея тела и его свойства примыкает только к образу души, как второстепенная часть ассоциации, составляющей полную идею «я» или личности» [19, с. 56]. Он продолжает свою мысль о том, что подобное представление о личности, ее составе характерно для всех без исключения людей, независимо от социального положения или уровня образования [18, с. 19]. Однако, в отвлеченном виде понятие о душе, безотносительно к свойствам или эмпирическому опыту — всегда простое, неизменное и тождественное оказывается доступно не каждому. Но именно чистое «я» являет собой действительную природу самосознания в каждый из периодов его развития.

«Трудные» вопросы: практические аспекты и ответы возможным оппонентам

Проследив таким образом историю возникновения идеи «я» — личности, мы убеждаемся, что эта идея так же, как и лежащий в основе ее процесс самосознания, чрезвычайно сложна. На отдельных этапах ее элементы последовательно объединяются сначала идеей тела, затем идеей внутреннего состояния, и, наконец, идеей души — духовной субстанции. Непрерывность и единство личности сохраняется в течение всей жизни в силу интеграции и преемственности формирующихся комплексов, когда от более простых форм осуществляется переход к следующей более сложной формации через включение предыдущей целиком [19, с. 57]. Но, однако, этой стройной последовательностью не может быть ограничена жизнь личности, как было выше сказано — феномена по своему существу замечательного и неповторимого.

Исследуя феномен личности, мыслитель, будучи верен себе, стремится не просто сформулировать оригинальную, внутренне непротиворечивую концепцию, что само по себе, несомненно, является научным прорывом, но апробировать ее, испытать самую жизнь, обращаясь к наиболее сложным примерам, как кажется могущим ее опровергнуть или хотя бы поколебать. При этом профессор-теист до конца своей жизни бескомпромиссно отстаивал специально-метафизический взгляд на природу духа, не признавая за психологами права трактовать этот вопрос как будто давно уже безусловно решенный в отрицательном смысле [10, с. 116; 18, с. 23]. Оговоримся сразу, что сами противники, отрицающие реальность души-субстанции как основы и деятеля в самопознании, совершают таким образом «метафизическое» убийство: будучи далеки от возможности хоть сколько-нибудь внятно ответить на разнообразные вопросы, касающиеся опыта внутренней жизни, отказывают при этом в праве на существование самому понятию, сопряженному с представлением о личном измерении человека [10, с. 139; 18, с. 11–12]. Философ-теист еще и еще раз обращает наше внимание на тот факт, что материалистический подход в психологии, вооруженный скепсисом по отношению ко всему духовному, неизбежно погружается в сумерки агностицизма, поскольку телесное вместе с присущим ему общим чувством, «называемым новым словом — «целестия», на которое в данном случае пытаются опереться, на самом деле определяется внутренними физиологическими процессами, неподконтрольно сознанию индивидуума и не способно к саморефлексии [19, с. 76]. С нашей точки зрения понятие «целестия» совпадает с понятием общее «чувство бытия», изложенным Снегиревым довольно подробно.

По мнению философа, сложный комплекс — содержание самосознания и строй идеи личности, воспринимаемый в каждый момент жизни как простой акт, преимущественно определяется комбинацией общих и частных элементов, когда наряду с преобладанием одной из форм «я» актуализируются представления о себе во взаимосвязи с внешним миром чрезвычайно разнообразных явлений, условий и отношений. В совокупности эти представления «я», частные формации личности и самосознания, сохраняя устойчивость на протяжении всей человеческой жизни, образуют громадную колонию, которая сопровождается смутным чувством общего сознания всех этих пережитых трансформаций и изменений, запечатленных в памяти в хронологическом порядке с различной степенью ясности [19, с. 63–64]. Некоторые формы превращения личности, так называемые состояния измененного сознания, сопровождающие сновидения, сомнамбулизм или погружение в гипноз, даже болезненные отклонения, проявляющиеся мультипликацией личности, в их генезисе только и могут быть объяснены исходя из «я» — концепции В.А. Снегирева.

Притом, как указывает автор концепции, средоточие, основа личности — ее душа — остается самостоятельной, самостоятельной, активной, способной к самознанию. Меняются только состояния — маски, роли, которые представляют воспроизведение тех или иных форм самосознания, пусть не вполне сохранившихся в памяти индивида. Профессор-теист допускает возможность почти моментальной смены этих состояний, что, по его мнению, и обуславливает внешнее впечатление расщепления личности вплоть до, как кажется, ее уничтожения. Но на самом деле в каждое из этих мгновений личность, воплощающая единство души и тела, одна и та же, выстраивает и последовательно реализует свой жизненный сценарий в строгом соответствии с образом, заданным «я» — концепцией [19, с. 69–70].

Стоит отметить, что сообразно трем главным составным частям идеи «я» В.А. Снегирев усматривает наличие трех групп болезненных расстройств, связанных с превращением личности и имеющих реальную основу в прежних формах самосознания. Их причина по Снегиреву непостижима, но несомненно, имеет физический характер и таким образом оказывает влияние на деятельность души. Так первая группа патологических превращений личности связана с изменением общего чувства — его мышечной, кожной и прочих органических составляющих. Вторая группа характеризуется трансформацией сознания своих собственных внутренних сил — ума, чувства и воли; третья проявляется в изменении идеи души как сущностной основы всей личностной жизни [19, с. 66–67]. При этом разрыв господствующей иллюзорной формы сознания с предшествующими только кажущийся и не может быть объективно подтвержден. Таким образом, патологические диссоциации личности лишь только еще раз более рельефно указывают нам на многообразие процессов, связанных с самосознанием, но не опровергают гипотезы, «вынуждаемой необходимостью, ... а потому граничащей с действительностью». Лишь одна эта гипотеза, по мнению Снегирева, способна обосновать природу реальности, объединяющей наличное содержание самосознания и наблюдающей в нем и через него себя: «сила эта есть особый, духовный агент — душа — субстанция — особое существо, связанное с телом и от него отличное» [19, с. 76].

Профессор-теист напоминает, что признание начала духовного в своих эмпирических и логических основаниях представляется фактом не менее очевидным, чем признание материального. В явлениях самосознания это начало предстает как неделимый пункт энергии, сама в себе замкнутая реальность, способная к отражению собственных внутренних процессов и внешних изменений, обусловленных соприкосновением с материальным. До настоящего времени не теряет своей научной

и философской значимости метафизическое суждение профессора Снегирева о том, что «дух можно мыслить только как чистую энергию, деятельность которой и жизнь есть сознание и только сознание» [цит. по 10, с. 152]. Тогда как известно, напоминает исследователь, что основное свойство материи — бессознательность, т.е. неспособность к отражению. Завершая эту мысль о природе души, философ — теист прозревает содержание личных и безличных форм бытия, феномена жизни как такового: «из этого двойного отражения — материи в ее формах и себя в своих деятельности, в связи с различием — сравнением всего — состоит жизнь и деятельность этого пункта энергии, этого атома *sui generis* (в своем роде), как жизнь атома материального состоит в слепых сочетаниях с другими атомами и в образовании этим путем сложных движений и деятельности вещества» [19, с. 79].

Заключение

В качестве мыслителя-метафизика, будучи убежден в самостоятельном начале душевных явлений, профессор Снегирев последовательно отстаивает спиритуалистическую точку зрения как единственно научную и возможную. В качестве психолога-эмпирика, признавая специальную логику психологической науки, согласно собственному методу намеренно суживает рамки ис-

следования, ограничиваясь фактами эмпирического сознания. В его концепции метафизическому монизму как образу научной веры в области эмпирии имплицитно соответствует психологический монизм. Тем самым, избегая сомнительных с точки зрения объективной реальности метафизических абстракций, разлагающих, по его мнению, само понятие идеального, исследователь обращается к человеческой душе, духу через ее эмпирическое измерение, а именно — живую действующую личность, одновременно чувствующую, мыслящую и волящую, как она каждым сознается и познается в своем действительном существовании при раскрытии всех его внутренних и внешних условий. По Снегиреву содержание жизни личного и бессмертного духа состоит в его развитии — непрерывном творческом процессе преобразования идей, где все виды творений никогда не повторяются, а в каждый следующий миг живут и развиваются, усложняясь или сменяя друг друга. В цикле произведений, посвященных вопросам становления сознания главным образом как самосознания через постижение мира идей, разностороннему обоснованию реальности и нематериального существа человеческой души, философ-теист В. А. Снегирев предстает как создатель системной «психологии живой личности», разрабатывает «я» — концепцию — модель личности реальной, в самосознании воплощающей уникальность, многообразии и полноту бытия человеческой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авсенева П. С. Сочинения / ред. Волков А. Г., авт. вст. ст. Мозговая Н. Г. — Киев: НПУ им. М. Драгоманова; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2016. — 243 с. (серия «Антология украинской мысли») [Электронный ресурс] / Книги онлайн. — Режим доступа: C:\Users\Manager\AppData\Local\Microsoft\Windows\Temporary Internet Files\Content.IE5\IDQEZMIW\compositions_avsenev.zip (дата обращения 28.07.2017).
2. Аронов А. Психологические основания нравственности. Казань, 1900 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 972. — 128 с.
3. Васильев М. Современное-психологическое и библейско-патристическое учение о сущности и свойствах страстей в их отличии от сродных с ними душевных явлений. Казань, 1898 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 368. — 170 с.
4. Гаврюшин Н. К. Этюды о разумной вере. Минск: Белорусская православная церковь, 2010. 656 с.
5. Костригин А. А. «История души» П. С. Авсенева как психологическая дисциплина // PEM: Psychology/ Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 20–29.
6. Костригин А. А. Системный подход к изучению души в трудах В. А. Снегирева // Системогенез учебной и профессиональной деятельности. Ч. 1. Методология системогенетического подхода. Конструктивные и деструктивные тенденции профессионального становления и реализации личности: материалы VII Международной научно-практической конференции, 22 октября 2015 г., г. Ярославль / под ред. проф. Ю. П. Поваренкова. Ярославль: Издательство ООО «Агентство Литера», 2015. С. 69–71.
7. Лопатин Л. М. Вопрос о реальном единстве сознания // Вопросы философии и психологии. М., 1899. Год X, кн. 49 (IV). С. 600–623; год X, кн. 50 (V). С. 861–880.
8. Лопатин Л. М. Подвижные ассоциации и представления // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Год IV, кн. 19 (4). С. 1–35.
9. Матвеев А. Христианское учение о человеческой личности и его философско-психологическое обоснование в современном французском спиритуализме. Казань, 1906 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 378. 116 с.
10. Несмелов В. И. Памяти Вениамина Алексеевича Снегирева // Православный собеседник. 1889. № 5. С. 97–154.
11. Пинчук В. Ю. Метафизическая психология в русском духовно-академическом теизме XIX века: дис. ... канд. филос. наук / Пинчук В. Ю. М., 2004. — 169 с.
12. Пишун С. В. Духовно-академический теизм конца XIX — начала XX вв.: переход от «теологического рационализма» к «опытно-психологической» философии // Когнитивная целостность человека. Материалы международной научно-практической конференции. — Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2012. — С. 155–160.
13. Пхакадзе, Я. Критический разбор сочинения доктора М. Зеленского «Основы для ухода за правильным развитием мышления и чувства». Казань, 1878 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 456. 119 с.

14. Серафимов А. Психологические теории тождества личности перед лицом православно-христианского учения о личном бессмертии. Казань, 1898 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 85. 163 с.
15. Снегирев В. А. О субстанциональности человеческой души // Вера и разум. 1891. Т. II. Ч. I. С. 279–294.
16. Снегирев В. А. Психология и логика как философские науки. (Из вступительных чтений в курсы психологии и логики) // Православный собеседник. 1876. Т. II. С. 427–451.
17. Снегирев В. А. Самосознание и личность // Вера и разум. 1891. Т. II. Ч. 2. С. 335–359.
18. Снегирев В. А. Спиритизм, как философско-религиозная доктрина [Текст] / В. А. Снегирев // Православный собеседник. 1871. Т. I. С. 12–41; Т. III. С. 9–51.
19. Снегирев В. А. Субстанциональность человеческой души. Самосознание и личность. — СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. — 80 с.
20. Снегирев В. А. Психология. Систематический курс чтений по психологии. — Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. — 700 с. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека «Научное наследие». — Режим доступа: <http://books.e-heritage.ru/book/10077270> (дата обращения 01.06.2017).
21. Соколов Т. Учение психологии о сущности художественного и научного творчества, его условиях, законах и формах — как доказательство истинности догмата богоподобия души человеческой. Казань, 1899 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 534. — 349 с.
22. Стоюхина Н. Ю., Мазиллов В. А., Костригин А. А. Вениамин Алексеевич Снегирев: психолог и богослов // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 138–149.
23. Студенческие записки лекций по психологии, читанных В. А. Снегиревым. Отдел о чувствованиях. Казань, 1891 // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/5. № 993а. 207 с.
24. Троицкий И. Анализ проблем онтологии в философском наследии Л. М. Лопатина // Христианское чтение. 2012. № 2. С. 186–216.
25. Хапсаев Г. Учение психологии о мотивах, в особенности о мотиве долга. Казань, 1909 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 908. 40 с.
26. Чулков Н. Психологические теории характера и их оценка с православно-христианской точки зрения. Казань, 1898 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 703. 196 с.
27. Юрьев А. Учение Дарвина и его школы о происхождении и развитии психической жизни человека. Казань, 1878 (студенческая работа) // Национальный архив Республики Татарстан. Ф.10/2. № 566. 98 с.

© Бондаренко Виктория Викторовна (bondarenko.vv@dvfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

THE ROLE OF INTELLECTUALS IN THE SPIRITUAL AND MORAL TRANSFORMATION OF SOCIETY IN THE FACE OF NEW GLOBAL CHALLENGES

**J. Daribazaron
A. Gomboeva**

Summary. The article discusses one of the leading in the information age, social groups, whose interests lie in the field of intellectual activity. In the era of IT and agetsuchi or «knowledge society» intelligentsia is the leading «labor», if you can keep your benefits. The development of civilization depends on how humanity will be able to meet the challenges of the era, to ensure co-evolutionary development of natural and social systems. It lies in the fact that the material, social and spiritual components of a social entity (person, community, society, humanity as a whole) form a common structure, which should close the «corridor of evolution», otherwise, begin the regression, the decline of evolution. Given that the material (including natural) resources of humanity are depleted, the burden falls on the social and spiritual resources that creates the intelligentsia, including the scientific and the artistic.

Keywords: social subject, a social group, the intelligentsia, material resources, social and spiritual resources, production of material, social and spiritual resources, phenomenological reflection, challenges, social being.

Дарибазарон Энхэ Чимитдоржиевич

*Д.ф.н., доцент, Восточно-Сибирский
государственный университет технологий и управления
aryadar@mail.ru*

Гомбоева Арюна Валерьевна

Аспирант, Бурятский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается одна из ведущих в информационную эпоху социальных групп, интересы которой лежат в области интеллектуальной деятельности. В эпоху IT и гаджетизации или в «знаниевом обществе» интеллигенция становится ведущей «рабочей силой», если сумеет сохранить свои преимущества. А цивилизационное развитие зависит от того, насколько человечество сумеет ответить на вызовы эпохи, обеспечить коэволюционное развитие природных и социальных систем. Оно заключается в том, что материальные, социальные и духовные составляющие социального субъекта (человек, сообщество, общество, человечество в целом) образуют общую структуру, которая должна закрывать «коридор эволюции», в противном случае, начнется регресс, спад эволюции. Учитывая, что материальные (в том числе природные) ресурсы человечества истощаются, нагрузка ложится на социальные и духовные ресурсы, которые создает интеллигенция, в особенности научная и художественная.

Ключевые слова: социальный субъект, социальная группа, интеллигенция, материальные ресурсы, социальные и духовные ресурсы, производство материальных социальных и духовных ресурсов, феноменологическая рефлексия, вызовы эпохи, социальное бытие.

Интеллигенция как социальная группа, как социальный субъект подвергается в современный период новым испытаниям. К вызовам эпохи можно отнести сохранение не только интеллектуальной, но и духовной составляющей интеллигенции, вследствие того, что в ходе последующего развития цивилизации осуществляется перемещение вызовов из внешней, природно-географической среды в духовную и социальную сферы жизнедеятельности общества. А. Тойнби [1] писал о том, что достижение цивилизацией высшего расцвета происходит в тот момент, когда ее последующий прогресс обусловлен посредством вызовов духовной природы. В данном ключе интеллигенция предстает как социальный субъект, основа действий которого по мере цивилизационного роста осуществляется на его внутреннем духовном самоопределении и самосознании. В прогрессе цивилизаций при этом осуществляется

процесс становления личности в направлении ее растущей духовности. Определение духовного преобразования личности происходит, по Тойнби, посредством актов его свободного выбора, вследствие чего является очень важным создание в обществе условий для реализации данного выбора всеми гражданами и, главное, представителями интеллигенции как ведущей социальной группы, обеспечивающей общественное развитие.

В условиях усложняющейся реальности интеллигенция как неоднородная социальная группа не готова решать задачи, стоящие перед ней как страты, обладающей инновационным потенциалом. Ситуация в России усложняется еще и тотальным отрицанием традиционных ценностей и идеалов, носителем которых выступала российская интеллигенция. На наш взгляд, существует два выхода из данной ситуации, больше напоминающие

движение змеи в стебле бамбука: вверх — к духовному самосовершенствованию, вниз — к деградации и самоуничтожению. Спор, по сути ведется вокруг проблемы бытия интеллигенции как социальной группы, больше всех влияющих на умонастроения в современном обществе.

В контексте данной работы весьма важным является положение феноменологии о внутреннем мире субъекта как неповторимом и уникальном феномене самосозидания, недоступным для понимания без учета индивидуального опыта конкретных личностных переживаний. Рефлексия в феноменологии выступает в качестве особого вида переживаний, который вырастает из спонтанной жизни сознания, а не наблюдений за сознанием. Целью феноменологической рефлексии является постоянное различие значения (сознания) и предмета (знака либо образа), несмотря на их неотделимость друг от друга. Рассмотрение феноменологической рефлексии осуществляется сторонниками учения в качестве воспроизведения уже реализованных смысловых путей сознания, культивирования сознания в качестве потока значений либо смыслов — таким образом происходит открытие возможности интерпретации, толкования и понимания.

По мнению экзистенциалистов, человек (социальный субъект) не является объектом и конечным продуктом социальных влияний, а выступает в качестве субъекта свободного и ответственного самосозидания по сравнению с марксистско-ленинской трактовкой человека в качестве продукта общественных отношений. Экзистенциалистская позиция такова: личность способна создавать себя самостоятельно по собственному свободному замыслу, и является ответственной перед собой за такой выбор. В системе ценностей экзистенциализма ключевую роль играют свобода и ответственность. Человек в такой системе не модельно заданный объект, а выступает в качестве сознательного субъекта, который имеет собственное отношение к себе и окружающей среде. В отношении образования следует отметить, то в качестве его конечного продукта экзистенциалисты принимают автономную человеческую личность. Их интересует в первую очередь, какое значение определенные знания имеют в конкретном человеческом существовании. Саморазвитие человека для экзистенциалиста является процессом развития свободных, самоактуализирующихся и самореализующихся личностей. Положения экзистенциальной философии играют огромную роль для определения смысла и содержания деятельности интеллигенции: с их помощью является возможным осознание того, что центром внимания должен являться развивающийся человек с его глобальными проблемами свободы, смысла жизни, ответственности и т.д.

Посредством синергетического подхода возможно осуществлять рассмотрение социальной группы ин-

теллигенции в качестве самоорганизующейся системы. Главным образом феномен самоорганизации относится к гуманитарным системам, в качестве которых рассматривается широкий диапазон объектов, где в качестве одного из предельных случаев является личность, а другого, наиболее широкого — культура в целом. Интеллигенция как социальный субъект или социальная группа состоит из множества личностей, состоявшихся в интеллектуальной творческой деятельности, связанных между собой различными взаимоотношениями. Личность или социальная группа, с точки зрения экзистенциального мировоззрения, выступает в качестве центра собственного становления, где находятся все ресурсы и механизмы внутренней динамики. Невозможно осуществлять управление самоорганизацией социальной группы с позиции синергетического подхода, является возможной только поддержка определенных личностных интенций. Поэтому, интеллигенция должна, выступая социальным субъектом, выстроить аттрактор (поле притяжения) индивидуальных траекторий в направлении, обеспечивающем переход на новый уровень организации социальной материи. В данном случае при наибольшей естественности развития оно является менее предсказуемым [6]. Здесь необходимо определить ценностные ориентиры и нормы, которые выведут на более высокий уровень общественного развития.

Грядущая цивилизация, о которой говорят футурологи, является совсем другой, где в качестве основного ресурса выступает информация как энергия человеческого Разума, целостность в действии. Информация здесь выступает в качестве философской категории, осуществляя превращение в решающий фактор социального развития, т.к. она вместе с необходимой энергией являются катализаторами процесса самоорганизации внутри систем. Известно, что в XXI веке, в период перехода от биосферы к ноосфере (Вернадский В. И., Моисеев Н. Н. [3]) жизнедеятельность всех систем строится на трех обменах (вещество, энергия, информация). А человек, который рассматривается нами как носитель, преобразователь и творец информации, становится главной ценностью и целью общественного развития. Его интеллект, жизнь и здоровье являются системообразующими факторами в системе духовных, нравственных ценностей человечества (Мантатов В. В. [2]). Следовательно, бытие человека, его сущностные изменения, его интенции становятся определяющим фактором коэволюции человека, общества и биосферы (Моисеев Н. Н.) [3], благодаря созданию общества Коллективного разума.

Н. А. Селезнева и А. И. Субетто [5] определяют коллективный интеллект как единство общественного сознания и общественного знания, единство науки, культуры и образования, проявляющееся в функциях бюджет-

ворения — планирования, прогнозирования, проектирования, программирования, нормотворчества, законотворчества, управления будущим. Рост идеальной детерминации в истории есть рост роли общественного интеллекта как совокупного интеллекта общества, его функций будущетворения и управления будущим как цивилизационного механизма развития. Культивирование этих функций очень важно, поскольку в хозяйственной практике с помощью системы образования уже материализовались космопланетарный технократизм и космопланетарный инфантилизм.

В таких условиях главной личностной или групповой проблемой остается поиск идентичности («человечности») в постоянно изменяющемся мире, а главной проблемой общества является создание социальных институтов, обеспечивающих гармонию индивидуализации и универсализации в жизненном процессе. Личность интеллигента обладает индивидуальностью, играет свою социальную роль, включается в коммуникационные процессы. Социальная его деятельность регламентируется социальными институтами в современных условиях с деградирующими ценностными ориентирами, заниженными социальными нормами и нарушаемыми правилами поведения. Социальный субъект представляет собой целостную самоорганизующуюся систему, но гораздо в большей степени обладающую сложной иерархической и динамической структурой, следовательно, его социальная стратификация и социальная мобильность, в терминах П.А. Сорокина [7], представляют модели возможных личностных и стратификационных ролей, типов и вариантов поведения, т.е. довольно стохастические модели. Случайный фактор вносит неопределенность и хаос в общественное развитие и как тогда следует регулировать общественные отношения в усложняющемся мире.

В обществе существует понятие нормы определенного личностного развития, при этом индивидуальные и общественные представления о норме, идеалах и ценностях чаще всего не совпадают. Не снимаемое противоречие между личностью и государством: личность испытывает потребность в утверждении своей уникальности, общество и государство заинтересовано в максимальном следовании заданным образцам, унификации. Способность общества решать это противоречие определяет его потенциальные возможности к саморазвитию. Важнейшим элементом, связывающим личность и общество, являются потребности, нормы, ценности и идеалы. Изменение общественного устройства является причиной изменения личностных потребностей, норм, ценностей и идеалов. Как это происходит в наши дни, деградация социальных норм, ценностей и идеалов влечет за собой деградацию личностных потребностей, норм, ценностей и идеалов.

Информационная цивилизация, основой которой является интеллектуализация общества и знания, создает условия для становления социально многообразного бесклассового общества. Но все эти процессы, происходящие на основе развивающихся информационных технологий, осуществляются не спонтанно, а предполагают реализацию научно-обоснованных программ преобразования индустриального общества в информационное. При этом важен механизм преобразования, заключающийся в мотивации гражданских инициатив, в создании новых социальных структур, поддержке и понимании ее сути и ожидаемых результатов, ведь общество — это совокупность мыслящих и наделенных волей индивидов, а интеллигенция это «цвет» общества. Общество в своем историческом движении полагает социальное, культурное, политическое, правовое, экономическое и иное развитие. Соответственно этому формируются общественные связи, конкретный способ их организации и развития. Эти связи составляют между собой некую систему *координат*, основывая тем самым определенную концепцию развития общества. Чтобы понять человека, важно определить его место в системе координат общественной жизни. Традиционно в ней, в качестве первопричины функционирования общества в его историческом развитии, было принято считать производительные силы, эволюция которых предопределяет изменения производственных отношений. В связи с происходящей информационной революцией, человеческие взаимоотношения (социальные взаимодействия) переходят на ментальный, «сознаниевый» уровень, становятся более тонкими и более интериоризованными [4]. А информационная технология, понимаемая нами уже не просто как компьютерная информационная технология, а как технология интеллектуальной деятельности («мыследеятельности») человека, становится «виртуальным» ресурсом. Грань, отделяющая знания от технологии, становится условной. Новые высокие технологии основываются целиком на научных знаниях, а знания с невероятной быстротой распространяются, усваиваются и внедряются при помощи новых компьютерных средств. В силу этого сложная задача освоения новых видов и технологий интеллектуальной деятельности, требующая постоянной ценностной рефлексии большинства граждан, требует своего решения.

Создание и преобразование информации как ресурса, присущего новому укладу, должно осуществляться в высшей степени самостоятельно и ответственно. В настоящий момент осуществляется переход к новым отношениям и связям на «рефлексивном» уровне. Онтологические и аксиологические основания жизнедеятельности человека в постоянно меняющихся условиях должны способствовать снятию противоречий, неиз-

бежно возникающих в точках бифуркации. Многомерность пространства «выбора», нелинейность, вероятный характер «пути» предполагают наличие ясно выраженной системы ценностей, которая допуская вариативность, задает общественную норму.

На современном этапе развития общества становятся особенно важными задачи становления личности, обладающей мощным интеллектом, развитым диалогическим сознанием, духовной культурой и сильной волей. Образовать такую личность может только сам человек, ибо все его экзистенциальные проблемы (как стать счастливым, что такое свобода и как ее достичь, в чем смысл жизни человека и пр.) может решить только он сам. Но для решения этих вечных проблем необходимы фундаментальные знания, такие же фундаментальные как проблемы самого существования человека и человечества, его «неразорванного», подлинного бытия. Задача же общества создать для этого условия, уклад, особую среду, особый мир образования, в котором человек может общаться с собой, с другими, сотрудничать и активно развивать свой потенциал, свои креативные способности. Изменение культурно-образовательного фона, его влияние на образ современного человека при интериоризации, рефлексии внешних условий и «овнешнение» внутреннего содержания, ставшего в процессе развития, существенным образом меняют тип и уровень взаимодействия субъектов образовательной деятельности. Само по себе проектирование культурно — образовательной среды процессуально, находится в движении.

Человек, будучи субъектом собственной деятельности, воздействует на окружающий мир, изменяет, созидает или разрушает себя и мир. Сила его воздействия на живую и неживую материю исключительно велика. Человек является объединяющим началом всех социально-гуманитарных наук во всех его многосторонних бытийных формах: индивидуальность, личность, группа, общность, этнос, класс, общество, человечество. Это еще одна интеграционная позиция. Вот почему оценка любого состояния общества, любого социального движения, любых преобразований, любых реформ должна соотноситься с задачами развития и совершенствования человека, т.е. быть по своей сути антропологической экспертизой всего того, что в нем происходит. Если реформы проводятся не в интересах человека, то они становятся античеловеческими, в конечном счете — бессмысленными [4]. Значение и смысл развития общества заключены в человеке, в его культуре, образовании, творческих потенциях, в его здоровье, в смысле его жизни. Это возможно лишь при развитой ценностной рефлексии человека, интеграции локальных цивилизаций в единую информационную, в которой главной ценностью является Человек с развитым интеллектом, сознанием и самосознанием. Интеллигенции, как основной ведущей социальной группе в новой цивилизации, следует решить для себя: сумеет ли она задать подобный аттрактор развития всего общества? Быть или не быть? Ибо если интеллигенции не удастся осуществить эту флуктуацию духовного самосовершенствования и противостояния деструктивным цивилизационным процессам, то она деградирует, а вместе с ней и все человечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби А. Постижение истории /Пер.с англ. — М.: Прогресс, 1991. — 730 с.
2. Мантатов В. В. Стратегия Разума: экологическая этика и устойчивое развитие. В двух томах. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство. Т. 1. — 1998. — 124 с.
3. Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., Аграф., 1998—480 с.
4. Аржитова Ю.С., Сандакова Л. Г. Вовлечение экспертного сообщества в процесс разработки стратегии развития Байкальского региона как способ становления гражданского общества. / Ю. С. Аржитова, Л. Г. Сандакова // Вестник Бурятского государственного университета. [Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenie-ekspertnogo-soobschestva-v-protsess-razrabotki-strategii-razvitiya-baykalskogo-regiona-kak-sposob-stanovleniya>; http://vestnik.bsu.ru/content/series/642009_.pdf#2].
5. Субетто А.И., Селезнева Н. А. Цивилизационная логика становления образовательного общества как модели управляемой социоприродной эволюции в третьем тысячелетии //Тез.межд.конгресса «Образование и наука на пороге третьего тысячелетия». — Новосибирск. — 1995. — С. 147–148.
6. Князева Е.Н., Курдюмов С. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем /Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. — Москва, 1994. [Электронный ресурс: <http://padabum.com/d.php?id=37284>].
7. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. — М.: Политиздат. — 1992. — 543 с. — (Мыслители XX века).

АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

AXIOLOGY OF THE MODERN RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE

P. Kasatkin

Summary. The article deals with the normative component in the contemporary Russian educational space. Given the analysis of the dynamics of ideas about the content of values and their role in education as it proclaimed in key federal education documents since 1991, the author concludes that the axiological aspect was insignificant. In addition, the values that were declared in these documents were of a clearly pronounced universal character, while the national value component was practically ignored. The article concludes that in the course of further reforms in the field of education, it is necessary to pay attention to this fact, given that education is the most important mechanism for the formation of individuality, its spiritual and moral values and ideals.

Keywords: educational space, reforms, the Russian Federation, humanism, the axiology of education, values.

Касаткин Петр Игоревич

*К.полит.н., доцент, Московский государственный институт международных отношений МИД России
pkas@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу ценностного компонента в современном российском образовательном пространстве. На основе анализа динамики представлений о содержании ценностей и их роли в образовании, содержащихся в ключевых документах об образовании, вышедших с 1991 г., автор делает вывод о том, что аксиологический аспект в них хотя и присутствовал, но в незначительной мере. Кроме этого, декларируемые в указанных документах ценности носили ярко выраженный общечеловеческий характер, в то время как национальный ценностный компонент практически никак не учитывался. В статье делается вывод о том, что в ходе дальнейших реформ в области образования необходимо обратить внимание на этот факт, так как именно образование является важнейшим механизмом формирования личности, ее духовно-нравственных ценностей и идеалов.

Ключевые слова: образовательное пространство, реформы, Российская Федерация, гуманизм, аксиология образования, ценности.

В современной России вопрос о ценностях образования и о направлении развития и приоритетах отечественной системы образования особенно актуален. С одной стороны, это связано с глубокими социально-экономическими преобразованиями 1990-х годов, а с другой — с поисками путей и основ того, что принято обозначать как устойчивое развитие общества. Во многом именно по этой причине сегодня одним из важнейших элементов продолжающейся реформы российской системы образования является вопрос о трансформации, если не смене образовательной парадигмы в целом. На наш взгляд, от успешного решения данной задачи во многом будет зависеть и будущее российского государства, его место на мировой арене.

Процесс реформирования высшей школы отражает состояние российского социума на разных этапах его развития, так как цели, задачи, ценностная составляющая и содержание образования всегда соотносятся целями, задачами и потребностями общества [1, с. 4]. Таким образом, крайне важными оказываются, как минимум два вопроса: обладает ли образование ценностной значимостью в условиях современной России и какие ценности заложены в нем самом.

Как верно отмечают отечественные исследователи О.Ю. Корниенко и Н.Л. Смакотина, начиная с 90х

гг. XX столетия потребность в реформировании и модернизации системы образования приобрела острый характер и была направлена, в основном, на повышение качества образования. При этом эта потребность сохраняется и сегодня, но главное отличие разных временных этапов заключается в адекватности системы образования экономическим, политическим и социокультурным задачам общества в конкретный период времени [2, с. 107–108].

1990-е гг. стали временем потери ценностных ориентиров не только в образовании, но и в стране в целом. Уход в прошлое коммунистической идеологии и образовавшийся в результате идеологический вакуум привели к тому, что в течение нескольких лет российское образование развивалось фактически без какой-либо аксиологической составляющей. Эта, как во многом верно замечает А.М. Кондаков, эта ситуация сложилась в России в период общемирового всплеска внимания к формированию системы ценностей у подрастающего поколения, всестороннему развитию личности обучающихся: в крупнейших образовательных системах мира именно с начала 90-х гг. прошлого века на фоне развития информационных технологий, нарастания объема знания, максимальное внимание в системах дошкольного и школьного образования стало уделяться развитию личности об-

учающихся, формированию их идентичности: национальной, гражданской, семейной, профессиональной, социальной [3]. Огромное значение стало придаваться навыкам межкультурной коммуникации, способности «побывать в чужой шкуре» (то есть межгрупповой эмпатии) [4; 5].

Отметим, что первым указом президента Б. Ельцина в 1991 г. был указ № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» [6]. Уже сам этот факт, по нашему мнению, говорит о том, что система образования рассматривалась новой российской властью как одно из приоритетных направлений реформирования. Это было связано с тем, что именно образование во многом являлось и является той сферой, которая формирует ценностные представления личности. Очевидно, что новая российская школа (всех уровней) должна была начать ретранслировать в общество новые ценности демократического характера.

В 1992 г. в России принимается новый закон «Об образовании». Результаты его принятия были неоднозначными. С одной стороны, он значительно расширял вариативность образования, выводил его из-под государственного контроля и так далее. Но с другой — имел крайне негативные последствия. В. И. Короткевич пишет по этому поводу: «Принятый в 1992 г. закон РФ «Об образовании» некоторые авторы пропагандировали как революционный, как самый прогрессивный в мире. Но, как это часто случается, из одной крайности впали в другую: приоритет вариативности все больше стал входить в противоречие с задачей сохранения и повышения общедоступности образования. Новый закон сокращал обязательный ценз образования до 9 классов. В результате нововведений 1,5 млн. детей школьного возраста оказались вне образования» [7, с. 33].

С началом радикальных экономических и политических преобразований содержательные цели реформирования образования были, однако, подменены идеями «освобождения от наследия тоталитаризма», реализации принципов «демократичности» и «многообразия» в рамках либеральной модели образования. [8, с. 123]. Таким образом, мы можем говорить о том, что самоцелью образования в этот период становится его либерализация [9]. Нельзя не отметить, что этот процесс происходил неравномерно с территориальной и временной точек зрения — в силу особенностей регионального управления в России [10]. Нечто похожее происходило и на всем постсоветском пространстве — часто при поддержке западных организаций и фондов, зарубежных лобби и диаспор [11].

Как отмечают представители либерального направления в современной российской общественной

жизни В. А. Мау и Т. Л. Клячко, «1990-е годы действительно стали периодом бурного развития процессов образования: быстро росли число высших учебных заведений и их филиалов, численность обучающихся в них студентов и профессорско-преподавательского состава. Одновременно происходила либерализация сектора высшего профессионального образования (ВПО): разгосударствление системы образования, появление негосударственных вузов, допущение платности образования в государственных вузах» [12, с. 48]. Но при этом, авторы пришли к выводу, что количество не переходило в качество, наоборот, качество образования упало.

В 2002 г. была утверждена Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Следует отметить, что аксиологический аспект нашел в ней свое отражение в качестве целеполагания. Так, в Концепции заявлялось следующее: «Потенциал образования должен быть в полной мере использован для консолидации общества, сохранения единого социокультурного пространства страны, преодоления этнонациональной напряженности и социальных конфликтов на началах приоритета прав личности, равноправия национальных культур и различных конфессий, ограничения социального неравенства. Многонациональной российской школе предстоит проявить свою значимость в деле сохранения и развития русского и родного языков, формирования российского самосознания и самоидентичности. Обновленное образование должно сыграть ключевую роль в сохранении нации, ее генофонда, обеспечении устойчивого, динамичного развития российского общества — общества с высоким уровнем жизни, гражданско-правовой, профессиональной и бытовой культурой» [13]. Таким образом, по крайней мере в декларативной манере в Концепции говорилось, что, российское образование должно выполнять важнейшую функцию по сохранению целого ряда ценностей в целях недопущения распада единого социокультурного пространства.

Ситуация, складывающаяся на сегодняшний день, говорит о том, что аксиология образования, ценностный поход к образованию и в образовании остается вне сферы государственных интересов. Так, например, в Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р) категория «ценности» отсутствует в принципе, что говорит о полном ее игнорировании со стороны государства. При этом в Концепции указывалось, что целью Программы является «обеспечение условий для эффективного развития российского образования, направленного на формирование конкурентоспособного человеческого потенциала» [14].

Очевидно, что российское образование продолжит реформироваться и видоизменяться. Актуальным вопросом здесь становится путь данных трансформаций. Как отмечает М. В. Жирина, сегодня отчетливо прослеживаются две магистральные тенденции по вопросу дальнейших путей развития образования. Одну из них можно обозначить как «сторонников ориентации на себя», вторую — «ориентацию на других». Концептуальными философскими основаниями обеих моделей является взгляд ее сторонников на процесс глобализации. Первые считают, что на современном этапе (и эта тенденция будет лишь нарастать) глобализация вступила в стадию глокализации, национальные государства все больше пытаются сохранить свои особенности и демонстрируют стремление к сохранению идентичности в условиях экономической глобализации [15]. Вторые, напротив, полагают, что глобализация все больше ведет к унификации мирового пространства: «Сторонники данного подхода отталкиваются от точки зрения, основанной на универсалистском восприятии действительности и глобализационной тенденции мировой интеграции, согласно которой глобализационные процессы должны находить свое отражение не только во внешнеэкономической, политической или технологической областях, но, и как следствие — в унификации и универсализации образовательных стандартов. При этом за «универсальные» принимаются стандарты «западные»» [1, с. 16–17].

Отсутствие целостного взгляда на процесс формирование индивида, преобладание бинарной логики свидетельствуют об общем кризисе наших представлений о науке, образовании и воспитании [16]. В стремлении чему-то соответствовать или что-то стандартизировать нередко забывают о главном — о становлении индивида, формировании у него широкого кругозора и общекультурных компетенций [17].

Как представляется, на сегодняшний день российское образование во многом, по крайней мере, на законодательном уровне, продолжает развиваться в рамках глобалистской философской парадигмы, что напрямую отражается на аксиологии отечественного образования. Действующий в настоящее время Закон об образовании определяет, что образование — это «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека,

удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» (ст. 2, пункт 1) [18]. Таким образом, образование, с одной стороны, трактуется как воспитание, а с другой — как обучение. Данные характеристики носят процессуальный характер. В то же время, образование обозначается и в сущностных (содержательных) категориях, среди которых фигурируют и цели духовно-нравственного порядка. То есть, действующий закон подразумевает воспитание у обучающихся определенных аксиологических установок.

Более того, в законе отдельно оговаривается термин «воспитание», который полностью имеет аксиологический акцент: «воспитание — деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства» (ст. 2, пункт 2) [18]. Указание на социокультурные и духовно-нравственные ценности, безусловно, носит позитивный характер. Тем не менее, как представляется, в данном случае мы имеем дело с некоторой расплывчатостью формулировки. Если во второй части определения речь идет о правилах и нормах, принятых в обществе (хотя и здесь не уточняется в каком именно), то в случае с социокультурными и духовно-нравственными ценностями конкретизации не наблюдается. Это дает широкое поле для трактовки и понимания указанных ценностей, которые, как известно, могут носить как национальный, так и общечеловеческий характер.

Отметим, что, по нашему мнению, аксиологическое содержание образования в действующем законе нуждается в уточнении. При этом напомним, что в Законе об образовании 1992 г. прямо говорилось о приоритете общечеловеческих ценностей над национальными: «Государственная политика в области образования основывается на следующих принципах: 1) гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности. Воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье» [19]. Ультралиберальный характер данной формулировки не вызывает сомнений: права и свободы человека в ней стоят на первом месте, в то время как любовь к Родине — на одном из последних.

Впрочем, в статье 2 (пункт 2) закона 1992 г. указывалось, что государство считает необходимым сохранять единство федерального культурного и образовательного пространства, защищать и развивать «системой образования национальных культур, региональных

культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства» [19].

Следует напомнить, что в традициях российской философии образования уже с XIX в. утвердилась своеобразная аксиологическая аксиоматика, базирующаяся на превалировании духовного начала в человеке и на представлении об образовании, как инструменте воспитания и развития этого духовного начала. Так, В.В. Розанов полагал, что духовный стержень в человеке является его онтологической (и, разумеется, метафизической) основой. В связи с этим, «задачу культуры образования он рассматривал как формирование целостности человека в единстве и многообразии форм его бытия. Духовная жизнь человека являлась стержнем, в связи с которым определялись эмпирическое развитие и творческая сила душевной жизни» [20, с. 19]. Отметим, что именно В.В. Розанов был первым из отечественных мыслителей, кто использовал термин «философия образования», и впервые в России конца XIX века обосновал идею необходимости научной разработки философии образования и воспитания [21, с. 127].

Идеи В.В. Розанова, касающиеся гуманистической, духовно-нравственной составляющей образования нашли свое развитие в XX в. С середины XX столетия, в силу бурного развития научно-технического прогресса и активного экономического развития передовых стран, остро встал вопрос о том, нужна ли вообще гуманитарная (шире — гуманистическая) компонента в образовании или же оно должно носить строго прикладной и утилитарный характер. Отечественные философы образования с конца 1980-х гг. подняли вопрос о том, что одностороннее научно-техническое развитие цивилизации, как и одностороннее инженерное образование и развитие специалиста при отсутствии соответствующей гуманитарной составляющей, обеспечивающей полноту развития личности, лишает и человека, и общество целостности, нарушает их гармоничность» [22, с. 21]. Технологический прогресс нередко не стирает социокультурные различия, а наоборот усиливает их [23], в то время как образовательная среда сознательно или несознательно отказывается подготовить обучающихся к этой стороне нашего меняющегося мира.

Следует отметить, что современное гуманистическое направление в образовании строится на категории «личность», содержание которой определяет и философию гуманистического направления в образовании, задавая цель и ценности образования, заключающуюся в развитии и становлении личности человека [22, с. 29]. Таким образом, ценностью объявляется сам человек, а не полученный им в процессе образования функционал, который определяется лишь как своего

рода приложение к индивидуальным качествам. На наш взгляд, данный подход в образовании является крайне перспективным, так как сведение образования лишь к формированию компетенций, без должного внимания к духовно-нравственным основаниям человека может в последующем привести к самым негативным последствиям. Как отмечает А.О. Карпов, «в процессе становления техногенного социума ... проявляется тенденция к сужению транслогического мышления (намеченная в пуританизме), привнесшая то понимание рационального, которое исключает и индивидуальное чувство, и человеческие ценности, и его духовный статус», в то время как «аксиотический фундамент разрушения общества знаний составляет технологическое лицемерие, которое отказывает эпистемическим сообществам в статусе производителя материальных основ жизни социума» [24, с. 29–30].

Итак, перед нами встает вопрос о том, какое же аксиологическое содержание сегодня есть в российском образовательном пространстве. И какова ценность самого образования? На наш взгляд, ответы на данный вопрос не являются однозначными. Российское общество продолжает оставаться весьма гетерогенным, в том числе, и в части оценки образования. Со всей очевидностью можно говорить о том, что образование, как ступень к будущей жизни, воспринимается в обществе позитивно, о чем свидетельствуют высокие конкурсы в вузы, особенно на престижные специальности. Но массовое обучение в вузах, которое далеко не всегда имеет высокое качество, ведет, как не парадоксально, и к обесцениванию образования. Кроме этого, образование ценится, скорее, не как социокультурная ценность, а именно как инструмент достижения определенных материальных благ [25].

Аксиологическое содержание образования так же является весьма неоднозначным. Со всей очевидностью можно говорить о том, что в базовых документах Российской Федерации, в первую очередь, в Законе об образовании) наблюдается тенденция к укоренению общечеловеческих ценностей, как базовых и имеющих первую необходимость. В то же самое время, национальные ценности отходят на второй план.

Не менее остро стоит вопрос и о гуманитарной составляющей российского образования. Технократические тенденции, связанные с утилитарными экономическими потребностями, которые определяются сегодня как ключевые, ведут к тому, что ценность функции начинает превалировать над ценностью ее носителя — то есть самого человека. Таким образом, на наш взгляд, все указанные факторы необходимо учитывать в ходе дальнейшего реформирования отечественного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирина М. В. Особенности реформирования системы российского высшего образования на современном этапе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — М.: ИСПИ РАН, 2015. — 169 с.
2. Корниенко О. Ю., Смакотина Н. Л. Система образования и ценностные ориентиры молодежи // «Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2016)»: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции 6–7 июня 2016 г. — М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО. 2016. — С. 107–117.
3. Кондаков А. М. Обеспечение единства образовательного пространства Российской Федерации // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 219–229.
4. Воевода Е. В. Межкультурная коммуникация в полиэтничном образовательном пространстве // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2016. — Т. 5. — № 3. — С. 24–28.
5. Торкунов А. В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 1 (28). — С. 7–8.
6. Указ Президента РФ от 11.07.1991 г. № 1 «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» [Электронный ресурс]. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/18> (дата обращения: 01.10.2017)
7. Короткевич В. И. История современной России. 1991–2003. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2004. 296 с.
8. Болдов О. Н., Иванов В. Н., Суворов А. В., Широкова Т. К. Динамика и структура сферы образования в России в 90-е годы // Проблемы прогнозирования. — 2002. — № 4. — С. 122–133.
9. Лебедева М. М. Проблемы развития мировой политики // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 5. — С. 106–113.
10. Минеев А. П. К вопросу о политической инокультурности российских регионов // Актуальные проблемы Европы. — 2015. — № 1. — С. 81–98.
11. Лошкарёв И. Д. Восточноевропейские диаспоры США и украинский кризис 2014 г. // Маастрихтский договор как веха европейской интеграции. — М.: РУДН, 2014. — С. 33–46.
12. Клячко Т. Л., Май В. А. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации // Российское образование: тенденции и вызовы: сб. ст. и аналитических докл. — М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2009. С. 46–64.
13. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. Приложение к приказу Минобрнауки России от 11.02.2002 № 393. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html (дата обращения: 01.10.2017)
14. Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р [Электронный ресурс]. — URL: https://edumsko.ru/uploads/region/consultation/consulting_docs/pro-2016.pdf (дата обращения: 01.10.2017)
15. Пареньков Д. А. Сохраняй и властвуй: консерватизм в XXII веке // Мир через 100 лет сборник статей. — Москва, 2016. — С. 53–58.
16. Алексеева Т. А., Минеев А. П., Лошкарёв И. Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО Университета. — 2016. — № 3 (48). — С. 7–16.
17. Водолозов Г. Г. Реальный гуманизм как идеология современности // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 13. — С. 9–28.
18. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 01.10.2017)
19. Закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 01.10.2017)
20. Шарова М. А. Философия образования в русской мысли второй половины XIX века (историко-философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. — 25 с.
21. Гриднева Е. И. Философия образования В. В. Розанова: от прошлого к современности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. — 2010. — № 2 (12). — С. 127–131.
22. Кузнецова А. Я. Гуманистический аспект философии образования в условиях интеллектуального развития общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. — Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2010. — 45 с.
23. Лошкарёв И. Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. — 2017. — № 4 (106). — С. 70–78.
24. Карпов А. О. Фундаментальные структуры и перспективы исследовательского образования как проблема философии науки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. — М.: Московский педагогический государственный университет, 2015. — 52 с.
25. Александян А. Г., Иноземцев М. И., Маслова Е. А. Новые образовательные инициативы международных неправительственных организаций (на примере программы «Teach for all») // Право и управление. XXI век. — 2015. — № 3 (36). — С. 159–163.

© Касаткин Петр Игоревич (pkas@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

VIRTUAL REALITY AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

**A. Luginina
G. Nikitin**

Summary. Virtual reality has such significant characteristics as dynamism, variability, interacting with society, leading to fundamental changes in the pace of cultural transformations that also occur with increasing speed.

Virtual reality is becoming an integral part of human life, not only involved in the human exploration of traditional culture, reflected through the content of a virtual reality, but through the virtual communication affects the formation of a new culture, regulating and defining the human behavior in virtual space.

Virtual reality becomes a mediator in the relationship of man with the surrounding world and often replaces it, becoming the exclusive environment of the human being, whereby the person acquires a greater degree of freedom she exercises in the virtual reality.

Keywords: virtual reality, culture, communication, myths, philosophers.

Лугинина Анна Григорьевна

К.ф.н., ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И. Т. Трубилина, Краснодар

Никитин Григорий Михайлович

*К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет» имени И. Т. Трубилина, Краснодар
p20347@mail.ru*

Аннотация. Виртуальная реальность, обладающая такими существенными характеристиками, как динамичность, изменчивость, взаимодействуя с обществом, приводит к принципиальным изменениям темпов культурных трансформаций, которые происходят также с нарастающей быстротой.

Виртуальная реальность, становящаяся неотъемлемой частью человеческой жизни, не только участвует в освоении человеком традиционной культуры, отраженной через содержание виртуальной реальности, но посредством виртуальной коммуникации и общения влияет на формирование новой культуры, регулирующей и определяющей поведение людей в виртуальном пространстве.

Виртуальная реальность становится посредником в отношениях человека с окружающим миром, а часто и заменяет его, становясь исключительной средой человеческого бытия, вследствие чего личность приобретает большую степень свободы, которую она реализует в условиях виртуальной реальности.

Ключевые слова: виртуальная реальность, культура, коммуникация, мифы, философы.

Многие исследователи в XX веке изучали влияние технологии на развитие современного общества и человека. Среди известных основоположников постиндустриализма (информационной эпохи) можно выделить Д. Бэлла [1], З. Бжезинского [50], Й. Масуду [51], Э. Тоффлера [44].

В XX веке в работах физиков и философов (П. Дэвиса, Э. Кассирера, В. Клиффорда, А. Пайса, К. Хюбнера и других) развивалась идея о сопряжении и даже отождествлении понятия «виртуальная реальность» с понятиями «физический вакуум» и «физическая реальность». Э. Бехер[49] выдвигает гипотезу, согласно которой человеческий организм представляет собой «виртуальную» форму.

Представители западных философов дают анализ «виртуальной реальности» в контексте постмодернистской теории развития общества и считают, что ее феномен имеет скорее антропологические основания, чем онтологические. В рамках этого направления «виртуальная реальность» рассматривается в широком контексте (У. Брикен, М. Крюгер, Дж. Гибсон Ж. Бодрийяр, Ж. Делез,

Ф. Гваттари, У. Эко, Р. Барт, М. Хейм, С. Жижек, Р. Холетон, Б. Були, И. Сазерленд, Ф. Хэммит).

В начале 1990-х гг. виртуальной реальностью заинтересовались философы, культурологи, искусствоведы, социологи и психологи. Подход к исследованию культурного потенциала виртуальной среды предпринят в работах Е.И. Анненковой, В.С. Бабенко, П.И. Браславского, Ф.И. Гиренка, Я.Э. Голосовкера, В.В. Горчакова, В.А. Емелина, С.Н. Иконниковой, А.И. Калмыковой, Т.В. Ляшенко, Н.Б. Маньковской, Т.Э. Мартиросян, С.Т. Махлиной, Л.А. Микешинной, Ю.В. Наседкиной, М.Ю. Опенкова.

Философские и психологические проблемы виртуальности исследуются в работах Г. Бейтсона, В.М. Быченкова, Е.В. Ковалевской, И.Г. Корсунцева, М.М. Кузнецова, Н.А. Носова, Д.А. Поспелова, В.М. Розина, В.Л. Силаевой, В.Ф. Спиридонова, В.С. Степина, В.И. Фалько, И.Т. Фролова, Е.А. Шаповалова.

Ряд авторов рассматривают виртуальную среду как законченное воплощение стиля, настроений, элитарно-

го и массового сознания постмодернизма, и как кризис символики, ритуала, конвенциональности — Д. В. Галкин, В. А. Емелин, О. В. Катаева, Н. Н. Суворов.

Термин «виртуальная реальность», который, был придуман в Массачусетском технологическом институте в конце 1970-х годов для обозначения трехмерных макромоделей реальности, создаваемых при помощи компьютера и передающих эффект полного в ней присутствия человека.

Американский культуролог А. Л. Крёбер (1876–1960) трактовал культуру как самый отличительный продукт человека, сосуществующий с обществом, и вместе с тем как особую реальность, «абстракцию человеческого поведения, но не само поведение» [28; 939–969], не освобождая при этом культурологию от реального, материального предмета изучения. Культура — гибкая и подвижная сущность с постоянной взаимосвязью различных процессов, способная трансформировать имеющиеся и продуцировать новые социокультурные модели. Каждая культура представлялась им как единичное образование, состоящее «из элементов, стилей и моделей, существующих в уникальных контекстах, соединениях и конфигурациях» [28; 943–944].

Социальную среду информационного общества, его состояние формирует то, какие нравственные, культурные и политические коды принимают индивиды, составляющие данное общество.

Спрогнозировать действия человека, не определившегося духовно и социально, невозможно, поэтому социум в отношении его проявляет некую неопределенность. Становление информационного общества как явления глобального по своему характеру, создание международных информационных сетей переводит в новую плоскость восприятие истины социальной жизни.

В индустриальном и традиционном типах общества источником высшей социальной истины считалось либо откровение, либо социальное чувство, рожденное особой миссией класса, нации, призванных утверждать на земле единственно правильное общество. Расширение границ информационных технологий и коммуникаций кардинально изменило подобное положение. Индивиды в современной ситуации узнают друг друга и определяют свою социальную идентичность по типу информационного поля, в котором они находятся.

Отсюда возникают массовые противоречия между внешней принадлежностью индивидов к определенному этносу и государству и внутренней солидарностью с культурными стандартами, не совпадающими с национальной традицией.

Под *виртуальной реальностью* понимается:

- 1) Компьютерные системы, которые обеспечивают визуальные и звуковые эффекты, погружающие зрителя в воображаемый мир за экраном.
- 2) Новая технология бесконтактного информационного взаимодействия, реализующая с помощью комплексных мультимедиа-операционных сред иллюзию непосредственного вхождения и присутствия в реальном времени в стереоскопически представленном «экранном мире».

В настоящее время можно различить четыре основных типа виртуальных реальностей:

- ◆ имитационные, условные, прожективные и пограничные.

Виртуальные реальности позволяют создать и новую область экспериментальных исследований относительно переживаний человека.

Ладов В. А. в своей работе ВР-Философия (Философские проблемы виртуальной реальности) приводит примеры «виртуальных реальностей»:

- ◆ виртуальная реальность как информационная среда, созданная посредством развития компьютерных технологий;
- ◆ виртуальная реальность как информационная среда, созданная посредством биохимических реакций;
- ◆ виртуальная реальность как информационная среда, созданная посредством творческой активности воображения [26].

Дэниел Белл (1919, Нью-Йорк) — американский социолог и публицист, основатель теории постиндустриального (информационного) общества. Себя он однажды описывал как «социалиста в экономике, либерала в политике и консерватора в культуре». С этих позиций он и приступил к созданию принесшей ему известность теории, которая выросла из осмысления качественно новой ситуации, сложившейся в конце 60-х годов в развитых индустриальных обществах. Белл в отличие от представителей иных теоретических направлений, прежде всего марксистских и функционалистских, утверждал, что «общество правильнее рассматривать как совокупность различных сфер, каждая из которых определяется своим принципом, выступающим как нормативный фактор, регламентирующий её развитие».

Бэлл Д. выделяет пять признаков «постиндустриального (информационного) общества»

- ◆ переход от экономики обрабатывающих отраслей к экономике услуг;
- ◆ растущее преобладание «класса специалистов и техников»;

- ◆ главенствующая роль теоретических знаний в качестве основы нововведений и формулирования политики;
- ◆ ориентация в будущем на контроль и оценку технологии;
- ◆ принятие решений на базе новой «интеллектуальной технологии».

Существенный вклад в развитие доктрины постиндустриализма внес известный американский политолог Збигнев Бжезинский (Zb. Brzezinski), который изложил основные положения своей концепции в книге «Между двух веков. Роль Америки в технотронную эру».

З. Бжезинский попытался приложить теорию постиндустриального общества Д. Белла к тому международному геополитическому контексту, который сформировался к 1970-м гг.

В начале 1960-х годов фактически одновременно в Японии и США был введен в научный оборот термин «информационное общество», положивший начало одноименной концепции, которая начала разрабатываться в трудах таких авторов, как М. Порат [53], Й. Масуда [51], Т. Стоуньер [52], Р. Катц [54].

В 80-е годы японский социолог Й. Масуда в теоретическом исследовании «Информационное общество как постиндустриальное общество» (1983) [51] прогнозирует новый тип общества, где в полном объеме реализуются права и свободы личности в информационной сфере.

Нормой становится виртуальная жизнь в сети Интернет: творчество, развлечение и отдых, купля-продажа, повышение квалификации, поиск и оперативное получение знаний из информационных ресурсов различных стран мира.

Крупнейший вклад в исследование мифов XX века внес немецкий философ Э. Кассирер: «мифологическое мышление» (1925). У него мифология предстает как замкнутая система и способ моделирования окружающего мира.

Трактовка этого феномена: «Мифы не возникают спонтанно, они представляют собой искусственные творения, созданные умными и ловкими «мастерами». Современные политические мифы сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления». (Кассирер Э. Техника современных политических мифов 1990) [22].

Мифологизация информационного общества обусловлена тем, что в нем переплетаются и сосуществуют три мира: мир объективной реальности причудливо,

мир информационный и мир символический (виртуальный), придающий культуре характер «символической вселенной» (Ю. Лотман).

Основными параметрами двух последних миров стали информация и коммуникация, воспринимаемые большинством исследований не только как основной вид деятельности, но и как базовый стратегический ресурс информационного общества.

Коммуникация всегда была важнейшим элементом общественной и политической жизни. Понятия «коммуникация» определяет общественную связь, адекватную социальным целям, актуальным потребностям и наличным технологическим условиям.

Коммуникации на протяжении всей истории развития человечества играли важную роль в сохранении преемственности между поколениями, передаче культурных ценностей, политических традиций, норм социального поведения.

Специфической сферой информационного общества выступает массовая коммуникация, состоящая из открытых, упорядоченных процессов трансляции, посредством которой осуществляется социально-политическое взаимодействие между людьми и политическими институтами.

Информационное общество рассмотрено в главном труде Уэбстера «Теории информационного общества». В этой книге британский социолог Ф. Уэбстер последовательно и подробно изложил основные концепции современного общества, базирующиеся на понятии «информация».

Все рассматриваемые теории автор разделил на две большие группы.

В первую группу попали концепции, утверждавшие переход общества в новую, «информационную» («постиндустриальную») эпоху, т.е. теории собственно «информационного общества».

Сюда отнесены концепции постиндустриализма (Дэниел Белл), гибкой специализации (Майкл Пайор, Чарльз Сейбл), информационного способа развития (Мануэль Кастанельс) и постмодернизма (Жан Бодрийяр, Марк Поштер, Жан-Франсуа Лиотар, Джанни Ваттимо).

Во вторую группу были отнесены неомарксизм (Герберт Шиллер), регуляционная теория (Мишель Альетта, Ален Липиц) и теория гибкой аккумуляции (Дэвид Харви), теория рефлексивной модернизации (Энтони Гидденс) и концепция публичной сферы (Юрген Хабермас).

Теории из второй группы говорят о преемственности современного общественного устройства.

Теория М. Кастельса отличается существенной новизной от имеющихся концепций информационного общества (Д. Белла, Э. Тоффлера, А. Турена и др.). По его мнению, функционирование информации присуще человеческому обществу на всем протяжении истории цивилизации. Что же касается постиндустриального общества, то в нем генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти.

М. Кастельс выдвигает гипотезу: для сетевого общества характерно уничтожение биологической и социальной ритмичности, связанной с потоками жизненного цикла [22, с. 414]. Это новая концепция темпоральности (вневременное время).

Ж. Бодрийяр рассматривает современное постиндустриальное (информационное) общество как «общество потребления».

Ж. Бодрийяр рассматривает потребление как цепную психологическую реакцию, которая направляется современной магией, природа которой бессознательна.

Потребление предметов больше не связано с их сущностью — речь идёт скорее об отчужденных знаках предметов, которые существуют лишь в связи друг с другом. Избыток предметов потребления указывает на «мнимое» изобилие, которое Бодрийяр Ж. противопоставляет «подлинному» изобилию, существовавшему, по его мнению, при собирательном способе хозяйствования.

Бодрийяр Ж. считает, что общество потребления — это общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни культура, и где даже изобилие является следствием тщательно маскируемого и защищаемого дефицита, имеющего смысл структурного закона выживания современного мира.

В этом его идеи перекликаются с теорией дефицитной экономики. Бодрийяр Ж. рассматривает потребление в отрыве от естественной природы, считая его следствием возведённой в культ социальной дифференции, направленной на оправдание в любых условиях необходимости экономического роста. В этом он полемизирует, в частности, с Гэлбрейтом, допускающим существование у потребителя рациональных потребностей.

Бодрийяр Ж. считает, что в манипулировании потреблением содержится объяснение парадоксов современной цивилизации, для которой равно необходимы бед-

ность, войны и эстетическая медицина, преследующие одну и ту же цель — создание уходящих в бесконечность целей для наращивания производства.

В современных обществах функции управления и регулирования, как пишет Ж-Ф. Лиотар, все более отчуждаются от управляющих и передаются технике.

Распоряжение информацией уже входит и будет входить в обязанности экспертов всех видов. Правящий класс есть и будет классом, который принимает решения, но будет уже не традиционным политическим классом, а «разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей больших профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий».

Процесс управления существенно демократизируется и деиерархизируется, и при этом основу его составляет структура коммуникативной сети, по которой осуществляется передача операциональных блоков информации.

В отечественной литературе широко распространена, во многом благодаря трудам созданной Н.А. Носовым лаборатории виртуалистики, психологическая трактовка виртуальной реальности.

В самом узком смысле под психологической виртуальной реальностью понимаются изменения, происходящие в сознании человека под воздействием соответствующих технических средств, в несколько более широком — любые изменённые состояния сознания, возникающие в результате психической патологии, алкогольного или наркотического опьянения, гипнотического воздействия, стресса, воздействия каких-то граничных психофизических факторов (например, нахождение в невесомости или длительное пребывание в замкнутом пространстве с минимумом сенсорных воздействий).

По определению Н.А. Носова, «виртуал, в отличие от других психических производных типа воображения, характеризуется тем, что человек воспринимает и переживает его не как порождение своего собственного ума, а как объективную реальность» [36].

Речь идет о возникновении в сознании системы образов, не являющихся отражением объективной реальности, но принимаемых самим человеком как феномены того же бытийного статуса.

Виртуальная реальность в такой трактовке существует как совокупность образов, выходящих за пределы обычной репрезентации исходной реальности.

В трудах Р.Ф. Абдеева, А.И. Берга, А.И. Ракитова, В.М. Розина, А.Д. Урсула и других были проанализированы философские проблемы информатики, информации и Интернета. С.В. Бондаренко, Л.А. Савченко рассмотрели особенности коммуникативных отношений в сети Интернет.

Ю.М. Антонян рассуждал о формах «виртуальной реальности», называя одной из них Бога (как символ веры).

Л.А. Микешина подчеркивает, что все теоретические построения, научные модели являются формой виртуального бытия. С ее точки зрения «само знание — виртуально».

С.В. Бондаренко выделяют два способа взаимодействия человека с киберсредой как видом социальной среды: трансформационный и адаптационный.

Центр виртуалистики Института человека РАН разрабатывал новый парадигмальный подход к явления действительности. Рассматриваются вопросы экзистенции, воображения, рефлексии, измененных состояний сознания, виртуальной зависимости.

Различные аспекты «виртуальной реальности» рассматривались в работах философов, социологов и культурологов В.С. Бабенко, О.И. Генисаретского, А.В. Говорунова, Н.Э. Тройской, В.Н. Поруса, А.И. Ракитова, В.М. Розина и других авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэлл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования // Пер. с англ. М.: Академия, 1999, 956с.
2. Виртуалистика: экзистенциальные и эпистемологические аспекты. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 384 с.
3. Виртуальная реальность в психологии и искусственном интеллекте [Сб. ст.] — М.: РАИИ, 1998. — 315 с.
4. Виртуальная реальность как феномен науки, техники и культуры [Сб. ст.] / ред. Е. А. Шаповалов — СПб.: 1996. — 94 с.
5. Виртуальная реальность: философские и психологические проблемы [Сб. ст.] — М.: 1997. — 184 с.
6. Виртуальные реальности в психологии и психопрактике / Сост и общ. ред. Н. А. Носова, О. И. Генисаретского. — М.: 1995. — 181 с.
7. Виртуальные реальности и современный мир / Сост. и общ. ред. Н. А. Носова. — М.: 1997. — 85 с.
8. Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Вып. 4. Труды Центра профориентации / Ред.-сост. Р.Г. Яновский, Н. А. Носов. — М.: 1998. — 212 с.
9. Виртуальный мир Инфосферы: практическое использование человеком / Ред. В. В. Горчаков. — Владивосток: ВФ РТА, 1998. — 208 с.
10. Галкин Д. В. Виртуализация опыта в культуре постмодерна: метаморфозы дискурсивного ландшафта: Автореф. дис. . . . канд. филос. наук. Томск, 2002.
11. Галкин Д. В. Современные исследования цифровой культуры (вместо предисловия к переводу фрагмента книги Чарли Гира «Цифровая культура»)
12. Голосовкер Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер — М.: Наука, 1987. — 218 с.
13. Дебор Г. Общество спектакля / Ги Дебор — М.: Логос, 2000. — 184 с.
14. Емелин В. А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии. Автореф. канд. дисс. М.: 1999. — 24 с.
15. Иванов Д. В. Феномен компьютеризации как социологическая проблема. 2000. <http://www.soc.pu.ru/publications/pts/divanov.html>
16. Интернет: культура и образование: Мат-лы междунар. науч. конф. / Ред. С. Т. Махлина, Т. В. Ляшенко — СПб.: СПбГАК, 1998. — 121 с.
17. Каблова Ю. В. Феномен виртуальной реальности в контексте современной культуры Ю. В. Каблова — Volga-Soft Дизайн SLine 2001
18. Калмыкова А. И. Человек в техно-культуре: Прогнозные аспекты кибер-трансцендентализма / А. И. Калмыкова // Автореф. дисс. . . . учен. степ. канд. философ наук — Ростов-на-Дону, 2001.
19. Каменская О. Л. Текст и коммуникации / О. Л. Каменская — М.: 1990. 151 с.
20. Кандрашина Л. В. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / Л. В. Кандрашина, Л. В. Литвинцева, Д. А. Поспелов — М.: Наука, 1989. — 328 с.
21. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. -Вестник Московского университета. Сер.7 Философия. 1990,№ 2.
22. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. М., 2014
23. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / Под редакцией В.Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/soobshestva/power-identity/formation/>
24. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
25. Катаева О. В. Виртуалистика в контексте синергетической парадигмы. Автореф. дисс. . . . канд. философ. наук / О. В. Катаева — Ростов-н/Д.: 2002.
26. Крёбер А. Л. Избранное: Природа культуры / Альфред Луис Крёбер — М.: РОССПЭН, 2004. — 1008 с.
27. Культурология. XX век. Словарь. — СПб.: Университетская книга, 1997. — 640 с.
28. Ладов В. А. ВР-Философия (Философские проблемы виртуальной реальности). — Томск, Изд-во Томского ун-та, 2004. — 62с.
29. Лихачёв Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // «Изборник» / Д. С. Лихачёв — М.: Худ. литра, 1969. — С. 5–26.
30. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман — СПб.: Искусство-СПб., 2004. — 704с.
31. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте / М. К. Мамардашвили — М.: *Ad Marginem*, 1995. — 548с.
32. Марков Б. Демократия и Интернет // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: Материалы Всероссийской объединенной конференции / Б. В. Марков — СПб.: СПбГУ, 2000.

33. Махлина С. Т. Семиотика культуры и искусства. Опыт энциклопедического словаря. Ч. I: А-Л. Ч. II: М-Я / С. Т. Махлина — СПб.: 2000. — 552 с.
34. Межуев В. М. Философия культуры. Эпоха классики: Курс лекций / В. М. Межуев — М.: МГСА, 2003. — 200 с.
35. Микешина Л. А. Новые образы познания и реальности / Л. А. Микешина, М. Ю. Опенков — М.: РОССПЭН, 1997. — 238 с.
36. Наседкина Ю. В. Компьютерные виртуальные реальности как феномен современной культуры: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии (24.00.01) — теория и история культуры / Ю. В. Наседкина; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена; науч. рук. Т. В. Артемьева. — СПб., 2005. — 22, [1] с.
37. Никитин А. А. Концепции и средства доступа к виртуальным мирам в образовании, культуре, искусстве // А. А. Никитин, А. В. Никитин, Н. Н. Решетникова — <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2002/part4/NNR>
38. Николаева О. Современная культура и Православие / Олеся Николаева — «Православие и современность. Электронная библиотека» — <http://www.lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikolaeva/culture/contents.html>
39. Носов Н. А. Виртуальный человек / Н. А. Носов — М.: Магистр, 1997.
40. Опенков М. Ю. Виртуальная реальность: онто-диалогический подход. Автореф. . . . докт. философ. наук — М.: 1997.
41. Петров Л. В. Массовая коммуникация и культура / Л. В. Петров — СПб.: СПбГУКИ, 1991. — 400 с.
42. Потебня А. Мысль и язык / А. А. Потебня — Харьков: 1913. — 225 с.
43. Силаева В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества / В. Л. Силаева — автореф. дисс. . . . канд. философ. наук — М.: 2002.
44. Словарь по кибернетике / Под ред. В. М. Глушкова — Киев, 1979. — 624 с.
45. Суворов Н. Н. Элитарное и массовое сознание в культуре постмодернизма / Н. Н. Суворов — СПб.: СПбГУКИ, 2004. — 371 с.
46. Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития. Под ред. докт. психолог. наук Н. А. Носова. — М.: 1996. — 160 с.
47. Тоффлер Э. Третья волна. Пер. с англ. М. АСТ, 1999, 776с.
48. Фалько В. И. Философия виртуальности: подходы и принципы, проблемы и перспективы. М., 2000. — 92 с.
49. Хоружий С. С. / С. С. Хоружий — К антропологической модели третьего тысячелетия. <http://www.anthropology.ru/ru/index.html>
50. Шартье Р. Письменная культура и общество / Роже Шартье — М.: Новое изд-во, 2006. — 272 с.
51. Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий — М.: Шк. культ. полит., 1995. — 800 с.
52. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст / Умберто Эко — Интернет. — 1999. — № 6–7.
53. Becher E. Einfuhrung in die Philosophie. Munhen, 1949.
54. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. N. Y., 1970.
55. Masuda Y. Information Society as Post-Industrial Society. N. Y., 1982.
56. Stonier T. The Wealth of Information. L., 1983.
57. Porat M., Rubin M. The Information Economy: Development and Measurement. Wash., 1978.
58. Katz R. L. The Information Society: An International Perspective. N.Y., 1988.

© Лугинина Анна Григорьевна, Никитин Григорий Михайлович (p20347@mail.ru). Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

УПРАВЛЕНИЕ КАК АТТРИБУТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

MANAGEMENT AS ATTRIBUTE OF HUMAN BEING

T. Savinov

Summary. The paper analyzes management as an attribute of human existence. First of all, we are considering this topic from the point of view of the development of the philosophical thought of research scientists in the process of governance in human society. The paper notes the social and philosophical problems of governance in the functioning of certain constitutions in the modern form. It is noted that it consists of such elements as: creative attitude to management organization, attention to the dynamics of organizational changes, adaptation of organizations to changing conditions, understanding of the importance of management personnel.

Keywords: philosophy of management philosophy of being anthropological approach phenomenon of sociological management management.

Савинов Тимур Хакбердиевич

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при президенте Российской
Федерации
s458784@mail.ru*

Аннотация. В работе проведен анализ управления как атрибута человеческого бытия. Прежде всего, мы рассматриваем данную тему с точки зрения развития философской мысли ученых-исследователей на процесс управления в человеческом обществе. В работе отмечена социально-философская проблематика управления в функционировании определенных конституций в современном виде, отмечено, что она складывается из таких элементов как: творческое отношение к организации управления, внимание к динамике организационных изменений, адаптация организаций к изменяющимся условиям, понимание значимости управляющего персонала.

Ключевые слова: философия управления философия бытия антропологический подход феномен социологического управления менеджмент..

Введение

В работах многих философов управление и власть рассматриваются как тождественные понятия. Прежде всего, мы считаем, стоит обратить внимание на работы философов, которые внесли существенный вклад в становление теории управления, это Николо Макиавелли (1469–1527), Томас Гоббс (1588–1679), Джон Локк (1632–1704), Давид Рикардо (1772–1823), Джон Стюарт Милль (1806–1873). Представленные философы, в своих научных работах, посредством социальной философии влияли на развитие управленческой мысли и социального устройства общества. При анализе процессов устойчивости общественных отношений, а также выявлению их характерных признаков философы пытались выявить идеальные способы управления в обществе. [1]

Но перед тем, как рассмотреть взгляды ведущих исследователей прошлого, стоит разобраться в основных понятиях, которые будут затронуты в нашей работе. Для начала давайте разберемся — что же такое управление. Управление является процессом, при котором субъект управления производит определенные манипулятивные действия на объект. Из этого, стоит отметить, что у управления как у процесса деятельности имеется два основных элемента — это объект управления и субъект управления. Практическое регулирование взаимоотношений субъекта управления и объекта положено в основу науки об управлении (менеджменте). С точки

зрения философии, в первую очередь мы можем рассмотреть то, что действия субъекта, направлены прежде всего на то, чтобы упорядочить действия объекта, в тоже время действия объекта дают понимание и основания для заключения о качестве реализуемых целей субъекта. Таким образом, философия, прежде всего, отражает и осмысливает взаимоотношения в паре субъект-объект. Само же управление в своем прикладном значении, решает вопросы по урегулированию этих взаимоотношений. [10]

Обращение к теме философии управления, а в частности социального управления, известно, что эта область имеет в своем основании, глубокие корни, начиная свою историю с воззрений Аристотеля, в его труде «Политика». [4]

Философия управления, как наука, изучает теории о роли человека-субъекта в системе управления. Философия управления определяет место человека, а также формы и способы осуществления функций в управленческой системе. Фундаментальные проблемы управления, находят свое отражение в философской мысли, и по сей день. [10]

Возвращая свое внимание к истории философии, мы выявили, что в трактатах многих ученых-философов, начиная с древности, отражены умозаключения и рассуждения о способах и возможностях управления в системе общества и группы. Так, например Платон, греческий

философ, отмечал, что умение управлять, является умением, которое по своей сути является сложным и труднодостижимым для любого человека. Поэтому лишь немногие способны быть правителями в государстве или группе. Объяснение сложности управления по Платону заключено в том, что управление — это не столько действие, сколько знание, которое лишь немногие могут постичь. Знание, оно же мудрость, которая приходит путем долгого постижения процессов, которые происходят в общественной жизни. Чтобы управлять другими людьми, эта мудрость необходима человеку. Роль управления заключается для людей, живущих в обществе, а в глобальном понимании и для всего человечества в системной организации. Системная организация требуется для реализации возможности нормально функционирования всего человеческого общества. Как точно было замечено, у Гегеля, философская мысль призвана управлять представлениями людей, а эти люди в свою очередь уже достойны и способны к управлению всем миром.[1]

С точки зрения истории философии, у управления, как процесса, имеется ряд проблем, которые неизменны во всех эпохах и культурах людских, изменяются только определенные формы решения этих проблем. Философская мысль обозначила основные идеи и теоретические обобщения опыта управления в прошлом, чтобы в настоящем и будущем избежать ошибок и иметь представление об идеальном правлении в социуме. Так, например, многие философы пытались не только описать характер управления в обществе, но и старались выявить идеальную форму управления для человеческого общества.[10]

Стоит отметить, что в основе социального управления есть принципы, отталкиваясь от которых строится руководство обществом на основе сложившихся социальных условий. Принципы управления это обобщение имеющихся в обществе законов, а также закономерностей развития и функционирования общества, выявлению общих черт и признаков, которые дают возможность для дальнейшей деятельности. Принципы управления строятся на основании определения системы, структуры, процесса и механизма социального управления. Принципы управления выстраивают систему взаимосвязи с вышеперечисленными элементами, структурно, это можно представить следующим образом[1]:

1. законы социального развития;
2. социальные законы соответствующего периода социального развития;
3. законы и закономерности социального управления;
4. принципы социального управления.

Важно иметь в виду, что метод социального управления можно выбрать, а вот принципам социального управления требуется следовать.

Возвращаясь к воззрениям философов, приведем наглядный пример взглядов, которые, хотя и в измененном виде, сохранились в умах исследователей и в наши дни. Конфуций, рассуждал об управлении исходя из принципов о нерушимости иерархии между верхами и низами, строгому следованию законов и обычаев «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном» [1]. Если в верхах соблюдается буква закона, тогда обществом, по мнению Конфуция, легко управлять, в свою очередь, когда люди в низах находятся на своем месте, тогда каждый обретает подходящее себе занятие. Поиски того кто должен управлять и как следует это делать занимают центральную позицию в философии конфуцианства. В настоящее время эта идея отражена в философии менеджмента. Каждый человек должен быть на своем месте, это место определяется по его склонностям к определенному виду деятельности.

Платон, в своем труде, отвечает на вопрос о том, кто должен управлять. В первую очередь должны заниматься управленческой деятельностью те, кому по их природе подобает быть философами и правителями государства, Граждан, которые невежественны в вопросах управления, следует держать подальше от власти, мудрецам возможно поручить заботу об управлении [10].

Жюльен Офре Ламетри, еще в XVIII веке, показал всю важность философии в жизни общества. Так, например, по мнению Ламетри, философия оказывает влияние на искусство управления, таким образом, что государи, прошедшие школу мудрости, созданы стать и действительно бывают лучшими правителями, чем те, которые не пропитаны наставлениями философии [10].

Поль Анри Гольбах, подтверждает этот тезис следующим. Философы имеют в своем сознании понятие о причинно-следственных закономерностях общественной жизни. К своему тезису, Гольбах, добавляет, аргумент, что при просвещенном правительстве, у свободного народа, в стране, подчиняющейся разумным законам, философ всегда будет активным гражданином. В обществе, где хорошо выстроено управление, умный человек обладает значительным влиянием и может воздействовать на остальных граждан [1].

Согласно, Джанбатисто Вико естественный порядок обеспечивает постоянный круговорот форм общества и управления государством. Естественный порядок выстроен на двух основаниях. Первое, это тезис о том, что тот, кто не может управлять собою сам, должен предоставить править собою тому, кто способен с этим справиться. А второй тезис говорит нам, о том, что в мире устроено так, что правят те, кто по своей природе лучше. Последняя позиция отсылает, на наш взгляд, уже к теории социал-дарвинизма.[10]

В истоках науки управления философский подход был практически ключевым, системорганизующим компонентом общей методологии. Так, например основатель научного управления Фредерик Уинслоу Тэйлор, рассматривал и оценивал систему управления как новую философию» [1]. Подобные подходы, мы можем встретить, в работах и воззрениях таких классиков менеджмента как Генри Форд и Анри Файола. В современных представлениях об управленческой деятельности часто встречаются философские обобщения. [1]

Так, например, рассмотрим, первую публикацию, которая посвящена проблемам философии управления в двадцатом веке. Данную работу, выпустил в свет руководитель компании «Роунти» Оливер Шелдон и называлась она соответственно «Философия управления» (1924 год). В связи с этой работой, в основном, хочется отметить, интересное понимание понятие управления автором. Это понимание является философским по своей сути. Данное определение в труде, говорит о том, что управление не является собой чисто механическим действием, а управление есть, руководство сложной и чувствительной системой. Следовательно, в управлении требуется больше научно-философский подход, чем эффективное оборудование или техническое умение. С подобными определениями согласились бы многие управленцы и философы.[1]

Мы видим из вышеизложенного, что философия управления имеет практическую направленность. Практичность имеется и в классической философии. Это объясняется, тем, что истоками философского мышления имеется формирование ответа на практические и нравственные вопросы бытия человека. Практическая философия исторически, по своей сути, занималась поисками решения этических проблем как неотъемлемой части общей системы философии.

Рассмотрим несколько определений того, как понимается управление исследователи. По словам Анри Файола, управлять — это прогнозировать и планировать, организовывать, командовать, координировать и контролировать. Фредмунд Малик определяет управление как преобразование ресурсов в полезность. Гислаин Десландес определяет управление как уязвимую силу для достижения результатов, которая в свою очередь, наделена тройной силой ограничения, подражания и воображения, действующей на субъективном, межличностном, институциональном уровнях.[11,12]

Управление включает в себя определение цели, процедуры, правила и манипуляции [12] с человеческими ресурсами, чтобы внести вклад в успех предприятия.

Мэри Паркер Фоллетт (1868–1933) назвала управление «искусством совершать вещи через людей». [13] Фоллетт описала управление как философию. Это определение является полезным, но слишком узким. Фраза «управление — это то, что делают менеджеры», широко распространена [15]. Рассматривая управление как эквивалент «деловому администрированию», мы исключаем управление в некоммерческих организациях, например, в благотворительных организациях и в государственном секторе. Каждая организация должна «управлять» своей работой, людьми, процессами, технологиями, чтобы максимизировать эффективность.

Можно использовать термин «менеджмент» или «руководство» как коллективное слово, описывающее менеджеров организации, например, корпорации. [16]

Менеджмент (согласно некоторым определениям) существует на протяжении тысячелетий, и исследователи прошлого подготовили основательные труды, которые внесли свой вклад в современные теории управления. [17]

Вначале 20 века исследователи занимающиеся темой управления, пытались выстроить свои теории на том, что они считали полностью научной основой. Примеры таких работ можно найти Генри Р. Таун «Принципы научного управления» (1911), Лиллиан Гилбрет «Психология управления» (1914). [20] В 1912 году Йоити Уэно представил Тейлоризм в Японию и стал первым консультантом по менеджменту «стиль японского менеджмента».

Первые всеобъемлющие теории управления появились примерно в 1920 году. В 1921 году Гарвардская бизнес-школа предложила впервые степень магистра делового администрирования (MBA). Анри Файоль (1841–1925), описал различные отрасли управления и их взаимодействия, отношения между собой. В начале 20-го века, Вальтер Скотт и Дж. Муни применяли принципы психологии в руководящих должностях. Ренсис Ликерт (1903–1981) и Крис Аргирис (род. 1923) впервые обратились к феномену управления с социологической точки зрения. [18,19]

Касательно прикладного значения философии управления, рассмотрим современные работы исследователей, которые занимаются вопросами управления. Так, например, датский теоретик менеджмента Олэ Фог Киркеби в предисловии к своему труду по философии управления, сразу говорит читателю о том, что данная работа не представляет «философию управления», а имеет направленность ориентировать менеджеров на формирование «философии лидерства». Тем самым, мы можем отметить, что с точки зрения автора, роль философии в современном мире, состоит из формирования лидера

для компании нового типа. Формирование лидера нового типа может произойти благодаря философии, снова делает отсылку автор к философии.[7]

Социальное управление исследуется с точки зрения различных философских подходов, таких как онтологический подход, аксиологический подход, антропологический подход, философско-культурологический подход, гносеологический подход, праксиологический подход. Для наглядности, рассмотрим более подробно пару из вышеперечисленных подходов. Например с точки зрения антропологического подхода, как было отмечено в работе Д. А. Сухова «Социальное управление: основные подходы осмысления феномена». В названной статье рассматривается социальное управление как объект социального анализа.[6]

В социальном управлении исследуются социальные роли, которые выполняются теми, кто принял на себя субъект социального управления. Субъект и объект социального управления всегда находятся в социуме-определенном обществе, группе людей, этносе, классе.

С точки зрения философско-культурного подхода устройство любого общества обусловлено его культурными традициями, самосознанием социальных групп, коллективными психологическими установками. [6]

О. В. Туголуков в статье «Антропология социальной организации и управления (К постановке проблемы)» впервые предложил подход, который бы позволил рассмотреть процесс управления с точки зрения антропологии и как социально-философский феномен. [8]

В работе С. А. Семеновой «организация и управление как антропологическая и социально-философская проблема». В данной статье рассматривается организация и управление с антропологической и социально-философской точки зрения, особый акцент сделан автором на взаимосвязи управления и культуры. Социально-философская проблематика управления в функционировании определенных конституций в современном виде складывается из таких элементов как: творческое отношение к организации управления, внимание к динамике организационных изменений, адаптация организаций к изменяющимся условиям, понимание значимости управляющего персонала. [5]

Антропологический подход в рассмотрении управления является междисциплинарным пересечением различных предметных областей, таких как экономика. Антропологический подход направлен на анализ человеческого фактора в социологических науках. Можно говорить о том, что на сегодняшний день зарождается такое направление, как «антропология управления», ко-

торое начинает вырабатывать основные понятия. Антропологическое управление рассматривает творческий потенциал процесса управления, без которого управление сводится лишь к приложению власти субъекта над объектом. Социально-символический строй общества является основой, на которой может быть построена эффективная организация и управление. В данном случае мировоззрение является универсальной смыслопорождающей моделью. Культура способна воплощаться в материи и тем самым способна воплощаться фактом сознания и языка. Антропологическая реальность отражается в системе духовного производства. Таким образом, управление является основным атрибутом человеческого бытия как социализация и реализация в символическом измерении культуры. Процесс образования и преобразования социума являются важнейшими элементами «антропологии управления».[5]

У институтов организации и управления имеется глубинная историческая антропология. Эта мысль основана на том, что культура передается из поколения в поколение и традиционная культура может пониматься как предельный тип человеческой культуры.[5]

Символические конкретные формы задают целостное мировосприятие, т.е. образы и символы, которые хранятся в массовом сознании задают определенные паттерны поведения человека в повседневной жизни. Согласно социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана интерсубъективная седиментация является социальной, когда объективирована на знаковой системе определенного рода, другими словами, когда возникает возможность повторных объективаций общего опыта.[2]

В современной культуре, как отмечает Семенова, немаловажным аспектом является медийность в сфере управления, это связано с развитием технического прогресса в обществе. Современное общество можно назвать «обществом спектакля».[3]

Организация и управление являются зависимыми от антропологии жизненного мира. Зависимость управления вытекает из того, что социальные нормы и потребности, мотивы, цели и интересы объекта управления в организации являются главным условием эффективности работы предприятия. При создании оптимальных условий для труда можно выстроить эффективную организационно-управленческую программу, как отмечает Семенова.[5] В связи с этим хочется обратиться к известному примеру в психологической науке — пирамиде Маслоу, согласно которой, человек может заниматься успешно творчеством и любым другим видом полезной деятельности только после того, как удовлетворены его базовые потребности в еде, сне, защите.

Семенова, в своей работе, отмечает, что главным условием функционирования управленческой системы является антропологический аспект. Антропологический аспект отражается в таких понятиях, как социальные нормы и потребности, мотивы и стремления, ценностные ориентации и профессиональные цели работников организации. При оптимальных условиях для человеческого состояния, появляются возможности, построить эффективную систему управления, заключает автор.[5]

В заключение хотелось бы отметить, что рассматривая управление как атрибут человеческого бытия, исследователи-философы отмечали, что для управления социумом, главным образом управленцу требуется понимание процессов, которые происходят в обществе. Только тот человек, который знает принципы работы механизмов развития социума, может быть грамотным правителем. Для этого, прежде всего, требуется изучать процессы управления и понимать основные принципы работы этих процессов. Действия, которые требуются от управляемой массы, — это подчинение и следование правилам, которые диктуются свыше. Если низы и верхи

будут следовать заведенным законам, тогда возможно было бы получить идеальный способ управления, а следовательно создать идеальное государство. В управлении как в процессе существует субъект управления и объект управления, сам процесс реализуется между этими двумя элементами.

На наш взгляд при рассмотрении темы управления, как атрибута человеческого бытия, стоит отметить, что важным является не только исторический аспект развития взгляд ученых-философов на процессы управления. А не менее важным является рассмотрение управления с точки зрения современных подходов. Одним из таких подходов является антропологический. Управление стоит рассматривать как социально-философский феномен. Социально-философская проблематика управления в функционировании определенных конституций в современном виде складывается из таких элементов как: творческое отношение к организации управления, внимание к динамике организационных изменений, адаптация организаций к изменяющимся условиям, понимание значимости управляющего персонала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов Л. Е. *Философия: Учебник*. 2-я редакция, с изменениями и дополнениями. — М., Эксмо, 2005.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995, с. 323
3. Дебор Ги *Общество спектакля*. М.: Логос, 2000, с. 184
4. Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — С. 38–57
5. Семенова С.А. «организация и управление как антропологическая и социально-философская проблема» (основы экономики, управления и права, № 4 (4) 2012 с. 88–90).
6. Сухова Д.А. «Социальное управление: основные подходы осмысления феномена» Вестник университета № 10, 2012 г., с. 222–225
7. Сидоров Л. Г. Философия управления в информационном обществе INFORMATIZATION OF SOCIETY: SOCIO-ECONOMIC, SOCIO-CULTURAL AND INTERNATIONAL ASPECTS Materials of the IV international scientific conference on January 15–16, 2016., с. 17–23
8. Туголуков О.В. в статье «Антропология социальной организации и управления (К постановке проблемы) 2015 г. <http://credonew.ru/content/view/465/30/>
9. Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem, 1999, с. 479
10. Философия: Учебник / Под ред. проф. В. Н. Лавриненко. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрист, 2004.
11. Deslandes G., (2014), «Management in Xenophon's Philosophy: a Retrospective Analysis», 38th Annual Research Conference, Philosophy of Management, 2014, July 14–16, Chicago
12. Prabbal Frank attempts to make a subtle distinction between management and manipulation: Frank, Prabbal (2006). *People Manipulation: A Positive Approach* (2 ed.). New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd (published 2009). pp. 3–7
13. Jones, Norman L. (2013). «Chapter Two: Of Poetry and Politics: The Managerial Culture of Sixteenth-Century England». In Kaufman, Peter Iver. *Leadership and Elizabethan Culture*. Jepson Studies in Leadership. Palgrave Macmillan. p. 18.
14. Vocational Business: Training, Developing and Motivating People by Richard Barrett — Business & Economics — 2003. p. 51.
15. Holmes, Leonard (2012). *The Dominance of Management: A Participatory Critique*. Voices in Development Management. Ashgate Publishing, Ltd. p. 20.
16. Harper, Douglas. «management». Online Etymology Dictionary. Retrieved 2015–08–29
17. Gomez-Mejia, Luis R.; David B. Balkin; Robert L. Cardy (2008). *Management: People, Performance, Change*, 3rd edition. New York: McGraw-Hill. p. 19
18. Griffin, Ricky W. *CUSTOM Management: Principles and Practices, International Edition, 11th Edition*. Cengage Learning UK, 08/2014
19. Khurana, Rakesh (2010) [2007]. *From Higher Aims to Hired Hands: The Social Transformation of American Business Schools and the Unfulfilled Promise of Management as a Profession*. Princeton University Press. p. 3
20. Legge, David; Stanton, Pauline; Smyth, Anne (2006). «Learning management (and managing your own learning)». In Harris, Mary G. *Managing Health Services: Concepts and Practice*. Marrickville, NSW: Elsevier Australia. p. 13.

АКСИОЛОГИЧЕСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ¹

AXIOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF CULTURAL POLICY OF RUSSIA

T. Seregina

Summary. The article analyzes the problem of personality in the modern era. The main vectors of personality change and vectors of possible transformations are shown. The work shows methods that allow to more effectively consider the phenomenon of personality in the era of globalization. On the basis of the historical and philosophical analysis of the understanding of the personality in different historical stages, it is revealed that spiritual determinants of personality transformation become the determinative factor, namely, the value imperatives of the individual.

Keywords: person, person, globalization, mass society, values, transformation, civilization, culture, humanism.

Серегина Татьяна Николаевна

*К.ф.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
Seregina.tatiana@gmail.com*

Аннотация. в статье анализируется проблема личности в современную эпоху. Показаны основные векторы изменения личности и векторы возможных трансформаций. В работе показаны методы, которые позволяют эффективнее рассмотреть феномен личности в эпоху глобализации. На основе историко-философского анализа понимания личности в разные исторические этапы, выявлено, что решающим детерминирующим фактором трансформации личности становится духовные факторы, а именно ценностные императивы личности.

Ключевые слова: человек, личность, глобализация, массовое общество, ценности, трансформация, цивилизация, культура, гуманизм.

Общество вступило в мир глобализации, в настоящее время мы можем утверждать, что процессы глобализации затрагивают все сферы бытия, все институты и каждого человека. Глобализация стала объективным процессом, который нельзя игнорировать или не участвовать в нем.

Для современной науки вопросы, связанные с феноменом личности, социумом, культурой остаются актуальными, но и появляются новые смыслы, трактовки. В XXI веке человека не только синтез биологического и социального, но акцент смещается в сторону понимания человека как культурного существа, человека как носителя ценностей. Культура выполняет важную функцию сохранения и трансляции ценностей, важной проблемой становится изучение трансформации ценностных комплексов.

Современный человек переживает восприятие глобального мира амбивалентно. С одной стороны, человек включен в многочисленные варианты коммуникативных процессов, процессы глобализации и информатизации способствуют интенсификации коммуникативных процессов, а с другой стороны происходит нивелировка индивидуального и уникального и человек испытывает

отчуждение и одиночество в среде инвариантных моделей и видов коммуникаций. С одной стороны, это мир открытый, представляющий множество возможностей в экономической, социальной сфере, он облегчает коммуникацию, благодаря Интернет-технологиям и средствам массовой коммуникации, а с другой стороны этот открытый мир навязывает унифицированные требования к качествам личности, повышает степень неопределенности человека по отношению к окружающему миру. Амбивалентное восприятие окружающего мира — это естественный процесс, глобальное человечество, «большая история» — не естественное состояние человечества, человек мира — новое видение человеком своей идентичности. Человек всегда воспринимал себя через призму локального мира, через общности национальные, религиозные, семейные, государственные. Сознание, миропонимание современного человека проходит период становления, неопределенности и неустойчивости в обретении нового Я. Идентичность современного человека становится преходящей.

Наибольшую опасность представляет унификация ценностей в современной культуре. История человечества всегда характеризовалась многообразием ценностных систем. Каждая нация, сословие, государство, цивилизация

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 15-23-21002 «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»).

лизация формировали свои системы ценностей, сейчас мы наблюдаем стандартизацию, упрощение и унификацию ценностей. Они сводятся к ценностям гуманистическим и потому их однообразие не кажется опасным для развития культуры и человека: свобода перемещения, мобильность, открытость и доступность информации, возможность приобщиться к любому уровню и типу знания, овеществление человеческих качеств и перевод их в терминологию экономики, мы анализируем устойчивость общества через понятия человеческого, социального и интеллектуального капитала. Это ценности на первый взгляд положительные, способствующие прогрессу и развитию сущностных качеств личности и в целом положительно влияющие на развитие культуры.

Мобильность как одна из важнейших ценностей порождает человека, не привязанного к месту, где он родился, где он стал личностью, где коммуникативные связи наиболее прочными и где процессы идентичности имеют прочные основания.

Можно говорить, что в период начинающейся четвертой промышленной революции человек-потребитель вступает в мир коммуникации, где нет смысловой наполненности, которая бы создавала мир духовности, а есть мир коммуникации как передачи информации, а сама информация понимается только как продукт, который подлежит купле-продаже. Между тем философы настаивают на формировании ценностей, которые бы служили основой духовного мира человечества. Ю. М. Резник пишет: «антропологический взгляд во все времена был связан с попыткой выявить антропологические и культурные универсалии, лежащие в основе человеческой жизни и деятельности» [8; 87].

Историко-философская традиция рассматривает личность исходя из видения двух периодов: досубъектного и субъектного. В первом периоде личность является неотъемлемой частью коллектива: государства, нации, религиозной группы и лишена уникальных черт, которые были бы свойственны только ей и выделяли ее из общности. В эпоху личностного, субъектного понимания человек видится как уникальное, своеобразное, выделенное из социальной целостности, с уникальными, специфическими качествами и свойствами. Начало личностной эпохи датируется по мнению разных философов вариативно: одни исследователи считают начало формирования проблемы личности в античности, другие — средние века, нередко начало изучения личности относят к моменту понимания личности как уникального феномена, а именно к периоду формирования социально-гуманитарных наук, к 19 веку. Можно говорить, что каждая историческая эпоха описывает отдельные стороны личности и только к XX веку складывается относительно полное представление личности и ее роли

в социокультурном бытии. Проблема личности становится в этот период онтологическим ядром смыслов бытия и его ценностей. ««Я» никак не воспринималось само по себе, но лишь в контексте некой причастности. Альфой всякого индивида и его омегой была социальная и метафизическая общность, из нее и выводилось и к ней возвращалось — к надличной, авторитарной и абсолютной инстанции — всякое выделение из толпы» [1; 4].

Антропоцентрические гуманистические взгляды начинают формироваться в эпоху Возрождения, как противопоставление средневековому взгляду на мир. В Эпоху Нового времени понимание человека уточнялось: дано понимание человека как рационального и в эпоху Просвещения установлены основные принципы взаимодействия человека разумного с обществом и государством. Кант дает классическое определение человека, которое не устарело до сегодняшнего дня. Но оно уточнено было в философии Ницше как реакция на понимание человека в философии Маркса и Дарвина и в результате, в современной науке, человек понимается в рамках идей экзистенциальной философии, феноменологии. Такое понимание человека стало доминирующим не только в области философии и науки, но и в литературе и искусстве.

После Ницше человек стал пониматься не как итог развития истории и культуры, а как промежуточное звено, как этап следующего более совершенного человека. Мы говорим о форматировании нового типа человека — постчеловека, гибридного человека с мобильной идентичностью и оценивающего по уровню капитала как базовой сущностной черты. Алармистские тезисы об образе человека как гибрида достижений биотехнологий, информатики и медицины, лишённые специфических человеческих качеств, морали и эмоций, остаются в рамках фантастики. Предположения Ф. Фукуямы об обществе, лишённом свободы и поглощенном конфликтами, «войной всех против всех» не сбываются.

В работе Тоффлера «Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века» говорится, что власть, деньги и знания конвертируются друг в друга и будущая всемирная битва будет за контроль за знаниями как средство власти. П. Бергер и С. Хантингтон определяя влияние интеллектуального капитала выделял давосскую культуру как культуру мировой элиты, культуру яппи как культуру городских профессионалов и культуру интеллектуалов.

Исследование Р. Инглхарта, показывающего систему ценностей разных цивилизаций показывают, что именно в области аксиологической основы общества не стали глобальными в смысле их унификации. Ценности стран так называемого первого мира — это ценности секуляр-

ные, персоналистические, основанные на безопасности, консьюмеристские.

Носителями ценностей являются личности, демографическая ситуация в России такова, что актуальными ценностями станут гуманистические ценности здоровья, образования, воспитания. Можно говорить, что определять ход исторического, цивилизационного развития будут не ценности знания или информации, возможность управлять обществом, сохранять культуру дают ценности сострадания и сочувствия. Современный открытый мир делает информацию доступной, быстро и достаточно легко интерпретируемой, современный уровень образования делает возможным анализ сложившейся ситуации.

Опасность сейчас составляет и второй аспект глобализации ценностей. Наряду с унификацией ценностей происходит процесс массовизации культуры и как следствие понижение ее уровня, становятся востребованными и влиятельными фольклорные формы, о власти и доминировании в поведении фольклорных ценностей говорит в своей монографии С. В. Кортунов «Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру». Это протест национальной культуры против унификации глобальной светской культуры, но также необходимо понимать, что любое произведение глобального мира всегда носит характер национального. Сложно представить литературное произведение или картину, скульптуру и фильм, которые нивелируют национальные корни автора. О проблемах генезиса культуры писал А. Белый в начале XX века, времени, когда цивилизация переживала глобальный по масштабам и качеству кризис: «Культура рождается как индивидуальная связь; она крепнет и растет как культура народная. Можно ли выйти из всех народных культур в культуру общечеловеческую?» [2; 326]. Начало XX века в России — период, когда столкнулись культуры ранее разделенные элитарная, светская, религиозная и народная и в это время начинался поиск синтеза этих культур, понимание необходимости формирования нового типа культуры.

В философии проблема личности всегда была ключевой. Для понимания специфики изучения личности в современной науке должен быть использован компаративистский метод, в ходе которого проблема личности анализируется различными науками. В результате проблема личности будет показана как конвергентная проблема и мы получим предельно полную картину сущностного содержания личности.

В науке сегодня существует несколько определений человека: *Homo sapiens*, *Homo ludens*, *Homo socialis*, *Homo culturalis*. Последнее определение человека как

человека культурного становится в современном мире самым востребованным, оно объясняет человека, исходя из его сущностных качеств, а не посредством общностей или типа истории, в которой человек живет или типа общества и отношений внутри него. На первое место выведен человек с его потребностями, он становится первичным по отношению к бытию. При этом он понимается и как рациональный, действующий актер бытия, творчески воспринимающий бытие, как трактовали человека в эпоху Нового времени, человек и социальное историческое явление, как это видел 18–19 век, но при этом он и уникален, он не только познает мир, он его чувствует, как видели человека философы в 20 веке. Таким образом, подход к человеку как культурному становится рабочим понятие, которое наиболее полно позволяет понять феномен человека в современном глобальном мире.

В философии Нового времени человек понимается как самоочевидное начало, которое трансцендентно миру, он активен. Смысл жизни человека Нового времени в познании, изменении, созданий условий для прогресса общества и истории. Прогресс и рационализм — основные ценности человека эпохи Нового времени. Проблема идентификации не существенна для такого человека, она определяется исходя из его общественно-сословной принадлежности и в целом трудно изменяема. Идентификация как процесс отсутствуют, это данность, к которой надо адаптироваться, понять и принять условия ее функционирования.

Философы 17 века пытались понять пути и методы рационализации, понимания функционирования, строения общества, культуры. Кант и Гегель исследуют границы мира субъекта и сил, которые определяют его сущность.

В 20 веке поставили вопросы целостности субъекта, вопросы его идентичности и независимости по отношению к бытию. Но главным был вопрос о возможностях самостановления, творчества субъекта по отношению к себе и к миру. Для Фрейда и его последователей — это была проблема бессознательного в субъекте и непознаваемого. В постструктурализме человек стал зависим от социокультурной действительности и властных отношений.

Идентификация человека стала носить произвольный характер, во многом субъект сам определяет группу, к которой он хотел бы принадлежать, и в ходе жизни он может поменять эту группу в зависимости от своих пожеланий и возможностей. Идентификация понимается амбивалентно: с одной стороны, идентификация современного общества предлагает человеку новые уровни свободы, а с другой стороны, человек вынужден все

время подстраиваться под существующие практики той группы, которую он выбрал и все время менять ценности, нормы и правила поведения.

Глобальный мир — это не только открытый мир, мир с доступной информацией и высокой мобильностью, это мир кризиса, переходности, неопределенности и повышенных рисков.

Риски и кризисы в современном мире переживаются мягче, чем в предыдущие эпохи, человечество обменивается информацией, вступая в диалог или, по выражению О.Н. Астафьевой, в полилог быстрее находит оптимальное решение ситуации и строит функциональный модели выхода из кризиса. Можно говорить, по аналогии с построением «большой истории», начале эпохи построения «большого диалога» как ценностной основы современного мира.

Переходный, кризисный период — это борьба традиционного с модернизмом. Предыдущий кризис начала XX века, который затронул множество государств, и претендующий на статус глобального утвердил ценности модернизма: ценности технологического, городского, разрушение герметичных сословных рамок и их ценностных парадигм, формирование вертикальных и горизонтальных лифтов и их мобильности, складывание мозаичной культурно-ценностной картины мира. Процессы модернизма находятся в процессе становления в современном мире. И.В. Кондаков рассказывая о тенденциях глобализма и антиглобализма как формах глобалитета пишет: «конфликт может быть «снят» и разрешен лишь в рамках постмодернистской, мозаичной парадигмы мультикультурализма, постепенно складывающейся на наших глазах» [7; 115].

Современное видение человека включает в себя следующие константы: биологическая составляющая и связанная с ней экологическая, политическое, социальное и психологическое в человеке, человек экономический и технологический, информационный и аксиологический. Человек глобального мира совмещает все эти характеристики, культура глобального человека основана на идеях постмодерна, языком общения становится английский язык, в правовой сфере — основной является соблюдение прав человека, проблема национальной идентичности становится вторичной и недетерминированной биологическими или социальными факторами, а зависит от волеизъявления человека, информация передается при помощи сети Интернет, в отношениях с институтами преобладает утилитаристско-прагматические отношения и при этом такие формализованные отношения являются средством получения или реализации свободы человека.

Можно говорить о парадоксальном синтезе идей различных эпох, что характерно для периода кризиса, как периода выработки, поиска новой культурной парадигмы и нового взгляда на мир и человека. Обращение к прагматизму Дж. Дьюи и У. Джеймса, принятие идей эволюции и объективных закономерностей цивилизационных процессов и развития человека в духе Ч. Дарвина и Г. Спенсера, Рационализм и критика догматических идей и актуальность в этом смысле идей Р. Декарта, О. Конта, Дж. Милля, Г. Спенсера, понимание личности как творческой и активно создающей в духе А. Шопенгауэра, А. Бергсона, Ф. Ницше.

Феноменологический анализ рассматривает личность в рамках философии Э. Гуссерля: «феноменология должна иметь дело с «чистым» сознанием, т.е. с сознанием в феноменологической установке» [6;140]. Феноменологический метод Гуссерля позволяет раскрыть личность её не как результат развития, а как процесс становления, посредством проникновения в сущность смысловых характеристик человека: «Чистая феноменология как наука, пока она самостна и чужда пользованию экзистенциального положения природы, может быть только исследованием сущности, а не исследованием существования» [6;154]. Гуссерль подчеркивает, что феноменологический метод не тождествен экзистенциальному, что его цель постижение сущностей и чистого сознания.

Система понятий, которая описывает личность в каждую эпоху будет совершенствоваться и интегрироваться в категорию личности: понятия индивид, человек, субъекта, индивидуальность. Этимология понятия личность восходит к Древней Греции, как и ряд терминов, которыми описывается личность. Т. Гоббс раскрывает понятие личность в работе «Левиафан»: «Слово личность (person) латинское, вместо которого греки имеют слово *prosopon*, обозначающее лик или вид, подобно тому как латинское *persona* обозначает наряд или внешний вид человека, представляемого на сцене, а иногда специальную часть этого наряда, которая скрывает лицо, например маску... Личность... есть то же самое, что действующее лица, как на сцене, так и в жизненном обиходе, а олицетворять — значит действовать или представлять себя или другого, а о том, кто действует за другого, говорится, что он носит его личность или действует от его имени» [4; 124]. Цицерон также отмечает три личности в себе: я ношу три личности: мою собственную, моего противника судьбы.

В современной философии видение личности является синтезом данных экзистенциализма, герменевтики, постпозитивизма. В философии используются данные анализа как гуманитарных наук, социологии, политологии, психологии, так и результаты исследований в обла-

сти естествознания. Конвергентный и синергетический подходы к пониманию личности становятся наиболее адекватными методологиями в описании многообразия личности.

Дискуссии ведутся в рамках проблемы определения детерминирующих развитие личности факторов. А.А. Горелов, оценивая взаимодействие общества и личности как трагическое, понимает личность как экзистенциальное, духовное начало и вневременное начало, общество же исторично и коллективно. Общество не способно реализовать индивидуальные запросы личности, что и рождает трагедию. «Там, где всеобщее (часто демагогически) выставляется на первый план, упускается из виду его вторичность, к примеру, что всеобщее счастье народа строится на счастье отдельных индивидов» [5; 67]. А.Г. Глинчикова напротив считает, что реализация личностного станет возможна только исходя из типичного для русской цивилизации коллективного самосознания «православно-сострадательного солидаризма». Е.С. Юркова пишет о необходимости смещения акцентов с физиолого-психологических характеристик в основе которых лежат индивидуальные свойства человека на коммуникативные процессы. Она выдвигает гипотезу, что видение человека как прежде всего биологическое существо приводит к утере важнейшей функции общественного бытия- коллективного ценностно-нормативного творчества [10; 39]. Об кризисной ситуации смены ценностных парадигм пишет немецкий исследователь Хесле В., он называет подобную смену «тихой катастрофой», в основе которой лежит потеря инденфикационных ориентиров в культуре и замена подлинных ценностей, свойственных историческому

и культурному бытию цивилизации на псевдоценности и вера в их эффективность. Описан и крайний вариант, который сравним с гибелью общественного и культурного организма «Самый глубокий и отчаянный кризис идентичности является результатом убежденности в том, что не существует никаких моральных норм» [9; 113].

Таким образом, в современной философской науке можно выделить изучение феномена личности в трех направлениях: категориальном, концептуальном и феноменологическом. Категориальный анализ предполагает анализ личности через конвенцию категорий, понятий близких по семантике к категории «личность». Концептуальный анализ предполагает изучение личности сквозь призму историко-философского процесса. Полнее отражать феномен личности будет не историко-логический метод, а концептуально проблемный метод, который покажет личность сквозь призму основных проблем, которые раскрывают разнообразие аспекты личности. Феноменологическое рассмотрение личности становится не только методом, но и итогом понимания личности во всех ее аспектах и значениях. Каждая культурная эпоха, исторический этап развития, национальная среда, цивилизация предложили свое видение личности и ее идеала, выделила специфические черты личности. Феноменологический анализ фиксирует наиболее полное видение личности. «Мы даже лучше знаем все то, что не есть мы сами, быть может, человеку менее ясно, что он есть, чем то, что ему встречается. Он остается величайшей тайной для самого себя, ощущая, что в его конечности в его возможности как будто начинают простираться в бесконечность» [3; 67].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М., 1989. 272 с.
2. Белый А. Философия культуры // Символизм как миропонимание. М., Республика, 1994. http://www.udculture.info/ru/cul_5.html дата обращения 20.11.2017.
3. Бубер М. Проблема человека. М., Изд-во «Ника-Центр», «Вист-С» 1998. 96 с.
4. Гоббс Сочинения в 2 т. Т. 2. М., Мысль. 1991. 732 с.
5. Горелов А. А. Индивидуальность и эволюция. М., Институт философии РАН. 2006. 162 с.
6. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск. Агентство Сагуна. 194. 358 с.
7. Кондаков И. В. Глобалитет России (к постановке проблемы)// Современные трансформации российской культуры М., Наука. 2005. С. 83–119
8. Резник Ю. М. Специфика антропологического подхода в социальном познании и изменении /Наука о культуре и социальная практика: антропологическая перспектива. Сборник научных чтений/Под общей редакцией Ю. М. Резника. М., ИКАР, 1998, С. 84–93.
9. Хесле С. Кризис индивидуальной и коллективной философии, идентичности// Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123.
10. Юркова Е. С. Человек в ситуации культурного кризиса: аксио-антропологический аспект. Диссертация... кандидата философских наук. Екатеринбург. 2008. 197 с.

© Серегина Татьяна Николаевна (Seregina.tatiana@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЯДА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

TO THE QUESTION OF INTEGRITY OF INVIOABILITY: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF A NUMBER OF CONCEPTUAL APPROACHES

S. Trashkova

Summary. Article is devoted to a burning issue which is on a joint of several scientific directions — integrity of inviolability. The basis for determination of features of realization of the right to integrity of inviolability is degree of freedom of the person. The author investigates the social and philosophical bases of integrity of inviolability by means of the analysis of a number of concepts about freedom of the person as they differently open ideas of essence of freedom in society in general and, as a result, give different understanding of integrity of inviolability in him. At the same time also the fact that in the global world there is a transformation of many traditional representations which are intended to guarantee nonviolent existence of the person and society, the person and the state is considered, including — ideas of freedom.

Keywords: integrity of inviolability, freedom of the person, social transformations, personal security, realization of the right of inviolability.

Трашкова Светлана Михайловна

*К.ю.н., доцент, Красноярский государственный аграрный университет
sveta_kurbatova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена острой проблеме, которая находится на стыке нескольких научных направлений — неприкосновенность личности. Основанием для определения особенностей реализации права на неприкосновенность личности является степень свободы человека. Автор исследует социально-философские основания неприкосновенности личности посредством анализа ряда концепций о свободе человека, так как они по-разному раскрывают представления о сущности свободы в обществе вообще и, как следствие, дают разные понимания неприкосновенности личности в нем. При этом учитывается и тот факт, что в глобальном мире происходит трансформация многих традиционных представлений, которые призваны гарантировать ненасильственное существование человека и общества, человека и государства, в том числе — представления о свободе.

Ключевые слова: неприкосновенность личности, свобода человека, социальные трансформации, личная безопасность, реализация права неприкосновенности.

Актуальность статьи обусловлена рядом факторов, которые вызывают к жизни современные дискуссии о реальной наполняемости понятия «неприкосновенность личности». Учитывая интегративный характер этого понятия, полноценное исследование всего комплекса проблем, которые так или иначе связаны с неприкосновенностью личности, возможно только на уровне социально-философского анализа.

Следует исходить из того факта, что свобода является естественным состоянием человека, поскольку только свободный человек, находясь в осознании данного своего состояния, может быть спокойно-гармоничным и счастливым, а это есть ни что иное, как показатели максимальной реализованности в жизни. На протяжении всей мировой истории свобода человека являлась высшей ценностью, о чем свидетельствуют войны и революции во имя ее, и что, в подтверждении общепризнанного осознания и понимания этого нашло свое отражение в статьях Всеобщей декларации ООН прав человека, признающей ее в качестве одного из ведущих естествен-

ных прав человека. А так как членами данной международной организации являются большинство государств мира, то свобода человека презюмируется в качестве одного из наиважнейших прав каждого и на внутригосударственном уровне, что находит соответствующее отражение в нормах национального законодательства (см., например, ст. 17 Конституции РФ). Отсюда следует, что право на личную неприкосновенность является доказательством свободы и безопасности каждого человека. Естественно, что нормально развивающиеся государственные структуры гарантируют недопущение нарушений права каждого человека на неприкосновенность, а также пресекают их, наказывая за посягательство на неприкосновенность человека, включающую личную, физическую, психическую, и нравственную неприкосновенность. Н.М. Чуринов справедливо подчеркивал, что благодаря подобной политике «...оказывается преодолимой... большая пространственная распределенность социума, оказывается возможной связь поколений, передача и накопление социального опыта и т.д.» [1, с. 9–10].

Сложность решения указанной проблемы во многом зависит от разнообразия концепций, где авторами по-разному трактуется неприкосновенность личности. Их базовые позиции во многом обусловлены разными критериями, которые авторы выдвигают на первый план, анализируя все проявления социальной неприкосновенности.

Первое направление представляет группа ученых, которые в качестве подобного критерия рассматривают совокупность основополагающих элементов, которые составляют понятие «неприкосновенность личности». К этой группе относятся такие ученые, как Р.Х. Ильясов, Ю.И. Стецовский, Е.А. Лукашева и др., акцентирующие свое внимание на отдельных юридических понятиях. С этой точки зрения, подобный подход, подчеркивая системный характер этих элементов, составляющих само понятие «неприкосновенность личности», тем не менее, не отражает их глубинной общности и затрудняет понимание сущности этого термина.

Ученые, входящие во второе направление, под неприкосновенностью личности понимают конкретное состояние правопорядка, а также особенности положения человека в обществе (Н.Н. Короткий). Однако для подобного подхода характерны избыточные обобщения, а значит, он может не оказаться действенным в конкретной ситуации.

Ученые, которые представляют третье направление, неприкосновенность личности связывают в первую очередь с определенным построением и осуществлением уголовного судопроизводства (С.В. Долгоуров, Ю.Д. Лившиц и др.), что, тем самым, сужает границы ее понимания, или с совокупностью средств, а также гарантий обеспечения неприкосновенности личности (В.А. Патюлин, В.М. Корнуков), что, наоборот, выходит за пределы понимания непосредственно самой этой неприкосновенности. В целом же, два этих подхода характеризуются определенным разрывом между понятием «неприкосновенность личности» и конкретным человеком с набором неотчуждаемых прав.

Четвертое направление представляют работы исследователей, для которых сущность неприкосновенности личности тесным образом обусловлена гарантиями, которые предоставляет в плане личной безопасности, а также свободы гражданина. Подобной позиции придерживаются И.Л. Петрухин, З.Д. Еникеев и некоторые другие исследователи. В качестве замечания стоит подчеркнуть, что подобное определение трактует «свободу» как понятие, которое охватывает большинство элементов неприкосновенности личности, исключая личную безопасность. Сюда же можно отнести тех ученых, которые под неприкосновенностью понима-

ют в первую очередь правозащитные меры о посягательстве на личную безопасность, которые носят противоправный характер (О.Е. Кутафин, А.М. Баранов, П.Г. Марфицин). Подобная позиция предполагает следующую ситуацию: реализация права неприкосновенности личности возможна только при реальном посягательстве на нее, то есть право на защиту не включает в себя право «на постоянное обладание». Из этого следует, что в случае отсутствия каких-либо посягательств отсутствует и защита. Именно поэтому следует склониться к мнению, что под правом на неприкосновенность личности справедливо подразумевать определенное состояние человека, гарантированное государством.

Пятое направление составляют юристы-практики, которые в реальных процессуальных ситуациях обостряют дискуссии о наполняемости понятия «неприкосновенность личности». Так представители правовой сферы склонны рассматривать неприкосновенность личности в разрезе права каждого гражданина на защиту от любого посягательства на личную безопасность, его права и свободы [14; 15].

Различные аспекты неприкосновенности личности могут быть выявлены посредством системного анализа данного понятия, изучаемого в правовом, нравственном, социальном, политическом, экономическом направлениях. Однако, поскольку проблема неприкосновенности личности, как уже было показано, носит интегративный характер, то полноценный анализ этого понятия может быть исследовано только на социально-философском уровне. Одним из наиболее признанных критериев различения категорий частных наук и философии является «...степень общности обозначаемых ими явлений, отражением чего выступает сфера их научного применения» [2, с. 107]. Эту особенность подчеркивает У. Джеймс, который уверен, что «в самом широком смысле личность человека составляет общую сумму всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение, его лошади, его яхта и капиталы» [3]. В то же время, если следовать подобным определениям, то придется учитывать такую важную тенденцию современного мира, как резкое расширение сферы интересов личности, что требует пропорциональной защиты. Исследуемая проблема усугубляется тем фактом, что рост материальных благ не просто расширяет сферу потенциального применения законов, стоящих на защите неприкосновенности личности, но и требует иного, более высокого уровня их осмысления.

Традиционное определение неприкосновенности личности содержит в себе перечень базовых составляющих, где особое внимание обращается на наличие

гарантий, которые входят в прерогативу государства, и, естественно, соответствующим образом определяется также структура неприкосновенности личности. Согласно исследованиям, при таком подходе наблюдаются существенные недостатки данного определения, что было отмечено учеными.

Процесс индивидуализации, подразумевающий процесс выделения психологического индивидуума, который представляет собой отличное от общности существо, по мнению К. Юнга, является основополагающим историческим процессом, ведущим к становлению индивидуальности. Подобный процесс проявляется в виде дифференциации, конечная цель которой приводит к проявлению индивидуальных качеств личности [4, с. 170]. Именно поэтому для полноценного исследования необходимо введение понятия «индивидуальная свобода», поскольку существующие и устоявшиеся понятия «личная свобода» и «свобода личности» являются слишком широкими, не позволяя в полной мере отразить проблему.

Понятия «неприкосновенность личности» и «личная свобода» являются ведущими, поскольку без них невозможно полноценное исследование указанной проблемы, поэтому на современном этапе актуализируется проблема их соотношения. Важно подчеркнуть, что данные не являются тождественными и взаимосодержащими. Однако для иллюстрации конкретных социальных ситуаций в социальной философии вводится концепция, согласно которой различают «позитивную» и «негативную» свободы. При таком подходе, позитивная свобода предполагает наличие каких-либо действий, а вторая подразумевает свободу от принуждения. В этом случае под правом на личную свободу часто подразумевают право по своему усмотрению распоряжаться собой в рамках заданных и в какой-то степени ограниченных прав, созданных и контролируемых государством. Социально-философский анализ неприкосновенности личности включает право на состояние, когда со стороны государства не допускается стеснение нравственной, моральной, физической и другой целостности человека путем принуждения. Таким образом, такие концепты, как личная свобода и неприкосновенность личности, представляют собой двуединую основу не только психофизической целостности, но также автономии личности.

П. Флоренский, Н. А. Бердяев, К. Ясперс, Г. Шпет, а также Ж. П. Сартр были уверены, что целостность личности сохраняется в различных превращениях индивидуального существования. М. Хайдеггер подчеркивает, что если нарушаются эти условия, то тогда резко возрастает давление «Мы» или «идентичности всеобщего» [5]. Э. Фромм большое внимание уделяет внутреннему потенциалу человека, который позволяет отыскать себя

в современном мире. В отличие от своих предшественников (З. Фрейда, А. Адлера и К. Юнга) Э. Фромм акцентирует свое внимание на важности бытия не для себя, а для другого [6], что принципиальным образом изменяет понятие «неприкосновенность личности». В отечественной традиции принципиальное значение всегда имела духовная составляющая личности, о чем пишет великий русский философ П. Флоренский: «В другом Я личность открывает свои задатки, духовно оплодотворяемые личностью другого» [7, с. 345]. Т. Г. Лешкевич показывает, что специфические человеческие процессы, порождающие ситуации, при которых «неприкосновенность личности» может сформироваться как уподобление человека обществу, то есть во взаимодействии человека с человеком [8, с. 37].

«В обществе ограничение человека определенными рамками означает, что внешние границы рамки (неприкосновенность личности) защищают его от вторжения в его свободное состояние общества, государства, других людей. В то же время внутренние границы (личная свобода) не позволяют человеку распоряжаться своими правами в ущерб остальным. Неприкосновенность личности охватывает не его собственную деятельность, а исключительно сферу деятельности общества в отношении конкретного лица» [12]. Важная составляющая автономии личности — это понятие личной свободы, которая определяется деятельностью, не охватывающей деятельность этого человека, пребывающего в постоянном контакте с другими людьми. Эти взаимоотношения не проходят бесследно для человека, ведь он постоянно испытывает на себе физическое, психическое другие влияния. Именно поэтому «признание возможным некой «абсолютной» неприкосновенности и ее добровольного ограничения привело бы к выводу о практической невозможности реальной, сколько-нибудь продолжительной неприкосновенности, это понятие стало бы аморфным» [9].

Человек является неприкосновенным, если он существует и действует в соответствии с собственной волей, то есть без принуждения. Однако если принуждение является правомерным, то в этом случае неприкосновенность ограничивается, а способы воздействия на человека осуществляются помимо его воли. Неприкосновенность личности нарушается, если принуждение неправомерно. А. А. Зенько подчеркивает: «уже одно то, что эти природные предпосылки оказываются интегрированными моментами первоначальной социальной связи, придает им новую качественную определенность. Появляется особенное, что становится социальной связью...» [10, с. 127].

В современной науке и философии отсутствует законодательное определение неприкосновенности лич-

ности, что обостряет противоречия не только на теоретическом уровне, но и в среде практиков. Накопление подобных противоречий привело к формированию двух отправных точек в вопросе о наполняемости понятия «неприкосновенность личности». При столь широком толковании проявляется отход от традиционной позиции в направлении расширения диапазона действий по неприкосновенности личности, что отвечает сегодняшним представлениям, характеризующим мобильного человека глобального мира. Определенная часть ученых исходит из того факта, что неприкосновенность личности, выступающая в качестве сложного понятия, которое образуется из системы основополагающих составляющих. Тем не менее, конкретного наполнения содержания понятия «неприкосновенность личности», которое бы устраивало всех, пока не сложилось. Кроме того, отдельные из компонентов, входящих в понятие неприкосновенности личности включают в себя также и другие составляющие, осложняя тем самым понимание структурных элементов его. Например, физическая неприкосновенность включает в себя не только телесную, но и половую неприкосновенность, поэтому возникает необходимость в корреляции целого комплекса проблем. Например, трудно ставить вопрос о принципе неприкосновенности, если в качестве субъекта выступает *определенная универсальная социальная единица*. Подобный подход был характерен для русского философа В.С. Соловьева: «Прежде всего, развитие предполагает один определенный субъект..., о котором говорится, что он развивается: развитие предполагает развивающееся» [11, с. 141].

Наиболее обоснованным будет следующее определение права на неприкосновенность личности: «Гарантированная государством личная безопасность и свобода гражданина» [13]. Важно подчеркнуть, что сущность подобных гарантий состоит в недопущении, пресечении и наказуемости посягательств на нравственную, физическую, психическую неприкосновенность, а также личную безопасность. Можно утверждать, что возможность располагать собой представляет собой избыточно емкие понятия, которые не всегда включают в себя конкретное содержание, поскольку сюда можно отнести не только свободу передвижения, но также право избирать и быть

избранным и т.п. В связи с этим, необходимо вычленив базовые компоненты, то есть выяснить структуру указанных понятий, используя определенный исследовательский алгоритм. Для того чтобы четко определить реальную наполняемость ведущих понятий, так или иначе раскрывающих сущность понятия «неприкосновенность», необходимо: 1) физическая неприкосновенность предполагает защиту насилия, представляющего опасность для жизни и здоровья, а также охрану половой свободы; 2) общенравственная неприкосновенность, которая включает в себя защиту чести и достоинства личности; 3) психоневрологическая неприкосновенность являет собой защиту от посягательств на нормальное течение психических процессов; 4) индивидуальная свобода предполагает защиту права определения места своего пребывания, а также свободу передвижения; 5) общая свобода действий — это защита действий, которые не охватываются формализованным правом; 6) личная безопасность подразумевает ситуацию, когда в принципе отсутствуют угрозы причинения вреда. В связи с этим, можно заключить, что принцип неприкосновенности личности подразумевает недопустимость любого противоправного посягательства на нравственную, физическую и психическую целостность, гарантируя индивидуальную свободу действий.

Таким образом, социально-философский анализ проблемы неприкосновенности личности, представленный в различных концепциях, дает основание утверждать, что в современных цивилизованных государствах наряду с презумпированием верховенства свобод человека посредством закрепления этого в правовых документах разного уровня, особое значение приобретает вопрос о неприкосновенности личности, рядом с которым стоит и проблематика по обеспечению гарантиями реализации как свобод, так и неприкосновенности личности, а это, в свою очередь, порождает парадоксальную необходимость применения мер принуждения, санкционированных государством, которые, являясь одной из гарантий свобод, относятся к традиционному методу осуществления государственной власти, являясь жестким средством социального воздействия на конкретного человека и ставя под вопрос сущность этих самых свобод.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чуринов Н. М. Историческая идеология и историческое сознание // Теория и история. — 2004. — № 2. — С. 9–10.
2. Готт В.С., Семенюк Э. П., Урсул А. Д. Категории современной науки: (становление и развитие). М.: Мысль, 1984. — С. 107.
3. Джеймс У. Психология личности. М., — 1982.
4. История зарубежной психологии 30–60 г. М., — 1986. — С. 170.
5. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993.
6. Фромм Э. Характер и социальный прогресс // Психология личности. М., 1982.
7. Флоренский П. Столп и утверждение истины. В 2 т. М., 1990. — Т. 1. — С. 345.

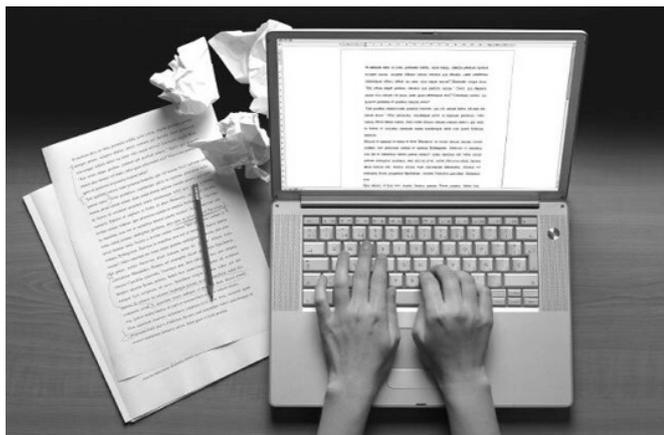
8. Лешкевич Т. Г. Неопределенность в мире и мир неопределенности (философские размышления о порядке и хаосе) Ростов н/Д, из-во Ростовского университета, 1994. — С. 37.
9. Кириллов М. А. Прогнозирование преступности. Лекция. // Под ред. проф. Аванесова Г. А. — М., — 2000.
10. Зенько А. А. Понятие социальности // Теория и история. — 2003. — № 2. — С. 127.
11. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соч. в 2 т. Т. 2. — М., 1990. — С. 141.
12. Актуальные вопросы уголовного процесса современной России // Межвузовский сборник научных трудов. — Уфа. — 2003. — 236 с.
13. Тотров, 74.docx <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=107> [Электронный ресурс]
14. Рахинский Д. В. О некоторых особенностях личности несовершеннолетних подозреваемых // Международная научно-практическая конференция «Государство и право в условиях гражданского общества». — Челябинск. — 2015. — С. 94–96.
15. Васильева Е. Г. Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. — Уфа: РИО БашГУ, 2003.

© Трашкова Светлана Михайловна (sveta_kurbatova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский государственный аграрный университет

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Arkhireev N. — Bauman Moscow State Technical University
arkh-nikolaj@yandex.ru

Belykh T. — Ph.D. in Psychology, Saratov State University
tvbelih@mail.ru

Bondarenko V. — Candidate of medical sciences, senior researcher, associate professor, Far eastern federal university (Vladivostok)
bondarenko.vv@dvfu.ru

Daribazarov J. — Doctor of philosophical Sciences, associate Professor, East – Siberian state University of technologies and management
aryadar@mail.ru

Gomboeva A. — Postgraduate student, Buryat state University

Kartashev A. — Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State
andrewkartashev@mail.ru

Kasatkin P. — PhD in Political Science, Assistant Professor, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia
pkas@mail.ru

Konovalova A. — Institute of Psychology named after L. S. Vygotsky, Russian State
konanavad@gmail.com

Luginina A. — Candidate of philosophical Sciences, FGBOU "Kuban state agrarian University" name I. T. Trubilin Krasnodar

Nikitin G. — Candidate of philosophical Sciences, associate Professor, FGBOU "Kuban state agrarian University" name I. T. Trubilin Krasnodar
p20347@mail.ru

Orlova A. — Post-graduate student, RUDN University
nastena1987@inbox.ru

Pyatnikova T. — Beloyarskiy branch Ob-Ugric Institute of applied research and development
toma.pyatnikova@mail.ru

Rubaeva T. — Candidate of Philosophy, North Caucasus Mining and Metallurgical Institute (State Technological University)
t.ketoeva@yandex.ru

Rushina M. — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the RUDN University

Sabanchieva L. — Candidate of History, senior research fellow of the Institute for the Humanities Research of Russian Academy of Sciences KBSC
sablyu@mail.ru

Savinov T. — Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation
s458784@mail.ru

Seregina T. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
Seregina.tatiana@gmail.com

Shishkin N. — Candidate of philological Sciences, associate Professor, Federal State Autonomous educational institution "Tyumen state University"
nicko72@mail.ru

Shulin V. — Ph. D., associate Professor of the St. Petersburg state Institute of culture
shulinv@yandex.ru

Soshnikov A. — Candidate of pedagogical Sciences, Samara state Institute of culture
soshnikov.alex@mail.ru

Tolkacheva O. — Saratov State University
tolkoksana@ya.ru

Trashkova S. — Krasnoyarsk state agrarian university (Krasnoyarsk)

Tyutyueva I. — Candidate of psychol. sciences, associate professor, State Pedagogical University of Shadrinsk, Russia
medvedeva452010@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).